

**БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ**

Кафедра политологии

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

учебное пособие

Минск
2002

А в т о р - с о с т а в и т е л ь

С.И. Симановский – кандидат философских наук, доцент

При составлении курса лекций использовались источники следующих авторов:
Е.Б. Абашкина, А.Я. Анцупова, А.И. Шипалов и др.

Р е к о м е н д о в а н о

кафедрой политологии юридического факультета
Белорусского государственного университета
30 августа 2002 г., протокол № 1

Г11 **Политическая психология: Учебное пособие/ Сост. С.И. Симановский.**– Мн.: БГУ, 2002.– 104 с.

Данный курс лекций представляет собой краткие ответы на некоторые вопросы программы по курсу "Политическая психология". Пособие состоит из нескольких логически связанных разделов и включает базовые конспекты лекций и список литературы. Однако данный курс лекций не может удовлетворить студентов, которые пытаются глубоко изучить данный предмет. Для таких студентов в программе по глобалистике приведен список основной и дополнительной литературы, охватывающий все темы курса.

УДК 000.00(00.0)
ББК 00.0

© Симановский С.И., 2002

© НПЦ "Комментарий" ФУСТ БГУ, 2002

1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК НАУКА

1.1. ПРЕДМЕТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Политическая психология находится в процессе развития, и, следовательно, характеризуется острыми дискуссиями по ключевым вопросам, в т.ч. и по ее названию. В том случае, когда исследования взаимодействия политических и психологических феноменов находятся в ведении психологической науки с соответствующим методологическим обеспечением, а политика трактуется как частный случай человеческой деятельности одни ученые употребляют термин "политическая психология". В другом случае, когда психологические методы, закономерности и категориальный аппарат поставлены на службу политической науке, то ее называют "психологией политики".

Существуют различные точки зрения специалистов на предмет и объем политико-психологических феноменов. Российский ученый Г.Г. Дилигенский и его американские коллеги С. Барнер-Бэрри и Р. Розенвейн полагают, что политическая психология не должна заниматься макрополитическими процессами. Ее предмет должен трактоваться как *психология политиков*. Однако такая позиция сужает не только предметную область, но и предполагает пользование инструментарием индивидуальной психологии.

Другой позиции придерживаются не менее известные политические психологи М. Херманн, Дж. Кнутсон, Х. Юлау. В предмет исследования политической психологии они включают не только поведенческие и когнитивные аспекты психологии личности политиков-профессионалов, но и все многообразие групповых процессов, происходящих в политике.

В дискуссиях по предмету политической психологии можно выделить несколько важных моментов:

- во-первых, понимание того, что психологические компоненты являются неотъемлемой частью политического процесса, произошло постепенно и отягощалось методологическими крайностями первых исследователей;
- во-вторых, работы современных психологов, избирающих своим предметом политическое поведение, политическое мышление или политическую культуру, нередко методологически недостаточно обеспечены и включают в качестве научного инструментария политологические, психологические, статистические, социологические категории и подходы без их должного перевода на язык своей науки;
- в-третьих, политико-психологическая проблематика развивается не только в рамках самой этой науки, но и в работах по истории, социологии, этнографии, экономике и др. В последнее время появилось немало работ, имеющих междисциплинарный характер и раскрывающих закономерности формирования личности в политике, воздействие политической культуры на судьбы государства, влияние исторически сложившегося менталитета на

развитие нации и т.д. Все эти проблемы входят в круг исследования психологии политики, однако не получили пока в ней достаточного освещения и зачастую не осознаются специалистами из смежных дисциплин.

По мнению петербургского психолога А. И. Юрьева, предметом политической психологии являются "психические процессы, состояния и свойства человека, модифицирующиеся в процессе взаимодействия с властью". Российский исследователь А. П. Назаретян определяет политическую психологию как "стыковую дисциплину, изучающую мотивацию политической активности".

В целом понимание предмета политической психологии колеблется между двумя полюсами. Или она интерпретируется как психология политиков (политических лидеров, активистов, членов партий, парламентариев), т.е. политической деятельности, или ее понимают (явно или неявно) как изучение всех психических процессов, так или иначе влияющих на политику. В первом случае политическая психология наиболее адекватна своему наименованию, обнаруживает значительную близость к психологии личности и значительный удельный вес в ней приобретают прикладные разделы, например, разработка оптимальных способов принятия политических решений. Во втором случае она весьма близка к области пересечения с социальной психологией. Это вполне естественно: если не замыкать изучение политики в ней самой, а пытаться выяснить ее роль и место в обществе, направляющие ее мотивы и интересы, ее влияние на общество, приходится обращаться к сферам общественной жизни, лежащим за пределами собственно политической деятельности.

В сущности реальная практика политической психологии показывает, что в своем развитии она идет по этому второму пути. Значительная часть монографий и статей в этой сфере показывает, что в основном там трактуются сюжеты, либо выходящие за рамки психологии политической деятельности, либо даже имеющие лишь косвенное отношение к политике.

Проблема психологических факторов в политике является достаточно важной. В то же время здесь существуют определенные сложности. Одна из них состоит в том, что трудно провести грань между психологией и политической деятельностью, избежать их противопоставления и выйти на определенный синтез данных феноменов. Французский политолог Ф. Бро отмечал, что "раздираемая между двумя антагонистическими крайностями – "психологизмом" и "социологизмом" политология зачастую попадает в два тупика: первый состоит в цеплянии за психологию деятелей, а второй, наоборот, в стремлении уклониться от всего того, что как объект политики обнаруживает страсти, эмоции и динамизм импульсов". Эту проблему рассматривают в своих работах также и другие известные ученые (Dowse R. E. *Political Sociology*. G.B.1986, Silva Sanisteban S. *Fundamentals de cencia politica*. L.1986).

Взаимосвязь и взаимовлияние политических и психологических факторов особенно ярко проявляется после неудавшегося прогноза или проекта, обнаружившего, что механизм человеческих действий не всегда доступен прямолинейному уму.

Действительно, модели "без психологии", когда действия людей представляются как непосредственные реакции на внешние обстоятельства, могут выглядеть правдоподобно. Но попытки выстроить в том же ключе социальные прогнозы раз за разом оказываются ущербными: люди ведут себя не так, как ожидается, логически безупречные экономические программы терпят крах, самоочевидные аргументы отторгаются аудиторией и т.д.

Психологическая детерминация политического процесса явным образом проявляется в условиях диктатур и военных режимов, но это верно и для демократических государств.

Наиболее ярко психологические закономерности проявляются во внешней политике, где решения часто принимаются в условиях строгой секретности и дефицита времени, а предусмотренные демократическими принципами процедуры согласования и обсуждения не могут быть реализованы в полной мере. Но и внутренняя политика отнюдь не свободна от влияния психологических явлений. Невозможно предусмотреть все правила и должностные инструкции, планы и методы работы, чтобы учитывались абсолютно все возможные ситуации.

1.2. СВЯЗЬ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ С ДРУГИМИ НАУКАМИ

К настоящему времени во многих развитых странах политическая психология сложилась как самостоятельное научное направление, исследующее различные политико-психологические проблемы. Она все больше признается учеными как одна из важнейших политологических дисциплин, изучающей "человеческое измерение" политики: особенности и стереотипы восприятия политических событий, усвоение политических ценностей, особенности качеств лидера и т.п.

Идейно-теоретические истоки современных политико-психологических теорий прослеживаются в ряде смежных дисциплин. Сами эти исследования часто носят междисциплинарный характер, находятся на стыке философии, политики, социологии и психологии, а также собственно политической науки.

Многие идеи о соотношении политики и личности, о подчинении граждан государству т.п., лежащие в основании рассуждений о психологическом факторе политики, почерпнутые из *политической философии*, уходят своими корнями в классическую традицию. Наибольшее воздействие на современные представления оказали английские политические мыслители: Т. Гоббс, Дж. Локк, И. Бентам, Г. Спенсер, А. Смит. В философии политики новейшего времени наблюдается пристальный интерес к психологическим компонентам масштабных исторических процессов. Среди

философов недавнего прошлого наибольшее внимание им уделяли П. Сорокин, А. Тойнби, Дж. Оруэл. Свой вклад в понимание психологических "элементов" политической системы внес структурный функционализм, представленный Т. Парсонсом, Р. Мертоном.

Важную роль для политической психологии играет *политическая социология*, социальная психология, особенно ее "поведенческий" раздел, поиск социопсихологических механизмов, управляющих поведением людей, участвующих в политике. Соответственно, значительный интерес представляют труды Э. Дюркгейма, М. Вебера, Я. Морено, Р. Парка, Г. Риккерта, В. Парето и др. Психологу необходимо знать основные социологические приемы исследования, методологию изучения социально-психологических процессов в малых и средних группах: проблемы социализации личности, лидерства, конформизма, идентификации и т.д.

Существенное значение для понимания и изучения психологии политики имеют работы основоположников и теоретиков социал-демократического, коммунистического, либерального движений, различных партий и общественных организаций, исследование позиций и взглядов государственных и партийных деятелей по политико-психологическим проблемам.

Важнейшим основанием политической психологии является, собственно, *психология*, особенно такие ее разделы, как общая история, теория личности, социально-психологические механизмы социализации, психология управления, возрастная психология, психология пропаганды; направления и школы: бихевиоризм, фрейдизм, неопрейдизм, фрейд-марксизм и др.

Политическая наука является четвертым основанием политической психологии. Наибольшее влияние на политическую психологию оказали традиции англо-американской мысли. В 50-х годах в западной политической науке началось теоретическое размежевание между сторонниками традиционного институционального анализа политики и представителями новой "поведенческой" политической науки. Суть последней состояла в поиске психологических механизмов, управляющих поведением людей-участников политических процессов.

1.3. МЕТОДЫ, КАТЕГОРИИ И ФУНКЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

В современной политической психологии существует большое *методологическое* разнообразие. Это связано, *во-первых*, с отсутствием общепризнанных теоретических схем и, *во-вторых*, с междисциплинарным характером исследований, в которых приходится соединять подходы нескольких дисциплин к сложному и многоуровневому объекту – поведению человека в политике.

Объект конкретного исследования диктует методы, адекватные его изучению. Например, различные феномены массового политического

поведения требуют таких методов, как *анализ статистических данных*, *проведение массовых опросов* с последующей их обработкой, *проведение фокусированных интервью* и метода *фокуса групп*. Так, подготовка предвыборных кампаний в последние годы породила широкий спрос на составление так называемого паспорта избирательного округа. Политические социологи и психологи проводят анализ статистических данных жителей конкретного избирательного округа с последующим описанием основных психологических и социальных типов избирателя. При наличии мониторинговых исследований в округе на протяжении нескольких лет такого рода работа дает очень точные результаты. Политик получает детальное представление как о глубинных и малоподвижных установках своих избирателей, так и о ситуативных изменениях в их настроениях.

В арсенале политических психологов сейчас появились специальные методики для исследования динамики массовых политических ориентаций, основанные на применении компьютерных средств обработки больших массивов данных. Так, один из самых дорогостоящих проектов под руководством Р. Инглхарта и П. Абрамсона ставит своей целью анализ динамики политических ценностей в 49 странах мира с разными типами политических систем.

Хотя исследование различных форм массового поведения по своей технике ближе всего к социологическим методам, но их содержание диктует применение таких методик, которые адекватны изучаемым психологическим феноменам. Отсюда и выбор таких исследовательских процедур, как *проективные методики* (например, *метод неоконченных предложений*), *метод ассоциации* и другие.

Указанные подходы дают хорошие результаты при изучении электорального поведения, массовых политических ориентаций, ценностей политической культуры. Но эти политико-психологические феномены поддаются анализу и с использованием иных методов. Так, например, *психобиографические* подходы позволяют не только выяснить влияние отдельных личностных характеристик политиков на конкретные события, но и видеть в отдельном политике модель определенного типа политической культуры.

Изучение феноменов политического мышления и политического сознания ведется в политической психологии преимущественно методами социальной психологии, причем в основном ее когнитивистского направления. Прежде всего, объектом исследования становятся различные тексты, которые обрабатываются с помощью *контент-анализа* различных модификаций. Так, в работе Д. Уинтера, М. Херманн и соавторов¹ контент-анализу подверглись тексты выступлений Буша и Горбачева для выявления ряда когнитивных характеристик этих политиков. Среди изучаемых компонентов политического

---

¹ Winter D., Herman M., Vaintraub W., Walker S. The Leader as a Projective Scene // Political Psychology. 1991. V. 12. № 2.

мышления были убеждения, понятийная сложность, методы достижения целей и некоторые другие особенности, прежде всего спонтанных (не записанных ранее) текстов, проанализированные через их сопоставление с аналогичными количественными характеристиками 148 высших политических руководителей из разных стран, культур и периодов. Таким образом, наряду с чисто качественными особенностями метод контент-анализа позволяет использовать и количественные параметры, дающие более объективные результаты.

Другим методом, используемым для изучения политического менталитета тех групп, которые имеют артикулированные политические ценности, является *метод построения их семантического пространства*². Он предполагает анализ политических штампов и клише политиков, а также партийных документов.

Наряду с этим в политической психологии широко используются психологические *тесты* при непосредственном исследовании политиков, а также многочисленные *методы дистанционного анализа* в случае, когда объект недоступен исследователю. В таких случаях изучаются не только тексты их выступлений, но и видеозаписи, мемуары о них и другие прямые и косвенные источники данных о личности в политике. Нередко используется и *метод эксперимента*. Чаще проводится лабораторный, но используется и естественный эксперимент. Так, в результате экспериментальной проверки получили подтверждения важные теоретические положения о закономерностях поведения человека в политике. Тверски и Канеман доказали, что человеку свойственно избегать высокой степени риска³. Знаменитые опыты Милгрэма показали, что в случае, когда есть некий "научный" авторитет в лице экспериментатора, испытуемые готовы пойти даже на ненужную в условиях эксперимента жестокость, снимая с себя ответственность за результат своих поступков⁴. Эксперименты Ласка и Джадда выявили склонность экспертов давать более крайние оценки кандидатов, чем это делают непрофессионалы⁵. Обычные граждане, оценивая политиков, руководствуются не столько знанием о том, что и как те сделали в политике, а исключительно впечатлениями, полученными накануне выборов⁶.

Следует отметить, что кроме собственно исследовательских процедур в политической психологии используется и широкий набор *методов коррекционного воздействия* на политическое поведение, сознание и бессознательные структуры личности. Практика политического консультирования включает психодиагностику политического деятеля, анализа и коррекцию его публичного имиджа, разработку стратегии его взаимоотношений как с широкой публикой, так и с собственными

² Петренко В. Ф., Митина О. В. Семантическое пространство политических партий // Психологический журнал. 1991. № 6.

³ Tversky A., Kahneman. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science. 1981. 221 P. 453 – 458.

⁴ Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View. N.Y., 1974.

⁵ Lask C. M. and Judd C. M. Political Expertise and the Structural Mediators of Candidate Evaluations // Journal of Experimental Social Psychology. 1988. 24. P. 105 – 126.

⁶ Lodge et all. An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation // American Political Science Review. 1989. June.

единомышленниками и аппаратом. Такая работа политического психолога предполагает использование методов тренинга, участия в деятельности публичных рилейшнз, разработку рекомендаций по эффективной политической коммуникации.

Наряду с разработкой методов исследования в политической психологии важное место занимает вопрос о ее категориальном аппарате. К основным ее понятиям следует отнести разнообразные политико-психологические феномены: *политические мотивы, потребности и интересы личности и группы, политические настроения, политические традиции, политическая воля и мужество, политические привычки, политическое подражание, политико-психологические установки, политико-психологическая реакция, политико-психологическая ориентация, а также психология политического лидерства, психология политического поведения толпы, политический страх, политическая вина, политическая жертва, политический фарс* и другие.

Современная политическая психология рассматривает следующие основные вопросы и проблемы:

- методология, методы, принципы изучения психологических компонентов политических процессов и отношений;
- исследование психологических механизмов массовых форм политического поведения и деятельности, политических и национально-этнических процессов, развития политической культуры;
- изучение психологических закономерностей становления стихийных политических форм поведения и сознания, формирования массовых движений, политических организаций;
- исследование политико-психологических аспектов массовых чувств, потребностей, настроений, установок, мотивов, ценностных ориентаций;
- изучение психологии малых групп, как элемента политических процессов или явлений; проблем конформизма, психологического климата, общественного мнения, стереотипов, политико-психологических настроений, конфликтов, политико-психологической "аномии", особенно в периоды формационных или цивилизационных сдвигов;
- исследование вопросов руководства и управления с политико-психологической точки зрения, принятия политических решений и контроля за ними;
- анализ становления личности как участника политических процессов, психологических закономерностей ее вовлечения в политику, исследование закономерностей и особенностей формирования различных политико-психологических типов личности (революционер, центрист, консерватор, анархист и т.д.);
- изучение психологии международных отношений, психологических компонентов взаимоотношений на межнациональном уровне.
- Исходя из этого можно утверждать, что политическая психология должна выполнять в обществе следующие функции:

- исследовать причины происходящих процессов и явлений и извлекать из них необходимые уроки;
- прогнозировать грядущие события и оценивать их сравнительные вероятности;
- строить реалистические социальные проекты;
- разрабатывать инструментарий для активного влияния на мышление и поведение людей;
- воспитывать у граждан способность и готовность к сознательному сопротивлению политическим манипуляциям.

Таким образом, *политическая психология представляет собой сложный, многообразный феномен. Это система проявлений общественной психологии, выражающая отношение людей к политической системе, направляющая и характеризующая их поведение в политической жизни общества, изучающая психологические компоненты политической жизни общества. Политическая психология – это интегрированная область политологии и психологии, наука, изучающая все психические процессы, так или иначе влияющие на политику, а также то, как политические факторы воздействуют на личность человека.*

2. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Идейно-теоретические истоки политическая психология берет в трудах античных философов Платона, Аристотеля, Цицерона и др. Ее развитие продолжается в эпоху средневековья (Н. Макиавелли), затем и в новое время (Т. Гоббс, Дж. Локк, Ш.Л. Монтескье, Ж-Ж. Руссо, Г. Спенсер и др.). Однако лишь только со второй половины XX века происходит ее оформление в самостоятельную науку. Это было связано с поиском новых методов исследования политики, которая претерпевала резкие качественные изменения. Ее тенденции плохо поддавались прогнозам с помощью традиционных видов исследования государства, институтов права и закона. Не вмещались в традиционные представления о политике новые массовые движения, массовые политические настроения, мнения и установки как фактор серьезной политики, иные субъективные, неинституционализированные формы политики, в которой человеческое измерение, человеческий элемент начинают играть все большую роль, и исследования которого становятся центром нового движения в политологии. Это движение получило название *поведенческого подхода*, от английского *behaviour* (поведение) или *бихевиорального*. Для него было характерно обращение к человеку, отдельному индивиду как элементу политического процесса".

Процессы, которые начались в послевоенной Европе, Азии, Америке (как Северной, так и Южной), Африке имели много особенностей. Выделим из них только те, которые относятся к изменению места к роли человека, как элемента политической системы. Прежде всего, уже в конце прошлого века не только

психологи, но и философы, историки обратили внимание на нечто новое, появившееся в политических процессах. В политику в качестве субъекта, наряду с политической элитой королями и президентами вошли массы. Те самые массы, о которых писали классики марксизма и их идейные противники. Одной из первых работ, посвященных психологии масс, была книга французского психолога Ле Бона "Психология толпы". Он первый заметил, что с ростом городов, с развитием промышленности и появлением новых видов коммуникаций в политике все большее значение стали играть массы. В учебниках по политической психологии, издаваемых сегодня на Западе, вторым основоположником обсуждения этой проблемы называется Ленин. В книге "Что такое "друзья народа" и как они воюют против социал-демократов". В. Ленин полемизирует с русским народником Михайловский по вопросу о роли личности и масс в истории. Михайловский в этом вопросе не был оригинальным мыслителем. Он читал Ле Бона (это установленный факт) и в общем виде повторял его идеи. Так Михайловский воспринял понимание массы как "толпы" и вслед за Ле Боном считал, что толпа характеризуется такими качествами, как истеричность, агрессивность, безответственность и анархизм.

Оценки роли масс или роли толпы у Ле Бона и Михайловского была негативной. Ленин иначе оценивал эту проблему. Он подчеркивал то позитивное значение, которое массы играют в истории вообще и в политике в частности. Эта старая дискуссия дает представление о появлении качественно новой проблематики в политике, это уже не выяснение проблемы, кто и как принимает политическое решение на уровне государства. Это проблематика тех широких масс людей, которые либо поддерживают эти политические решения, либо отказываются руководству в поддержке.

Наше время доказало правоту тех (в том числе Ленина), кто выдвинул тезис о массах, как о важнейшем субъекте политики. В ядерную эпоху этот субъект политики приобрел совершенно новое, небывалое раньше значение. Сама политика необычайно усложнилась, появилась новая проблема, связанная с техническими ошибками, которые может допустить человек как на уровне самом высоком, на уровне правительства, на уровне тех, кто принимает решения, так и на уровне рядового гражданина, который нажимает кнопку на ракетном пульте. И кнопку эту тоже нажимает человек: человек со своими потребностями, интересами, с личными особенностями сознания и поведения.

Но, конечно, политический процесс во второй половине XX века имеет не только ту особенность, что он протекает в условиях, когда уже изобретена атомная бомба. Пожалуй, самой характерной особенностью этого века, особенно второй его половины, было небывалое ранее вовлечение в политику рядовых граждан. Это происходило как в развитых странах, так и в развивающихся. Самое любопытное заключается в том, что сама проблематика психологического фактора политики была вызвана именно необходимостью

вовлечь в политику ранее пассивные массы, обучить этих новобранцев навыкам политической деятельности, хотя бы таким простым, как голосование.

Развитие политической психологии шло под влиянием реального политического процесса. Подтолкнули к ее изучению, прежде всего потребности внешней политики. В конце 60-х - 70-х годов в странах Азии, Африки и Латинской Америки происходили очень бурные процессы освобождения от зависимости бывших колоний от метрополий. Тогда исследователи, а это были в основном американцы, столкнулись с проблемой выработки новой политики в этих регионах. Они считали, что во многих случаях (конечно, не везде и не всегда) выгоднее привлечь к политике, мобилизовать для нее ранее пассивные массы людей в этих странах, чем содержать диктаторские режимы. Понятно, что на практике политическое руководство не всегда слушает их советы. И во многих случаях эти рекомендации оказались действительно экономически более выгодными. Поэтому проблема политической мобилизации, активного включения ранее пассивных граждан в политику было одним из первых толчков к развитию этой науки.

Но одновременно с этим были и внутренние проблемы в тех же Соединенных Штатах, в Западной Европе, которые тоже попытались решить с привлечением психологических методов. Происходила стабилизация политической системы Запада изнутри. Но и события в Париже в мае 1968, революция в Мексике, молодежные выступления в США очень насторожили власти в связи с тем, что новое поколение граждан отказывалось от официальных политических ценностей, которые передавали им старшие. Это приводило к нестабильности в обществе, и нужно было найти такие способы включения молодых бунтарей в политику, которые не привели бы к развалу системы.

Современная политическая психология представлена разнообразными теоретическими и методологическими, идеологическими и политическими позициями, школами и направлениями. До недавнего времени в исследованиях политических психологов доминировали идеологические установки на манипулятивно-технократическую трактовку человека как элемента политической системы. Это относилось и к исследованию внутриполитических процессов, где обосновывались методы "модификации поведения" граждан в странах развитого капитализма, и к внешнеполитической деятельности, в которой политико-психологические исследования служили теоретическим обоснованием имперских амбиций. Однако в последние годы в работах по политической психологии все более отчетливо прослеживается гуманистическая тенденция. На передний план в них выдвигаются прогрессивные концепции, в рамках которых можно наблюдать становление элементов нового политического мышления.

Для современных работ по политической психологии характерен прикладной характер: многие исследовательские проекты содержат

рекомендации для принятия решений. Политическая практика все чаще учитывает данные психологов при выработке партийных программ, особенно в предвыборный период. Так, например, перед выборами 1984 года в США советники президента подсказали ему, на основе обработки данных опросов, что необходимо изменить внешнеполитические обещания избирателям, сделав их "миролюбивее".

Политические психологи нередко привлекаются для поиска решений в конфликтных ситуациях (как это было во время заключения Кэмп-Дэвидской сделки, Карибского кризиса). Ряд политических деятелей сами владеют психологическими методами, которые используются ими для выработки стратегии на будущее или анализа прошлого. Так, один из кандидатов в президенты (1988 г.) от демократической партии США Дукакис активно работает в области политико-психологической теории), а такие известные политические деятели, как Р. Никсон. Д. Локард) психологически осмысливают свой прошлый политический опыт. Интерес к политической психологии проявляют политики разного спектра, стремящиеся воздействовать на общественное мнение, участвовать в формировании политического сознания и поведения граждан, грамотно принимать политические решения с учетом человеческого фактора.

Развитие политико-психологических проблем в современной западной литературе идет по двум основным направлениям: *позитивистском и антипозитивистском*.

2.1. ПОЗИТИВИСТСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Данная тенденция, представленная в исследованиях структурного функционализма, критического рационализма, бихевиоризма – отражает запросы той группы политических практиков, которые стремятся "отладить" буржуазный политический механизм, считая его гомогенным и устойчивым. Психология участников политического процесса интересует их в связи с тем, что они стремятся оптимизировать адаптацию человека к наличному, существующему политическому порядку. Для этого направления характерен апологетизм, четко выраженная социально-охранительная функция. Методологическим основанием большинства концепций этого рода является сциентизм и технократизм, где вера в возможность чисто инженерного подхода к человеку в политике на основе применения новых научных достижений управления им. Эти новейшие модификации позитивистски-утилитарной политической теории являются продолжением классической традиции англо-американской мысли, основоположником которой был Т. Гоббс.

Обратимся к концепциям позитивистского направления, рассматривая их на примере функционалистской теории политики и политического бихевиоризма. В конце 50-х – начале 60-х годов у эмпирических исследователей практически не было выбора теоретической модели:

структурный функционализм и, его разновидность – системная теория политики – были монополистами в области методологии. Политологи ставили перед собой задачу приблизить идеи основоположников структурного функционализма Т. Парсонса, Р. Мертон к запросам политической практики. Первыми эту задачу попытались выполнить К. Дойч, Г. Алмонд, Д. Истон. Ф. Гринстайн, Дж. Торни, Дж. Деннис, Р. Хесс. Это была амбициозная заявка на построение "совершенно нового", "чисто научного", "всеобъемлющего", лишенного субъективизма и идеологической тенденциозности представления о политике. Картина общества и политики получалась при этом весьма статичной, фиксировала состояние статус-кво, претендуя на истину для всех времен и народов. Идеологической подоплекой, скрытой от глаз посторонних наблюдателей, было стремление к сохранению политического господства буржуазии, того самого статус-кво, который фиксировался в исследованиях функционалистов. Миссия политологов в духе сциентизма и индустриализма представлялась как миссия наладчиков политического механизма.

Функционалистская политическая психология может быть проиллюстрирована двумя основными модификациями: теорией "политической поддержки" и ролевой теорией. Они сосуществовали во времени, и последовательно сменяли друг друга в качестве объяснительного принципа.

Теория "политической поддержки" была разработана американскими политологами Д.Истоном и Дж.Деннисом в начале 60-х годов. Она исходила из общих постулатов системной теории, которые были адаптированы к функционированию политики. Личность как таковая, при этом ее не интересовала. Но функционализм вынужден обращаться к проблемам психологии, так как человек является компонентом политической системы. И в этом его качестве он подвергается политико-психологическому осмыслению. Для анализа человеческого компонента политики используется категории системного анализа – "вход", "выход", "стабильность" и т.д.

Так, на "входе" системы необходимо учитывать такие психологические реальности, как требования граждан к власти, их лояльность и добровольное подчинение правилам и нормам, на ее "выходе" – принятие политических решений, которое тоже осуществляется людьми с определенной психологией. Целью политической теории, по мнению Истона и Денниса, должно быть открытие механизмов, стабилизирующих систему, уменьшающих ее стрессы. Достигается этот эффект в том случае, если политические решения воспринимаются массами добровольно. Стресс же уменьшается за счет того, что политическая социализация ограничивает объем и разнообразие требований. Конечно, того же эффекта можно добиться и силой, но такой путь чреват ростом политической фрустрации и, следовательно, политической нестабильностью.

Психологическим основанием теории "политической поддержки" являются следующие положения: во-первых, они рассматривают политические

установки взрослых как конечный продукт предыдущего научения; во-вторых, считают, что взрослое политическое поведение ограничено этими политическими установками; в-третьих, полагают, что совокупность установок к активности индивидов оказывает важнейшее воздействие на национальное правительство и политическую жизнь, особенно в вопросе стабильности или нестабильности системы.

Сторонники этой концепции убеждены в том, что "базовые детские чувства труднее вытесняются и изменяются, чем те, что были приобретены позже, и что в моменты кризисов вероятно возвращение личности к своим базовым представлениям". Зная о том, что не политика является центром психологии ребенка, Истон и Деннис не пытались найти собственно политические феномены детской психики. Они высказывали предположение, что политические ориентации, взгляды, установки вырастают из более общих, неполитических оснований: например, из семейных отношений и отношений родительской власти они выводили отношение детей к власти в государстве. Если ребенок вырастает в семье с авторитарным отцом, то это может сформировать его отношение к президенту, который в глазах ребенка как бы замешает отца. Отсюда они сделали еще один вывод, прямо касающийся центральной для них проблемы "политической поддержки": лояльность к системе, диффузная поддержка формируется в раннем возрасте под воздействием семейных отношений. Она проявляется в доверии к власти (в лице президента или полицейского), в симпатии к национальному флагу, в идентификация со своей нацией, в формировании национального самосознания. Поддержка заключается не только в том, что, скажем, избиратель придет на избирательный участок и опустит в урну свой бюллетень. Поддержка имеет и собственно психологический характер: это определенный положительный образ системы, который существует в сознании человека. Если такого положительного отношения нет, то начинается дисфункция, болезнь системы, которая выражается в том, что, скажем, появляется движение протеста, ширится экстремизм, терроризм, то есть разлагивается, расплзается вся политическая ткань" Из этого был сделан вывод: чтобы система была стабильна, нужно воспитывать с самого детства, с раннего возраста у человека положительное к ней отношение. И этой цели постигают с помощью самых разнообразных средств, начиная от комиксов, мультфильмов, специальных книжек для детей, встраивая положительную установку на систему в общую, неполитическую картину мира ребенка. Американцы проводили исследование в одном из детских садов в Нью-Йорке. Детей около 5 лет спрашивали, знают ли они, кто такой полицейский и кто такой президент. И оказалось, что полицейского дети знают хорошо и понимают смысл его роли в политической системе. С президентом дело было похуже, один мальчик сказал, что он похож на его дедушку, другой – что он президент свободы и мира. И только один ребенок дал очень точный в

политическом отношении ответ, сказав, что президент – это человек, который делает войну. (Этот мальчик регулярно смотрел телевизионные новости).

Таковыми оказались представления о политике белых, среднего класса, городских детей, которые, конечно, смотрят телевидение и которые уже в пять лет имеют свой образ политики. В основном это позитивный имидж системы. Но любопытно, что, скажем, исследования в бедном районе тех же Соединенный Штатов (районе Аппалачей), где высок уровень безработицы, масса социальных проблем, показали, что в отличие от своих более благополучных в социальном отношении сверстников дети 10 -12 лет уже имели в сознании совсем не такой красивый, позитивный образ Америки. Многие из них вообще не воспринимали себя как американцы, не гордились этим, как их сверстники из другой социальной среды. Эти исследования дали очень интересный эмпирический материал, который показал, что основы политической поддержки системы закладываются уже в семье, что на нее огромное влияние оказывают такие агенты социализации, как средства массовой информация, школа.

Одна из идей, которые пытались доказать теоретики, и которые на практике воплощены в американской политике, это идея достижения политического консенсуса с помощью политического образования и воспитания. Эта концепция во многом помогла найти выход и кризиса конца 60-х - начала 70-х годов. Правда, консенсуса достичь не удалось и все развитые страны так и остались обществами разделенными, конфликтующими. Но тем не менее ту проблему, которую они перед собой ставили: справиться с бунтующим поколением конца 60-х. – удалось решить на неоконсервативной основе с помощью весьма массивного давления на молодое поколение.

Исследования следующих лет, проведенные как буржуазными политическими психологами, так и марксистами, показали несостоятельность выводов теории "политической поддержки". Сама жизнь, падение политического доверия к властям со стороны рядовых участников политических процессов в конце 60-х – начале 70-х годов поставили под сомнение понятие диффузной поддержки. Недоверие, политический цинизм, отсутствие идентификации с политикой Вьетнамской войны и Уотергейта - все это явления, возникшие как раз у того поколения американской молодежи, которое было респондентами в исследованиях Истона и Денниса; того поколения, которое воспитывалось в духе лояльности к системе. Психология этого поколения оказалась совсем не такой, как ее представляли себе теоретики "политической поддержки". Был опровергнут и другой тезис концепции, состоявший в том, что в норме гражданин должен быть лояльным государству, а критичность является дестабилизирующим фактором, проявлением аномии. Но в природе западного общества идеальный тип личности, описанный Истоном, – человек с условной моралью, проправительственным менталитетом, высокой степенью доверия к правительству и политически активный – встречается столь редко, что его можно назвать скорее

исключением, чем нормой. Сами функционалисты этого признавать не хотят. Они считают исключительным стечением обстоятельств то сочетание факторов, которое образовало "уникальный жизненный опыт молодежи 1960-х годов, толкнуло их на бунт против системы вместо того, чтобы поддержать ее. Они утверждают, что "созревающее поколение может отвернуться от ценностей предшествующих поколений, но не из-за срыва приводных ремней, а благодаря уникальной комбинации опыта и личных predispositions, что заставляет их по-своему интерпретировать жизнь" ⁷.

Другая разновидность функционалистской теории – *ролевая теория политики* – поставила в центр объяснения политического процесса (как международного, так и внутреннего) описание функционирования политической системы в терминах ролей. Это было связано с потребностью более широкого участия рядовых граждан в политике. Необходимость рекрутировать новых членов в буржуазные партии и движения требовала и нового подхода, который был почерпнут из социологии и социальной психологии – ролевого подхода. Функционализм трактует роль, прежде всего как набор прав и обязанностей, как статус, как реальные функции, связанные с местом личности в политической системе. Через наборы политических ролей описывается вся политическая система. Особое значение придается взаимосвязанности ролей. Так, роль лидера лишена смысла без ролей подчиненных. Нет короля без подданных, а президента без кабинета. Фундаментальная идея ролевой теории политики заключается в том, что все участники политического процесса одинаково признают распределение этих ролей между собой, что по этому вопросу существует консенсус, согласие.

Привлечение психологических данных об участниках политического процесса, играющих разные роли, ознаменовало новую ступень в развитии функционалистской теории. Ее сторонники все больше стали склоняться к мысли о том, что разные формы политического участия привлекают людей с определенным психологическим складом, с разными ориентациями. Что же это за роли, которые граждане играют в политике? Так, самая простая роль, которую каждый из нас играет, это роль избирателя. Другая роль – политический активист, член какой-то партии. И, наконец, на вершине этой политической пирамиды то, что психологи называют "гладиаторами", т.е. наиболее активные в политике люди вершители судеб политики.

Психологи обнаружили, что исполнение, игра политических ролей требует определенной тренировки. Так, например, многие политические лидеры, особенно из англосаксонских стран, начинали свою карьеру как футболисты. Дело в том, что политика – это игра командная. И для того, чтобы в нее хорошо играть, нужно чувствовать локоть другого, понимать, что он тебе хочет сказать, иногда даже без слов. А главное, это то, что в английском языке называется *cooperativeness*: это навык, который вырабатывается практикой, в

---

⁷ D. Easton, J. Dennis. *Children in the Political System*, p. 12.

том числе и практикой участия в различных спортивных клубах, с чего начинали многие политики. Эта проблема известна всем партиям, организациям, потому что все они должны научиться соединять свои усилия, понимать другого. Это определенная роль, в которой есть очень серьезный психологический компонент, который мы должны понимать, осознавать.

Психология говорит о том, что в любой роли, в том числе и политической, есть по меньшей мере три момента. Это объективная функция, которую политики должны выполнять, находясь именно здесь, в этой части политической системы. У президента свои роли, свои функции, у руководителя политической партии - свои, у рядового члена - свои. Обязанности обычно записаны в уставах, так же как и права - в конституциях.

Многие конфликты в политических организациях, в том числе, и в партиях, происходят из-за того, что люди не очень хорошо представляют себе, каковы же обязанности, которые они должны выполнять. Но есть и два других компонента у роли, которые имеют субъективный характер. Ведь роль - это не только то, что должен выполнять политик, но и то, как его видят другие, как его воспринимает публика. Это то, что называется политическим имиджем. Хорошо известно, что этот имидж может не иметь ничего общего с тем, что человек собой представляет на самом деле. Эта особенность проявляется во многих избирательных кампаниях, когда политические деятели с помощью средств массовой информации (особенно с помощью телевидения) пытаются продать свой имидж публике. Обычно демонстрируются такие качества, как семейная добродетельность, забота о благе бедных и т. п.

Но из практики многих западных политических деятелей известно, что создание политического имиджа нередко сопряжено с прямым обманом избирателей, с тем, что им просто морочат голову, причем делают это довольно квалифицированно. Один из американских политиков, деятель демократической партии Макговерн рассказывал о том, как он принимал участие в съезде демократической партии, проходившем в Чикаго. На съезде разгорелась очень жаркая дискуссия вплоть до того, что там были личные выпады. Конечно, все происходящее снимали для телевидения. Потом вечером, когда он включил телевизор, то он увидел совершенно замечательный монтаж. Сцена, снятая в зале, была дана сразу после сцены, которая случилась на улице в другое время и в другом месте. Там действительно была уличная стычка между сторонниками демократов и их противниками. Телевидение, которое явно не очень симпатизировало этой партии, так срежиссировало эти две сцены, что у зрителей сложился совершенно четкий образ очень агрессивной партии, которая как в зале, так и на улицах устраивает потасовки, что нанесло колоссальный политический ущерб ее имиджу. Так что здесь есть масса возможностей для манипуляции.

Но следует сказать о третьем компоненте роли: это восприятие своей политической роли политиком. Ведь известно, что одна и та же политическая роль и представляется, и воспринимается, и играет человеком в зависимости

от его личности, от его потребностей, от его сознания и так далее. Можно себе представить, какие разные люди играли одну и ту же роль президента Соединенных Штатов или, скажем, Генерального секретаря ЦК КПСС. Роль одна и та же, но ее по-разному воспринимали и соответственно исполняли разные исполнители. Мне представляется, что это относится не только к Генеральным секретарям и президентам, но и к ролям политических активистов, которые исполняют рядовые участники политики. Одна из серьезных задач, которую любая партия по идее должна перед собой ставить, если она хочет, чтобы ее активисты действительно были активны, это идентификация человека со своей партией, а значит, и со своей политической ролью.

Несмотря на то, что введение в оборот политического анализа психологической категории "роль" оказалось очень плодотворным, ее функционалистская трактовка породила немало возражений.

Во-первых, набралось множество фактов, свидетельствующих о том, что роль участника политического процесса в действительности не сводится, как того желают функционалисты, к адаптации, пассивному усвоению имеющихся образцов поведения (среди которых самый главный образец – конформистский). Все чаще не срабатывают нормативные ролевые предписания. Так, мы стали свидетелями появления невозможных ранее политических движений: например, "генералы за мир", мятежные священники в Латинской Америке и т.п. В приведенных примерах личность участников движения оказалась шире ролевых стандартов, предписывающих военному или священнику роль защитника той или иной политической системы, и не все из тех, кому положено защищать эту систему, всегда выполняют эту роль.

Во-вторых, политическая практика не подтвердила гипотезы о том, что включение в роль участника происходит через эффективную идентификацию личности с политической партией. Такая идентификация стала в буржуазной политике скорее исключением, чем правилом. 25 % молодежи, как показывают опросы, может поменять свои партийные пристрастия в течение двух месяцев. Серьезную обеспокоенность исследователей вызывает и тот факт, что в возрасте от 18 до 25 лет свою партийную принадлежность изменяют до 40 % молодых людей. С 1965 по 1973 г. число тех молодых людей, которые не идентифицируют себя ни с какой партией возросло на 11 % (с 37 % до 48,2). Начиная с середины 60-х годов почти половина молодых американцев не рассматривают себя ни сторонниками демократов, ни приверженцами республиканцев. То же наблюдается и в Западной Европе. По мнению западных специалистов, все большее распространение получает норма независимого (непартийного) политического поведения. Они объясняют свой отказ от идентификации характером семейного воздействия, увеличением числа неполных семей и другими микрофакторами. Правда, ряд авторов делает более широкие выводы относительно сходства партийных программ у основных буржуазных партий, которые пытаются выдать себя за партии 'всего народа'.

Этим можно отчасти объяснить голосование молодых людей не за партию, а за личность того или иного политика. Нам представляется, что такое объяснение вскрывает лишь часть происходящих процессов. Так, не учитывается, что отказ от идентификации с той или иной буржуазной партией является свидетельством глубинного кризиса буржуазной политики и все большего переноса центра тяжести на непартийную политику. Эта непартийная политика проводится и правящими кругами через неформальные непартийные организации (типа Бильдербергского клуба), и массовыми организациями, движениями, не имеющими организационной структуры. Обесценивающимися по причине независимости от официальной политики (таковы многие движения за мир).

Наиболее сильный удар по функционалистской ролевой модели личности нанесли исследования последних лет по проблеме политического отчуждения, цинизма, недоверия официальной политике. Практика все больше показывает, что личность не просто шире предписанной ей роли, но что она не везде желает брать на себя роль законопослушного гражданина, лояльного исполнителя предписаний правительства. Доказательством тому являются рост отчуждения от политики (индекс отчуждения в 1960 году в США составлял 29 %, а в 1980 г. – 58 %). Рост потенциала протеста, проявляющийся в увеличении политического неведения, цинизма распространен во всех слоях общества, включая правящие. Критика в адрес функционалистов побудила их пересмотреть некоторые положения своей теории в 70-80-е годы. В работах Г. Алмонда, С. Вербы, С. Хантингтона, С. Брэтэна, С. Липсета. Дж. Шумпетера стала доминировать мысль о необходимости политического участия "без эксцессов", когда большая часть электората не часто вмешивается в политическую кухню. Роль "участника", таким образом, не должна выходить за рамки тех правил, которые определит компетентная политическая элита. Теоретики этого направления, на словах признавая необходимость широкого привлечения населения к политическому процессу для развития демократии, на деле крайне ограничивают масштаб и формы этого участия.

Таким образом, перед нами подновленный, осовремененный эмпирическими декорациями вариант элитаризма (элитаризма демократического), причем Липсет, Шумпетер и другие функционалисты, начав свои исследования как выразители буржуазно-либеральных настроений в соответствии с политической логикой, перешли со временем на позиции реакционно-консервативные, пытаясь соединить вместе принципы демократии и аристократии. Так, в жертву стабильности, консенсуса была принесена политическая активность рядовых граждан. Функционалистская политическая теория, без сомнения, повлияла на формирование нынешней консервативной волны.

Главная идея функционалистов – идея консенсуса – представляется наиболее уязвимой прежде всего потому, что место консенсуса в реальной политической жизни все чаще занимал конфликт. Надо было учиться

сосуществовать с конфликтом как во внутренней, так и во внешней политике, Осознать этот факт данная парадигма не могла потому, что он не согласовался с ее схемой. Примечательно, что теории конфликта в США не имели, как это было в Западной Европе, левых традиций, поэтому критика функционализма там велась с правых позиций (теория конфликта Д. Белла, С. Хантингтона, З. Бжезинского). Правые теоретики прагматизировали идею конфликта, пытаясь поставить его себе на службу как во внутривнутриполитической, так и во внешнеполитической сферах. Так, получила распространение идея разрешения международных конфликтов методом "переключения ролей", предложенная Б. Коэном и А. Раппопортом. В отличие от "жестких" функционалистов, считая, что конфликт неизбежен в жизни общества, они предлагают цивилизовать его, ввести определенные правила игры: например мысленный обмен ролями. Другой пример применения теории ролей представляет собой использование ее в совокупности с математической теорией игр, предложенной профессором Гарвардского университета Т.Шеппингом. В числе других профессиональных стратегов он создал абстрактную теорию игр со смешанными мотивами. Мотивы поведения сторон в международном конфликте списаны им и с таких "ролей", как шофер и грабитель машины, хозяин дома и взломщик. По аналогии с этими ролями он описывает отношения СССР и США, где США приписываются положительные защитные мотивы, в то время, как СССР рисуется в виде агрессора. Таким образом, теория политических ролей в "конфликтном" варианте в США превратилась в активное политическое средство проведения милитаристской, агрессивной политики. Несмотря на критику функционалистская идея консенсуса оказалась модифицированной, но по сути все той же идеей организованного, управляемого политическими менеджерами общества.

Мы рассмотрели главные идеи, развитые функционалистской теорией политики: идею "поддержки системы", идею ролевой структуры политики. Прошло полвека с начала разработки этого направления. Сегодня почти ничего не осталось без изменения в этой парадигме. Плодотворным оказался замысел попытаться понять истоки политической позиции и поведения людей в процессе политической социализации. Менее удачным стало его функционалистское воплощение. Думается, что основная причина тому - искажающая реальность модель человека. Личность в представлении функционалистов – пассивна, ее социализация сводится к адаптации к системе в форме заранее известных политических ролей. Общий дух функционалистской модели человека – технократистски-менеджеральный. Личность рассматривается в первую очередь как объект манипуляции со стороны системы. Теоретическая мода на Западе повернулась в сторону более тонкой психологической модели, основанной на бихевиористской и когнитивистской трактовках личности.

Политический бихевиоризм. Для данного направления характерно широкое привлечение специальных психологических методов изучения поведения и сознания личности в рамках политического анализа.

Политический бихевиоризм использовал несколько психологических моделей личности. Одни модели тяготеют к изучению собственно политического поведения, другие - акцентируют внимание на политическом анализе определенных форм и элементов сознания, в частности потребностей" установок" мотивов. Первая модель опирается на бихевиористскую парадигму, вторая базируется на идеях когнитивизма и гуманистической психологии.

В политической психологии нашли свое применение несколько разновидностей психологии бихевиоризма: *классический или "конвенциональный"*, вошедший в политические исследования с именами: Дж Лолларда, Н. Миллера, Р. Сирса, О.Маурера и развитый Р. Лейном и Ф. Гринстайном; *радикальный*, прочно ассоциирующийся с работами Б. Скиннера; *социальный* (или школа социального научения), представленный исследованиями А. Бандуры и Р. Уоптерса.

Основной идеей классического варианта бихевиоризма, нашедшей применение в политическом анализе, стала идея прямого влияния среды на поведение индивида. Она рассматривала отношение политической среды и политического поведения согласно формуле S - R. Например, желая понять феномен политического отчуждения, классический бихевиоризм предлагает схему: простые социальные условия порождают определенное политическое поведение. Исследователю остается замерять первый и второй показатели и найти взаимосвязь между ними. Суть подхода заключается в преувеличении значения ситуационных факторов и отрицании какой бы то ни было внутренней активности индивида.

Радикальный бихевиоризм, хотя это и отрицается большинством политических бихевиористов, оказал наибольшее влияние на это направление. Его лидер Б. Скиннер был признан Американской психологической ассоциацией психологом, который внес самый большой вклад в психологию XX века. Пресса называет его "возможно, самой выдающейся фигурой в современной науке о поведении человека" и одновременно его идеи характеризуются как "разновидность фашизма без слез". Есть все основания для утверждения, что радикальный бихевиоризм "забыл о человеческих проблемах и вытеснил их крысиными".

Радикальный бихевиоризм использует формулу стимул-реакция прежде всего для осуществления контроля над поведением индивида, для его "модификации", Скиннер формулирует эту мысль предельно ясно: "Ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, чтобы улучшить контроль над ними". Не внеся особого вклада в развитие политической теории, идеи Скиннера были прямо поглощены практикой, дав ей "научные" аргументы, оправдывающие программы насильственного контроля над доведением граждан самыми варварскими средствами,

включая электрошок, психохирургию мозга, генную инженерию; аверсивную терапию и т.д. Школа социальной научения смягчила жесткую бихевиористскую модель поведения, включив в нее ряд промежуточных переменных, таких, как установки, мнения и даже личность в целом. Шагом вперед по сравнению с классическим и радикальным бихевиоризмом было включение в анализ политического поведения не только его психологических механизмов, но и его политического содержания, например, тех ценностей, которые усваивает в процессе политической социализации индивид.

Говоря в целом о тех идеях, которые были перенесены из бихевиористской психологии в политическую науку, можно отметить, что, во-первых, их политическая интерпретация была ориентирована крайне прагматически и использована наиболее реакционными политическими силами. Во-вторых, политические психологи-бихевиористы концентрировали свое внимание на индивидуальных особенностях поведения, игнорируя при этом макросоциальные и макрополитические факторы его детерминирующие. В-третьих, модель поведения, принятая ими, искажает активную творческую природу человека вообще и его политической деятельности в особенности. Человек в политике представляется ими как пассивный объект манипуляции политиков, как лишенный мировоззрения робот.

2.2. АНТИПОЗИТИВИСТСКИЕ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Эта тенденция представлена направлением, в русле которого разрабатываются теоретические построения *когнитивизма, "гуманистической психологии", неопрейдизма, символического интеракционизма*. Основой данных концепций является антисциентистская, чисто рационалистическая философия антропологического толка. В эмпирические исследования эти философские идеи проникли из культурантропологии, фрейдизма и социального бихевиоризма Дж. Мида и Дж. Кули. В политической психологии в настоящее время укоренились инстинктивизм фрейдистского понимания человека, идея идентификации личности со своей политической партией (разработанная Мидом), иррационалистическое видение природы человека (философская антропология Гелена и Плеснера). Данные постулаты в применении к политической психологии дали неоднозначные результаты в зависимости от политических установок исследователей. Так, например, фрейдизм в политической психологии представлен и в правых идеях Г. Лассуэлла, и в радикальных построениях "новых левых".

Антипозитивистские концепции в политической психологии развивались как реакция на вульгарный антаментализм бихевиористов, на игнорирование психологического компонента политических процессов у структуралистов. В европейской политической психологии этот поворот произошел под влиянием идей феноменологии Гуссерля, философии жизни, экзистенциализма, которые поставили под сомнение позитивистскую

трактовку личности. В США и Великобритании критика бихевиоризма шла не столько от теоретиков, сколько от практиков: педагогов, пропагандистов, психиатров, правоведов, специалистов по рекламе. Их не удовлетворяли результаты применения бихевиористских моделей для манипулирования человеком в производстве, обучении, управлении, лечении и, конечно же, в политике. Изрядное число этих критиков стоит на тех же реакционных позициях, что и Скиннер. Но отличие их подхода от бихевиористского было в том, что они обратились и иным психологическим явлениям, прежде всего к сознанию, которое их интересовало как объект манипуляции и управления. Как отмечает прогрессивный американский ученый Г. Шиллер в последние годы поиски эти шли прежде всего в направлении усиления эффективности обработки личности с помощью новой техники пропагандистского воздействия. Он убежден, что "сама форма коммуникации, получившая развитие в условиях рыночной экономики, в частности в США, олицетворяет управление сознанием".

Методологической основой неоменталистских психологических идей были две теории: *когнитивизм* и *гуманистическая психология*. И ту и другую, прежде всего, отличает интерес к проблемам формирования политического сознания, отдельных его структур. Одним из наиболее влиятельных когнитивистов был и остается Ж. Пиаже.

Начиная с 70-х годов в когнитивистском направлении политической психологии наметился поворот. От изучения детского политического мышления она перешла к анализу политического мышления взрослых, прежде всего к определению роли сознания человека в выборе партии при голосовании, идеологической позиции. Эти исследования имеют как либерально-буржуазную, так и леворадикальную окраску в зависимости от политических пристрастий авторов.

Буржуазно-либеральная тенденция в политической психологии сконцентрировала свое внимание в эти годы на потребительской модели политического сознания. Английский политический психолог Х. Химмельвайт в своей книге "Как решает избиратель?" строит модель политического сознания, которая объясняет, чем руководствуется индивид при выборе политических пристрастий. Она видит определенную аналогию между принятием политического решения избирателем и принятием решения покупателем. Отсюда название модели – "потребительская". В ее основе – формирование политических установок избирателя, который, согласно Х. Химмельвайт, "ищет максимального соответствия или наименьшего несоответствия между своим набором установок и партийными программами. Привычка к голосованию за определенную партию сходна с привязанностью к определенному магазину или фирме, а воздействие референтных групп напоминает то, как образ жизни наших друзей или коллег направляет наши пристрастия".

Вывод когнитивистских политических психологов, изучающих как формируется собственно идеологическое содержание политического мышления, отличается от того, к которому в 60-70-е годы пришли теоретики деидеологизации – Д. Белл, Ф. Конверс, С. Липсет, склонявшиеся к мысли об уменьшении воздействия идеологий на индивидуальное политическое мышление.

Химмельвайт и ее единомышленники пришли к выводу о расширении идеологизации мышления рядовых граждан в 70-е годы, о росте их интереса к политике и устойчивости их взглядов. Так, например, установки англичан по вопросам атомного оружия коррелировались с установками на национализацию, иммиграцию и смертную казнь, власть большого бизнеса и профсоюзов. Однако при всем отличии взглядов когнитивистов от идей Белла и Липсета между ними есть и некая преемственность, прежде всего в трактовке идеологии, как явления индивидуальной психологии. Так, исследование политического мышления у Химмельвайт основано на выделении "пакетов" признаков идеологий в индивидуальном сознании, которые сводятся к положениям определенных политических партий, их программ. Причем классовое содержание такой идеологии считается делом второстепенным.

Леворадикальная тенденция представлена в основном когнитивистской политической психологией неомарксистской ориентации. Она получила наибольшее распространение в 80-е годы, причем в Европе больше, нежели в США. Группа радикальных психологов: Данливи, Кастеллс, Сондерс – предложила концепцию потребительского расслоения. Заимствуя у Маркса представление о классовом характере политического сознания в буржуазном обществе, эти авторы сочли ряд марксистских положений "устаревшими". Основной пафос их построений состоит в соединении марксизма с веберовской теорией политики. Если марксистская традиция видит основу формирования политического сознания в процессе производства, то данная разновидность неомарксизма переносит акцент на процессы потребления. Доказывается, в частности, что сегодня именно характер и стиль потребления определяют направление политических взглядов человека, что границы между классами, создающие новые неравенства, проходят не в сфере труда, а в сфере домовладения, пользования общественным или личным транспортом, здравоохранением, образованием и другими благами потребления.

Среди антипозитивистски настроенных психологов представители "гуманистической психологии" занимают в настоящее время важное место. Хотя по числу исследований они не могут сравниться с бихевиористами или структурными функционалистами, но представители этого направления превосходят их по влиянию, оказываемому на мышление и сознание рядовых граждан. Это влияние идет от идей педагогов и психологов, в основном либерально-академического направления, которых объединяет антитехнократическое настроение. "Гуманистическая психология" выступила под знаменем свободного развития личности, ее эмоционально-эффективной

сферы, мотивации. На современных политических психологов наибольшее влияние оказали теории иерархии потребностей А. Маслоу и ненаправленной психотерапии К. Роджерса. Их идеи были реакцией на бихевиористскую трактовку личности как зависимую, пассивную инстанцию, лишь реагирующую на стимулы среды. Смысл основного постулата "гуманистов" сводится к утверждению самостоятельной ценности личности, развитие которой понимается как ее самоактуализация, т.е. "раскручивание заложенных изначально потребностей, практически независимых от среды". Главной категорией анализа психологии личности стала у них "потребность".

Политических психологов привлекла возможность проникнуть вглубь личностных механизмов политического сознания с помощью анализа политических потребностей, мотивов. Ряд политических психологов (С. Реншон, Р. Инглхарт и др.) использовали в своих исследованиях теорию А. Маслоу. Они исходили из того, что важнейшим мотивом участия в политике, увлечения в нее является не простая выгода, политическая сделка как в потребительской модели, а глубинные потребности личности, образующие основу ее убеждений. Эти базовые представления формируются в раннем детстве. В свою очередь, они служат основой последующих, собственно политических установок. Теория потребностей использована С.Реншоном для обоснования мысли о важности учета их в анализе демократии. Если политика не удовлетворяет базовых потребностей человека, в том числе потребностей участия, личного контроля над политическими событиями, такая система не может рассчитывать на эффективное вовлечение граждан и их поддержку. Но от этой верной мысли американский психолог отходит к обычному для буржуазных политических психологов стереотипу: потребность в личном контроле — это не столько воздействие самой политической системы, сколько результат раннего семейного воспитания. Следовательно, именно семья, тип взаимоотношений в ней и определяет отношение человека к политике. Так, он полагает, что индивиды, отчужденные от политики, чаще участвуют в экстремистских политических группах, применяют насилие, ищут причины несовершенства политики в системе, вместо того, чтобы искать их в себе⁸.

В последние годы в западной политической науке большую популярность приобрели работы Р. Инглхарта о молодежи. Эти работы построены на идеях А. Маслоу о самоактуализации личности. Противопоставляя свое понимание личности взглядам теоретиков индустриализма и постиндустриализма, которые считали, что экономический рост автоматически приведет к вращанию личности в буржуазную политическую систему, Инглхарт утверждает, что материальные потребности в благополучии — это уровень, который современная молодежь уже прошла. Появилось поколение, которое он называет "постматериалистами". Это люди, которые в отличие от предыдущего поколения "материалистов" уже не

---

⁸ S. Renson. Psychological Needs and Political Behavior. N.Y., Free Press, 1974.

стремятся приобретать одежду, машины, дома. Они больше ценят духовные блага образования, культуры. Это изменение потребностей имеет, по Инглхарту, большие политические последствия: оказываются "ненужными" революционные преобразования в Европе, т.к. постепенно меняются политические установки и потребности людей. Нетрудно заметить, что это еще одна попытка психологического обоснования ненужности революции, которая более тонкими средствами, чем индустриализм, пытается составить альтернативу марксизму.

Когнитивизм и "гуманистическая психология" предпринимают усилия, чтобы построить модель личности, которая в политике мыслит рационально – это, скорее, "Думатель", чем "Делатель". Политическое сознание в целом, потребности, мотивы, эмоции и другие компоненты сознания - дают программу рациональных действия индивиду. Этим психологическим концепциям противостоят иррациональные представления о личности и политике, среди которых по своему воздействию на политическую теорию выделяется неофрейдизм.

Политическая психология как субдисциплина у многих западных политических теоретиков ассоциируется с именем Фрейда с психоаналитическим подходом к исследованию личности в политике. Сейчас существует мощное направление в политической психологии "Запада", в котором психоанализ стал основным методом анализа поведения и сознания в политике. По своему распространению и воздействию на массовое сознание оно во многом превосходит остальные течения и школы.

Идеи, разработанные Х Лассуэллом в книге "Психопатология политики", послужили почвой, на которой сформировалось целое направление в исследовании личности и политики с фрейдистских позиций". Задачей этой ветви политической психологии является изучение политических структур личности, классификация политических типов личности, создание психобиографий политических деятелей. Вслед за Х. Лассуэллом это направление представляют Э. Эриксон, Ф. Гринстайн, А. Дэвис, Дж. Барбер.

В конце 60-х годов исследованием влияния политики на внутренний мир личности занялись теоретики новых левых, пытавшиеся "дополнить" марксизм положениями, почерпнутыми у Фрейда. На деле они весьма вульгаризировали марксистское учение о политике, сведя его к анализу бессознательных факторов политического поведения (К.Хорн. А.Ваккер. П.Брюкнер в ФРГ, А.Лакан во Франции, КЛэш, Э.Фромм. Дж.Кнутсон в США).

Фрейдизм явился продолжателем давней иррационалистической традиции в политической философии. Традиция эта, отмеченная именами Ницше, Шопенгауэра, Бергсона, Гуссерля, Шорангера, представляет личность в целом и особенно ее стремление к власти как иррациональный, инстинктивный феномен. Фрейдизм, как классический, так и его новейшие модификации, дал определенный импульс развитию проблемы личности в политике,

политической социализации. Он внес ряд новых постулатов о глубинных бессознательных детерминантах политического поведения.

Основная концепция психоанализа в политике заключается в том, что человек – это целостное существо. В нем все взаимосвязано. Любое из наших действий, поступков определяется той энергией, которая заключена в нашем организме, в тех инстинктах, которыми мы наделены от природы. Вообще-то Фрейд выделял два основных таких инстинкта, инстинкт жизни и инстинкт смерти. Первый из них он называл именем греческого бога любви Эроса, а второй, инстинкт смерти был связан с разрушительным началом человека, и его символизировал греческий бог смерти Танатос. Если говорить очень коротко и очень упрощая эту идею, то смысл ее заключается в том, что человек совсем не такое сознательное существо, каким оно представляется многим из нас. Фрейд, а вслед за ним и другие психоаналитики призывали посмотреть на человека более реалистически, как на существо, которое управляется не только рациональными, но и бессознательными структурами. Это относится ко всем сферам его деятельности, в том числе и политике.

Первым произведением, написанным в этом духе, была совместная работа З. Фрейда и американского дипломата У. Буллита. Это была биография американского президента начала XX века Вудро Вильсона. Работа очень интересна тем, что она была первой попыткой психологического портретирования политических деятелей. Задача, которую поставили перед собой авторы, состояла в том, чтобы выявить те мотивы политической деятельности Вудро Вильсона, которые не лежали на поверхности, были скрыты не только от наблюдателей со стороны, но и от самого этого человека. Дело в том, что Вильсон был очень любопытной фигурой: романтиком в политике, одним из основателей Лиги Наций, который, кстати, призывал к походу всех христиан против Советской власти, но тоже из романтических соображений. Он был незаурядным человеком, явно опережавшим свое время. Его чисто психологической особенностью было то, что все, что он делал в политике, было как бы пропущено сквозь речь, сквозь его ораторское искусство. Скажем, для того, чтобы написать какое-то выступление, он должен был представить себя говорящим на эту тему, и Фрейд предположил, что риторика, ораторское искусство было главной психологической особенностью Вильсона. Начиная с этой попытки психобиографии, в психоанализе идет традиция выделения разных типов политических деятелей в зависимости от типа их личности. И тут надо сказать, что психоанализ оказал огромное влияние вообще на психологию, политическую психологию, поскольку в нем очень сильно направление, доказывающее, что личность человека складывается где-то примерно до трехлетнего возраста. Отношения власти и подчинения, которые в политике очень важны, тоже складываются до трехлетнего возраста, из того опыта, который личность получает в семье (в отношениях с отцом и матерью, братьями и сестрами). Что касается Вильсона, а также других политических деятелей этого типа, то многие свои поступки они не могли бы

объяснить, поскольку те имели бессознательный характер. Это объяснялось особенностями их политической социализации в детстве, в семье, отношениями с отцом и матерью.

Это направление в психоанализе исследовало практически всех современных политических деятелей, включая ныне живущих президентов, премьер-министров и так далее. Вообще жанр психобиографии, политической психобиографии необычайно популярен, и основой его является как раз выяснение тех скрытых, бессознательных мотивов, которые не лежат на поверхности. Причем в политике, как правило, эти подлинные причины политических действий, имеющие инстинктивный характер, обычно заворачиваются в благопристойную упаковку. Скажем, за борьбой за справедливость, или желанием помочь бедным на самом деле могут скрываться личные мотивы того или иного политического деятеля.

Исследование Фрейда и Буллита положило начало длинной череде работ, написанных в основном в русле правого психоанализа. После Фрейда этим занимался американский политолог Лассвелл, которому принадлежит, например, книга, ставшая классической – "Психопатологии и политика". Лассвелл взял истории болезней пациентов, проходивших в санатории лечение от алкоголизма и неврозов. Это были и просто больные и политические деятели разного уровня. Он провел анализ по этим медицинским документам и показал, что их патологические отклонения от нормы, такие, как алкоголизм, наркомания или просто неврозы, связаны определенным образом с тем, как они себя вели в политике.

Оказалось, что стиль политического деятеля, его склонность к тем или иным политическим функциям тоже связана с его личностью. Он выделил три типа политика: агитатор, администратор и теоретик и описал конкретных людей, которых он зашифровал под буквами, скажем, мистер "А", мистер "Б". Вот как он описывал одного из них, "агитатора". Человек со склонностью к публичным выступлениям, такой же оратор, как тот же Вудро Вильсон, социалист по убеждениям. Причем его социалистические убеждения он выводил из семейного опыта. У этого человека был брат, которому тот завидовал. ревновал. Такие чувства тщательно скрываются, поскольку они неприличны, социально неприемлемы. Но и в скрытой форме эта зависть, ревность к брату продолжала существовать в бессознательной структуре личности. В его дальнейшей взрослой жизни она трансформировалась в привязанность к социалистическим идеям, к идеям братства, в частности. Сейчас такая примитивная трактовка происхождения социалистической идеи у данного человека, конечно ничего не вызывает, кроме улыбки. Другой пример, который приводится в литературе этого рода, это, скажем, стремление участвовать в антирасовых организациях движениях, связывается с каким-то то иным, иногда интимным опытом того или иного политического деятеля. Надо, как говорил Лассвелл, только как следует почистить поверхность, и вы

увидите, что за этими политическими идеями стоят какие-то личные, скрытые в бессознательном мотивы.

Подобные идеи правого психоанализа использовались раньше, да используются нередко и сейчас для характеристики левых движений. В частности, можно сослаться на одну из 93 книг, написанную еще до войны Лассвелом совместно с его учениками. Они изучали представителей коммунистической партии США в Чикаго и пришли к выводу, что в эту партию шли люди с определенным, агрессивным, авторитарным типом характера, которые выражают свою агрессивность через коммунистические взгляды.

Те исследования, которые проводятся в русле правого психоанализа, нередко весьма прямолинейны в выражении политической ориентации правого спектра. Это можно проиллюстрировать одним, очень известным примером. Речь идет об Уотергейте (скандал, приведший к отставке американского президента, связанный с тем, что было организовано подслушивание). Но началась эта история с того, что те спецслужбы, которые потом были пойманы за руку на прослушивании телефонных разговоров в штаб-квартире демократической партии, начали с того, что они взломали кабинет психоаналитика, который использовал один из деятелей демократической партии Эллсберга. Они искали там психоаналитические портреты супругов Эллсберг, которых с помощью этих данных собирались шантажировать. Вообще же составление психоаналитических портретов используется спецслужбами очень широко и с весьма определенными политическими целями. Из этого не следует, однако, что психоанализ всегда и однозначно связан именно с такими политическими целями. Поэтому, чтобы составить более объективное представление о политическом психоанализе, познакомимся и с его левым крылом, которое связано с революционным движением, с поисками тех людей, которые могли бы эффективно участвовать как раз в изменении политических систем.

Эти исследования начались еще в 20-е годы и связаны они с именем немецкого ученого Вильгельма Рейха. Его идеи пережили две волны популярности: в 20-е годы и в 60-е годы. Это было связано с высказанной им идеей необходимости дополнить социальную революцию революцией сексуальной. Он был убежден, что человек не может освободить других, пока он внутренне скован, пока он находится под бременем различных табу. Именно для этого нужна была сексуальная революция.

Кроме Райха, который был очень популярен в 60-е годы, эти идеи развивали и Маркузе, и Фромм, и многие другие известные философы, социологи. Но мы никогда не поймем правильно их идей, если мы не будем учитывать, что в основе многих из их социальных и политических выводов лежали идеи Фрейда. В частности, важно упомянуть об исследованиях двух проблем. Первая - это проблема авторитарной личности. Причем в данном случае исследованию подвергались как те люди, которые склонны подчиняться другим, так и те, кто склонен подчиняться этим авторитарным лидерам.

Теодор Адорно вместе со своими соавторами в 1950 году издал материалы исследования под названием "Авторитарная личность". Предметом исследования в нем была так называемая личность фашистского типа. Интерес к ней диктовался тревогой возможного повторения трагедии второй мировой войны и возникновения новой волны фашизма. Это человек с особым складом личности, склонный подчинять других, жестко придерживающийся сформированных с детства представлений, неспособный к терпимости, фригидный. Одновременно это такой человек, который склонен подавлять слабого, очень боится другого, стоящего над ним, сильного. Для него характерны этноцентризм, то есть представление о своей нации как о более высокой, чем остальные.

Был выявлен и ряд других психологических особенностей, но самое интересное в этом исследовании было то, что изучали не реальных немцев, которые участвовали в фашистском движении во время войны, а американцев после войны. Это были люди, принадлежащие к среднему классу, не бедные, не принадлежащие к этническим меньшинствам, так сказать, средние американцы. И выяснилось, что среди них люди этого типа весьма и весьма распространены. Это дало основание говорить о том, что авторитаризм - явление гораздо более широкое, чем фашизм, достаточно распространенное и опасное.

Само это исследование положило начало целому направлению, которое изучает авторитарную личность, личность, имеющую склонность к такому поведению в политике. Это человек, который сформировался в обществе, в семье, в среде, которые и сделали его склонным к авторитарному поведению. С этой точки зрения наши попытки демократизировать общество должны обязательно учитывать тот опыт социализации, который может стать препятствием на пути распространения демократических ценностей. Для многих политических движений и партий, ставящих задачу добиваться демократических преобразований, эта проблема тоже представляет определенный интерес, поскольку это не только изменения в институтах власти, это не только стремление поменять одну политическую партию у власти на другую, но это еще изменение политического сознания рядовых граждан, которые либо способны воспринять демократические ценности, либо их отвергают. И это тоже факт политической реальности. Другое дело, что здесь нет неизбежной исторической предрасположенности. Авторитаризм или склонность к демократии – это не только личная особенность, но это еще определенные политические условия, которые формируют тот или иной тип, делают его более или менее распространенным в обществе.

Проблематика политического психоанализа не ограничивается только вопросом об авторитаризме. В последние десятилетия гораздо в большей степени в этом течении обсуждают проблему революции. Связано это с работами Г. Маркузе и его единомышленников, которые обратили внимание на то, что буржуазное общество формирует человека, прежде всего как

политического конформиста. И относится это не только к буржуазии как классу. Во многом политическими конформистами стали и другие слои общества – рабочие, которые стали жертвой мелкобуржуазной психологии, которые вписались в это общество и не хотят ничего в нем менять. Это политические конформисты, которых Маркузе называл "одномерными людьми".

Кто же способен на то, чтобы изменить общество? Специалисты, работающие в этом крыле говорят, что это только те, кого общество не смогло обстругать по средним меркам. Т.е., только те, кто идет не в ногу, кто сохранил способность к самостоятельным действиям.

Согласно Г. Маркузе это те люди, у которых сохранялись здоровые инстинкты. В этой концепции революции очень силен психоаналитический элемент. Левые психоаналитики много внимания уделяли таким социальным слоям как студенчество. Широко известны идеи Р. Добре, Ф. Фанона, которые говорили о том, что силами сопротивления могут стать лишь очаги партизанской войны, третий мир. Были высказаны и такие идеи, что этими людьми, сохранившими бессознательно первозданные инстинкты, являются даже психически больные, преступники (такова, например, теория Жана Жэне).

Таким образом, шел поиск тех, кто мог составить революционные силы. Сюда относились молодые интеллектуалы, студенты, но полностью было отказано в революционном потенциале рабочим, тем крестьянам, которые не входят в число восставших партизан. Эти идеи сейчас не настолько популярны, как это было в 70-е годы, но в левых кругах они до сих пор имеют хождение.

Кроме этих имен левый психоанализ представлен попытками соединить фрейдизм с марксизмом, а частности, это немецкие фрейдисты-марксисты Лоренцер, Вакер, Хольцкампф и другие. Они изучали политическое сознание западногерманских рабочих, продолжая традиции В. Райха. Многими нитями эти идеи были связаны с неофеминистским движением. Это довольно вульгарная интерпретация марксизма, когда процесс производства на предприятии сравнивался с процессом производства человека в семье. Причем, находили аналогию в том, что мать - такое же эксплуатируемое существо, как рабочий, поэтому необходимо освобождение женщины. И сегодня во многих политических движениях, политических партиях используются результаты исследований политических психологов как с целью завоевания на свою сторону сторонников в политической борьбе, так и в борьбе с противником.

3. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

3.1. ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблемы включения личности в политические процессы, взаимовлияние политики и человека являются ключевыми в современной политической психологии. Политику делают люди со своими потребностями, интересами, чувствами и мыслями. Как невозможно представить себе человеческую жизнь вне политики, так и политическую жизнь вне человека.

Политическая социализация – это включение человека в политическую жизнь общества, приобретение им определенной политической роли под воздействием как политических, так и неполитических факторов. Этот процесс всегда индивидуален, однако за огромным количеством политических судеб политическая психология усматривает общую модель процесса политической социализации. Он включает в себя несколько этапов.

Как показывают научные исследования, элементарную политическую информацию человек способен воспринять уже в 3-4 года. Поэтому первой ступенью политической социализации является семья. Решающим политическим фактором на этом этапе становятся взгляды и образцы политического поведения родителей (активное участие в политике или уклонение от нее; поддержка государственных структур или оппозиция к ним и т.д.). Это прямое воздействие на будущее политическое поведение дополняется и неполитическими факторами. Речь идет о формировании средствами авторитета тех черт личности, которые будут иметь огромное значение для будущей политической позиции: способность к согласованным действиям или, напротив, конфликтность, умение обсуждать вопросы и выслушивать оппонента или неспособность к конструктивной дискуссии, толерантность или агрессивность и т.д. Думается, воздействие неполитических факторов в семье более заметно, чем факторов непосредственно политических. Только в сильно политизированных обществах последние могут доминировать в политической социализации ребенка. Однако в любом случае именно в семье закладываются обычно основные черты будущего политического поведения.

Важным фактором политической социализации принято считать группу сверстников, как известно, ее воздействие может быть равно по силе воздействию семье. Группа сверстников - это первый форум, где ребенок сопоставляет свои взгляды со взглядами ровесников, обнаруживая их совпадения или несовпадения. К политическим факторам этого этапа можно отнести обмен политической информацией, ее обсуждение, первые дискуссии на политические темы. Формы таких дискуссий на этом этапе сравнительно просты и включают вопросы типа: "Ты за кого... (далее следует фамилия политического деятеля или название политического института) " и т.п. Сильнее на этом этапе, как и в предыдущем случае, работают неполитические факторы. К ним в первую очередь относятся различные формы игрового взаимодействия, имеющего, в том числе и политические черты: иерархия власти в группе,

лидерство или следование лидеру, солидарность, подчинение, бунтарство, разделение на "своих" и "чужих". Все это добавляет необходимые "кирпичики" в фундамент будущего политического поведения.

Важным этапом в процессе политической социализации личности является школа. Это определяется тем, что в любом обществе она входит в число тех институтов, посредством которых властные структуры более или менее успешно формируют желательный для себя тип политического поведения. Политическими факторами здесь становятся: пропаганда определенных политических знаний, популяризация тех или иных политических деятелей, позиции учителей, содержание учебников, и, наконец, получение определенного гражданского образования. Заметно и воздействие неполитических факторов: совпадение (или несовпадение) провозглашаемых принципов реальным действиям, наличие (или отсутствие) строгой дисциплины, демократичность (или авторитарность) педагогического воздействия, определенная атмосфера, стимулирующая (или отвергающая) конформизм и т.д.

Следует отметить и то, что политическая социализация в школе сама, в свою очередь, должна подразделяться на этапы. Только в этом случае она будет эффективной. Интересен в этом смысле опыт, накопленный политической психологией Запада. Так, швейцарские исследователи Ж. Пиаже и А. Вейл, изучавшие динамику национального самосознания детей, пришли к выводу, что дети 7-8 лет еще неспособны осваивать отвлеченные политические понятия: они как, правило, не осознают, что являются одновременно женеvцами и швейцарцами, с трудом разграничивают понятия: "отчизна", "Европа", "остальной мир". По данным Дж. Адельсона (США) заметные сдвиги в политическом мышлении происходят в 11-13 лет, когда начинается интенсивное развитие политических представлений, при этом мышление детей в этом возрасте конкретно, персонализировано и эгоцентрично. Так, правосудие они представляют в виде полицейского, судьи; правительство - в виде королевы, министра, мэра и т.д. Способность к полноценному абстрактному политическому мышлению возникает, по мнению Дж. Адельсона, в 15 лет, когда подросток свободно начинает пользоваться понятиями "власть", "право", "свобода", "демократия". К 16-18 годам он способен осознать как ближайшие, так и отдаленные последствия политических событий, понять характер действия общественных и политических организаций.

Похожие результаты были получены и политическим психологом Р. Коненом, который исследовал понимание австралийскими детьми классовых различий, возраст от 5 до 8 лет он определил как стадию драматических контрастов: деление на бедных и богатых, сопровождаемое эмоциональной реакцией. В 8-12 лет наступает стадия конкретного реализма, когда дети видят оттенки социального положения различных общественных групп и понимают, что так устроено общество. И, наконец, в 12-16 лет на стадии формирования

классовых схем, подростки представляют в сознании отвлеченную модель устройства общества и способны рассуждать абстрактно.

Таким образом, ученые, принадлежащие к различным школам в политической психологии, приходят к сходным выводам.

К моменту окончания школы, т.е. в 17-18 лет, человек выходит на новый уровень политической социализации, к этому времени, как правило, уже происходит включение в политику в той или иной форме: индивид либо активно включается в политику, либо столь же активно отвергает ее, либо занимает некую среднюю, нейтральную позицию. Однако это не означает, что политическая социализация закончена. Она продолжается и в зрелом возрасте, продолжаясь по существу все жизнь. Решаемую роль на этом этапе играют такие политические факторы, как поведение власти, тип политической системы, политический режим, политические партии, характер государственного устройства и т.д. Они дополняются воздействием неполитических факторов: состояние экономики, окружающая среда, литература, искусство, средства массовой информации, дружеское общение, общение на работе, мода и т.д. Если на ранних этапах политической социализации человек приобретает в основном политические знания и представления, то на этой стадии формируются и навыки политической деятельности, приобретает собственный политический опыт.

Данная модель политической социализации абстрактна. Политическая социализация конкретного человека может лишь в большей или меньшей мере совпадать с ней. Более того, некоторые этапы могут попросту "выпадать" из этого процесса, а интенсивное освоение политической жизни может начинаться лишь в зрелом возрасте. Да и само расчленение политической социализации на этапы в известной мере условно. Ведь жизнь человека - непрерывный процесс, где влияние семьи не заканчивается с появлением группы сверстников, а она, в свою очередь, не отрицает воздействия школы и т.д. Однако в любом случае подобная теоретическая модель помогает увидеть процесс политической социализации в наиболее типичном виде.

Политическая социализация в большей или в меньшей степени всегда контролируется обществом, политической системой, государством. Каждое общество вырабатывает свои образцы, ориентиры, соответствующие его политической жизни. Они служат своего рода критериями, с помощью которых измеряется успешность политической социализации личности. Обычно предлагаются два подобных образца: образец-минимум и образец-максимум.

Образец-максимум – это политически активный, сознательный, информированный и идеологически подготовленный индивид, который руководствуется официально одобренными ценностями в своей политической деятельности, посвящая ей большую часть своего времени и энергии.

Образец-минимум – это человек, который ориентируется в основных вопросах политики, обладает необходимым минимумом знаний об устройстве политической системы, поддерживает официальный политический курс и

потенциально готов проявить политическую активность в критических ситуациях.

Наличие в обществе подобных образцов само по себе еще не означает, что большинство населения им соответствует. Так, даже самая активная политическая пропаганда не способна заставить людей быть по-настоящему активными, если в политической жизни отсутствуют демократические институты. Это подтверждается, в частности, и опытом развития нашей страны, где в 70-е, начале 80-х гг. политической учебой было охвачено около 70 % населения. Сеть политшкол, политсеминаров, университетов марксизма-ленинизма, обществоведческие курсы в средних и высших учебных заведениях не избавили общество от политической апатии и более того, усугубили отчуждение граждан от власти. Следовательно, и образец-минимум, и образец-максимум оказались в массе своей недостижимыми.

Думается, небесполезен для нас опыт западных стран, где с конца 60-х годов проблемы политической социализации активно изучаются и решаются. Это связано с возрастанием в тот период политической активности граждан и массовым вовлечением в политику тех, кто ранее в ней не участвовал (например, молодежи, особенно старших школ ими, студентов). Объективно возникла потребность обучить таких граждан тем правилам и законам, по которым живет демократическое общество. Это вызвало появление специальных изданий, журналов, теле- и радиопрограмм, посвященных азам политики, в школах были введены уроки гражданства, где в простой и доступной форме изучалась политическая структура страны, место и роль главы государства, права и обязанности граждан, устройство органов правосудия и т.п. К этому же периоду относится и активное развитие политологии не только как науки, но и как учебной дисциплины.

3.2. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Политическая социализация является необходимым условием для участия человека в политике. Это участие в политологии принято обозначать термином "политическое поведение". Политическое поведение – это любая форма действий индивида в сфере политики, от участия в деятельности политических институтов до осознанной отстраненности от политики. В последнем случае мы тоже имеем дело с политическим поведением, правда, особого типа, когда человек сознательно не участвуя в политике, вырабатывает свою политическую линию, стимулируя или тормозя тем самым политическим процесс. Так, скажем, неучастие в выборах также является фактом политического поведения.

Западные политологи в проблеме политического поведения выделяют такие приоритетные вопросы как поведение на выборах, поведение в условиях политической стабильности и кризисов, количественные измерения политической активности. Во всех этих случаях предпринимаются попытки выйти из области случайного и увидеть за множеством конкретных судеб закономерности политического поведения людей. Политическое поведение -

это необходимый элемент политической жизни любого общества. Через политическое поведение человек, во-первых, может выразить свои интересы, взгляды, позиции; во-вторых, протестовать против той или иной политической системы, режима, курса; в-третьих, защитить существующий строй, партию, лидера. Политическое поведение можно считать полноценным только в том случае, когда в нем присутствуют все три указанные возможности.

Форма политического поведения зависит не только, а иногда и не столько от чисто политических стимулов, но и от множества факторов, опосредующих воздействие политики на индивида. Эти факторы можно разделить на: биологические, психологические и социальные.

К биологическим факторам политического поведения относятся: возраст, пол, темперамент, состояние здоровья, физические данные. Каждый из них самостоятельного и абсолютного значения в политике не имеет, однако может существенно модифицировать политическое поведение личности.

Возраст, например, может оказаться как препятствием, так и стимулом участия в политике. В тоталитарных, авторитарных политических системах молодой возраст чаще становится помехой, поскольку для того, чтобы пробиться в политику нужно пройти все ступени иерархии власти. Зрелый возраст в этом случае считается синонимом политической мудрости. Вот почему подобные политические системы называют иногда геронтократиями (власть старцев). Напротив, в периоды политических реформ, революций, резких общественных поворотов участие молодежи в политике становится желательным (16-летние командиры времен гражданской войны, 26-летний Фидель Кастро, юные команданте Никарагуа и др.).

От возраста зависит и тип политического поведения личности. Так, для молодого человека в политике характерна критичность, отсутствие политического опыта, максимализм целей и максимализм средств. Из всех форм политического поведения он чаще выбирает акции протеста, митинги, демонстрации.

В противоположность этому пожилой человек в политике чаще склонен к стабильности, умеренности, не желает менять устоявшийся порядок вещей, предпочитает не выходить за рамки официально одобренных правил, избирает санкционированные формы политических действий.

Разумеется, бывают и исключения, а это значит, что как старые люди бывают бунтарями, так и молодые могут становиться конформистами.

Важное значение в политическом поведении личности играет фактор пола. Большинство из того, что написано и сказано о политике касается, в первую очередь, мужчин. Именно они традиционно считаются более активными участниками политики. Женщины в массе своей играют в политике меньшую роль. Это объясняется не столько тяготами быта, которые ложатся в основном на плечи женщин, сколько ее иным биологическим и социальным предназначением. Само жизненное призвание женщины - материнство – делает ее стабилизатором развития общества, хранительницей традиции,

приверженицей консенсуса и компромисса, без которых политическая жизнь неполноценна. Женщина реже ниспровергает устоявшиеся политические структуры, призывает к войнам и сопротивлению, разжигает конфликты.

Иначе, чем мужчины они проявляют себя и в политическом лидерстве. Официальных лидеров женщин значительно меньше, чем мужчин. В нашей стране они составляют не более 5% политической элиты. При этом замечено, что женщина может играть в политике огромную роль, но не на официальном посту, а в качестве жены, советницы, фаворитки, становясь как бы "теневым" лидером. В этом убеждают нас примеры мадам де Помпадур, мадам де Сталь, Нэнси Рейган, Р. Горбачевой и многих др.

Если женщина все же становится политическим лидером, то в этом случае наиболее распространены два варианта:

1. она является продолжателем дела отца, брата, мужа (Индира Ганди – дочь лидера партии Индийский национальный конгресс, премьер министр Индии в 1966-1977 и 1980-1984 гг.; Сиримаво Бандараналке – жена премьер-министра Цейлона, ставшая после его смерти главой государства Шри-Ланки в 1960-1965 гг.; Карасон Акино – политическая наследница своего мужа, президент Филиппин; Беназир Бхутто – дочь премьер-министра Пакистана, занявшая этот пост в 1989 г. и другие;
2. она проводит чисто мужскую политику, обладая при этом неженским характером. Наиболее типичен в этом смысле пример М. Тэтчер, долгое время занимавшей пост премьер-министра Великобритании. Ее политику отличала жесткость, железная последовательность, расчетливость.

Эти два случая наиболее типичны для лидерства женщины в политике, что, разумеется, не исключает и других вариантов этого явления. Более того, не исключена возможность изменения роли фактора пола в политическом поведении.

Такое врожденное свойство нервной системы как темперамент также придает индивидуальное своеобразие политическому поведению человека. Если воспользоваться известной типологией темпераментов, предложенной И. Кантом, то можно сказать, что холерики и сангвиники чаще и активнее включаются в политическую жизнь в отличие от флегматиков и меланхоликов, которые, как правило, пассивны в политике. Замечено также, что темперамент южан определяет и бурный характер политических выступлений, конфликтность, которые вместе с тем колеблются от уныния до энтузиазма. Напротив, темперамент северян во многом определяет их политическую сдержанность, стремление использовать, в первую очередь, санкционированные формы политического поведения.

Характер темперамента играет существенную роль в политическом лидерстве. В этом случае он сказывается не только на формах выражения и политических поступках, но и на умении зажечь массы, убедить их и повести за собой. Вместе с тем темперамент может сыграть и отрицательную роль, не

позволяя скрыть те чувства, которые он не хотел бы обнаруживать публично. (Н. С. Хрущев в ООН).

Разумеется, темперамент как наследственная характеристика подвергается адаптации, "приглаживается" средой, принимая общепринятые формы выражения. Но очень часто, прорываясь сквозь этот "культурный слой" наружу, может как помогать, так и мешать политике.

Влияние таких факторов, как здоровье, физические данные проявляются в политике двояко:

- в первом случае физические недуги становятся препятствием для участия в политике. Нездоровый человек не может и не хочет сколько-нибудь активно включаться в политическую жизнь. Такая прямая зависимость очевидна и не требует подробных комментариев;
- во втором случае болезнь, отсутствие физической силы, наоборот, выступает стимулом политического поведения, которое становится, своего рода компенсацией физических недостатков. Известно, что А. Суворов, будучи в детстве хилым и болезненным ребенком, сознательно преодолевал свои недуги, стремясь стать полководцем и видным политическим деятелем. Президент и США Ф. Рузвельт большую часть своей политической жизни передвигался в инвалидном кресле, а Дж. Кеннеди носил жесткий корсет, страдая болезнью позвоночника.

Особенно заметно влияние этих факторов на действия политических лидеров. Так, болезнь может стать каналом давления на лидера, фактором уменьшения его политического веса и даже определять расстановку сил в политической элите.

Особую роль в профессиональной политике играют психические заболевания. Одним из первых заговорил об этом австрийский психоаналитик З. Фрейд, считавший стремление к власти есть ни что иное как особый невроз, сублимация подсознательных влечений. Вот почему, считал он, среди крупных политических деятелей было так много людей с различного рода психическими отклонениями. Русский психолог и психопатолог Павел Ковалевский (1849 - 1923) установил, что не только психическое заболевание может определять волю к власти, но и сама власть может стимулировать развитие зародыша болезни, которая, возможно, и не проявилась бы в обычной ситуации.

Все это позволяет понять тот интерес, который проявляется к состоянию здоровья политических деятелей на Западе и объяснить его не только обывательским любопытством отдельных граждан, но и настоящей потребностью сохранения стабильности и динамичности политической системы.

Мы достаточно подробно остановились на биологических факторах политического поведения прежде всего потому, что в отечественной политологии им традиционно уделяется мало внимания. Тем не менее, не следует абсолютизировать их значение. Вряд ли можно объяснить политическое поведение человека исходя только из его биологической приро-

ды. Вместе с тем, ее нельзя игнорировать, поскольку в противном случае мы лишаемся возможности понять многие скрытые пружины политических поступков и действий.

Сказанное в полной мере относится и к психологическим факторам. В число наиболее значимых для политического поведения факторов обычно включают: волю, тип мышления, эмоции.

Воля считается одним из наиболее осознанных психологических элементов личности. Без нее невозможно добиться успеха нигде, а уж тем более в политике. Ведь политика – это в любом случае сфера средоточие противоречий, борьба интересов, конкуренция, что требует от любого субъекта политики определенного упорства, настойчивости для защиты своих политических интересов, для политического самоутверждения.

В политическом поведении воля обнаруживает себя, во-первых, как способность проводить свою политическую линию до конца; во-вторых, как способность встать над мелкими групповыми интересами во имя всеобщих; в-третьих, как умение выйти за рамки стереотипов как в сознании, так и в действии. Все три проявления не противоречат друг другу, как это может показаться на первый взгляд, потому что без сочетания твердой политической позиции со способностью к компромиссу, соглашению, к восприятию нового невозможно достичь политического успеха. При этом во всех этих случаях личность испытывает "сопротивление материала", что требует от него в первую очередь волевых качеств. Таким образом, наблюдается прямо пропорциональная зависимость между наличием воли у человека и эффективностью его политического поведения. Данное утверждение особенно справедливо во отношении к профессиональным политикам. Вспомним, что воля является составным элементом любой власти, в том числе и власти лидера. Сама технология власти включает в себя принятие решений и проведения их в жизнь, следовательно, политик всегда находится в ситуации выбора, безусловно, предполагающего наличие воли.

Другим важным психологическим фактором политического поведения является *тип мышления*. Этот термин обычно употребляется для обозначения уровня интеллекта и характера мыслительных процессов человека. Политическая деятельность относится к разряду наиболее сложных видов деятельности, требующих от человека определенного уровня интеллекта, без которого невозможно разобраться в мозаике интересов и противоречий, причинах конфликтов и кризисов. Более того, в политической деятельности всегда в большей или меньшей степени присутствует элемент прогноза, что требует от любого, даже рядового участника политики определенных творческих способностей. Все это свидетельствует о прямой связи между политическим поведением и типом мышления личности, который определяет степень, форму, стиль участия в политической жизни.

Так, критичность, склонность к анализу определяет стабильность политического поведения, уменьшает влияние случайных факторов, ограждают

от преобладания эмоций при принятии решений. Незрелое мышление обычно скользит по поверхности событий, не постигая их глубинные причины. Человек в этом случае оперирует самими простыми политическими понятиями, а его политическое поведение импульсивно, непредсказуемо, часто нелогично. Такой индивид быстро растворяется в толпе, легко становится ведомым и совершая поступки, идущие подчас в разрез с его собственными интересами. Видимо, поэтому тоталитарные режимы, как правило, отвергают сколь угодно полноценное политическое образование граждан, заменяя его идеологическим давлением.

Не менее важна в политическом поведении и такая характеристика мышления, как его подвижность и открытость для новой информации, ломающей старые стереотипы. Поле политики настолько изменчиво, что человек с малоподвижным мышлением оказывается неспособным адекватно оценивать динамичную политическую ситуацию, а значит и принимать правильное решение.

Тип мышления и уровень интеллекта особенно важен для профессионального политика. Интеллектуальный лидер более самостоятелен в политике, и не боится новых идей, способен сопоставить различные мнения, выработать собственную линию поведения и предвидеть будущее. Казалось бы любой народ должен быть заинтересован в таких лидерах, однако, как доказывает многовековой опыт, это происходит далеко не всегда. Причины тому бывают разные - наследственный характер власти, "номенклатурное" лидерство, случайные обстоятельства. Тогда становится возможным появление официального лидера с низким уровнем интеллекта, который не в состоянии верно оценить ситуацию, сделать оптимальный выбор, выдерживать стабильную линию поведения. Он зачастую является заложником своих советников, становится объектом манипулирования.

Особую роль в политическом поведении играют *эмоции*. Они не только сопровождают политические процессы в качестве естественной реакции человека на те или иные события, но и сами активно влияют на политику, определяя тот или иной тип политического поведения. Так, эмоции могут заставить пассивного человека неожиданно активно включиться в политическую жизнь. Бывают ситуации, когда под воздействием эмоций субъект совершает такие политические действия, которые не соответствуют его первоначальным намерениям. Особенно сильна роль эмоций у людей с неразвитыми навыками политического поведения, плохо информированных, неискушенных в политике. Доминирование эмоций среди факторов политического поведения делает последнее нестабильным и непредсказуемым. Следует учитывать и то, что эмоциональные реакции субъектов политики значительно обостряются в периоды кризисов, что связано с резкой сменой событий, возрастанием социального напряжения (угроза голода, безработицы и т.д.), поляризацией общества. Рациональное может быть в большей или в

неполной мере, вытеснено эмоциональным в психике даже политически опытного человека.

Все это ставит перед политической психологией и политологией задачу серьезного изучения роли эмоций в политике. Так, предметом исследования становятся отдельные эмоциональные состояния, которые наиболее значимы для политического поведения человека. К их числу чаще всего относят такие чувства, как страх, паника, вера, любовь, тревога, надежда. Например, такое обычное для человека чувство как страх может ускорять политические процессы, усугублять кризисные состояния. При этом он раскалывает людей на противоборствующие лагеря, заставляя искать союзников и, вместе с тем, создавая образ врага. Человек, ослепленный страхом, неуправляем, и становится в политике фактором беспорядка. Страх опасен еще и тем, что его оборотной стороной является стремление к "железной власти", как средству снятия страха, а это значит, что его доминирование в обществе чревато диктатурой. Неостановленный страх часто перерастает в панику, поводом для которой может быть любой шокирующий стимул, слух, неосторожное слово. Вызванное им потрясение рождает замешательство, в результате которого просыпаются глубинные животные инстинкты, окончательно отключающие разум. Паника - наиболее деструктивная эмоция, поскольку, охваченный ею человек спасается в одиночку, расталкивая, а иногда и растапывая окружающих.

Иную, но не менее значимую роль в политическом поведении личности играет *любовь*. Она может стать мотивом выбора политического лидера, а с ним и пути развития общества; может создавать политического кумира, а значит и порождать ненависть к его противникам; может объединять людей, консолидировать общество, но может и сделать его объектом манипуляции со стороны лидера, эксплуатирующего эту любовь.

Даже такой краткий обзор показывает, что эмоции нельзя рассматривать как незначительный фактор политического поведения личности. Это особенно актуально по отношению к нашему обществу, которое сегодня находится в гиперэмоциональном состоянии.

Таким образом, эмоции, воля, мышление, находятся в тесной связи с политическим поведением личности. Взятые вместе биологические и психологические факторы диалектически "снимаются" в факторах *социальных*, которые как раз и становятся непосредственной причиной конкретных политических действий. Социальные факторы - это как бы вершина айсберга политического поведения личности, неразрывно связанная с "подводной частью" в виде ее биопсихологических черт.

Иерархия *социальных факторов* выглядит следующим образом: *потребности - интересы - ценности - мотивы*. Действительно, ведь потребность может быть даже инстинктивной, интерес же - осознание потребности. В свою очередь ценность - смысловой стержень всякого интереса, когда он понят личностью, а мотив - это сознательная формулировка человеком

для себя и окружающих своих потребностей интересов и ценностей. Разберем эти факторы подробнее.

Число человеческих потребностей столь велико, что в социологии, философии, психологии, да и многих других науках предпринимаются попытки их классифицировать. Для того чтобы рассмотреть воздействие потребностей на политическое поведение личности, воспользуемся одной из таких классификаций, известной в психологии под названием "лестницы Маслоу". Американский психолог А. Маслоу выделил 5 основных видов человеческих потребностей, расположив их в строгом порядке: физиологические потребности – потребность в безопасности – потребность в любви – потребность в самоутверждении – потребность в самореализации. При этом утверждал А. Маслоу, человек может подниматься по этой лестнице лишь в том случае, если удовлетворяются потребности предыдущей ступени. Возвращаясь к предмету нашего рассуждения, заметим, что все указанные виды потребностей получают свое удовлетворение в политике. Более того, ступень в лестнице потребностей, на которой стоит человек, будет определять и конкретные формы его политического поведения. Так, физиологические потребности оборачиваются в политике борьбой за более достойный образ жизни и принимают обычно стихийные и несанкционированные политические действия (голодные, а также "табачные", "сахарные" и др. бунты, стихийные митинги, забастовки, бойкоты). Потребность в безопасности заставляет человека искать в политике средства против войны, конфликтов, нестабильности. Эта потребность толкает его не только к стихийным действиям, но и заставляет искать солидарных партнеров, участвовать в организованных акциях (например, демократические движения за мир, против ядерной угрозы и т.д.). Широко понимаемая потребность в любви оборачивается в политике потребностью в чувстве "мы", которое дает эмоциональное ощущение принадлежности к группе, упоение солидарностью. Политические психологи отмечают, что оно является одной из причин создания партий, групп, движений. Особые возможности дает политика для удовлетворения потребностей в самоутверждении и самореализации. Это происходит через обретение личностью своего места в политической иерархии. Политика требует от нее энергии, интеллектуальных потенций, творческих способностей, что и составляет сущность процесса самореализации. При этом самоутверждение и самореализация происходят в политике публично, на виду, что дает дополнительные возможности удовлетворения этих потребностей, для этого пригодны все формы политического участия от стихийных выступлений до профессиональной политической деятельности.

Таким образом в основе политического поведения лежат те или иные потребности, представляя собой скрытые или явные пружины политических действий. Совокупность потребностей личности рождает ее интерес. Интерес, по определению Ю. Хохвельда, есть стремление к максимальному увеличению привилегий, либо к максимальному уменьшению страданий, либо то и другое одновременно. Можно ли считать всякий интерес человека политическим? В

конечном счете – да, но лишь в конечном счете. Так, интерес матери – вырастить своего ребенка, интерес студента – получить хорошее образование и даже интерес филателиста, собирающего марки, содержат некую апелляцию к власти, и необходимость объединения, а, следовательно, имеют и политический оттенок. Но есть интересы, которые непосредственно воздействуют на политическое поведение. Их мы называем политическими интересами и определяем как реальные причины политических действий, свершений, формирующиеся у людей в связи с их различиями в социальном, имущественном положении, роли в общественной жизни, особенностями их личной судьбы и т.п. Осознание интереса осуществляется в ходе непрерывно происходящего в обществе социального сравнения, сопоставления своего жизненного положения с положением других людей и социальных групп. Следовательно, осознанность интереса будет определять не только форму и активность политического поведения, но и его содержательную сторону, направленность. Иными словами, интерес лежит в основе политической позиции индивида.

Как известно, политические интересы бывают главным и второстепенными, долгосрочными и сиюминутными, объективными и субъективными, частными и общими. Вот почему любому субъекту политики надо уметь выстроить иерархию интересов с тем, чтобы не принести главные, долгосрочные, объективные интересы в жертву второстепенным, сиюминутным, субъективным. Это тем более важно, что в политической практике вокруг проблемы интересов всегда было множество спекуляций и попыток подмены интересов.

Может ли человек поступать в политике вопреки своим интересам? Да, такое случается, и это происходит либо в результате глубокого осмысления и сознательной жертвы, либо, что гораздо чаще, в результате непонимания им своих подлинных интересов. В последнем случае политические интересы индивида находятся, как правило, в стадии кристаллизации, постепенного осознания. Своеобразным завершением этого процесса можно считать появление у человека *ценности*. Она и есть тот кристалл, который, если следовать логике образа, остается после "выпаривания" всего второстепенного, сиюминутного в жизненных, в том числе и политических, ориентациях личности.

Ценность принято определять как значимость того или иного явления, предмета, понятия для человека (а также группы, класса, нации, народа). Их обычно делят на материальные, духовные, нравственные, художественные, идейные и, наконец, политические. Все они, но более непосредственно – политические, играют роль регулятора политического поведения личности.

Во-первых, они побуждают людей к политическим действиям; во-вторых, объединяют их в солидарные группы; в-третьих, диктуют, как надо поступать в тех или иных политических ситуациях; в-четвертых, являются критериями для принятия решений. К политическим ценностям обычно относятся: свобода,

демократия, власть, справедливость, солидарность, патриотизм, гражданский долг, равенство и др. Определенный набор ценностей, их конкретная комбинация лежит в основе идеологии, которая в решающей степени определяет содержание политического поведения. Так, ценности свободы, индивидуализма, личного успеха лежат в основе идеологии западного мира. Попытка соединения таких ценностей, как свобода, равенство, справедливость – в основе коммунистической идеологии.

Существует прямо пропорциональная зависимость между наличием у человека ценностей и интенсивностью его участия в политике: чем больше у человека ценностей, тем активнее он их реализует, защищает, отстаивает. Так, ценность демократии становится причиной создания демократических партий, движений, участия в демократическом процессе. Ценность патриотизма способна подвигнуть людей на массовые героические действия во имя отечества. Точно так же, ценность власти, как правило, лежит в основе почти любой политической карьеры. И наоборот: отсутствие ценностей ведет к политической пассивности, является свидетельством гражданской незрелости, маргинализации сознания.

Ситуация, когда отсутствуют общепризнанные ценности, весьма опасна для общества. Вот как об этом пишет немецкий философ Э. Фромм в своей известной книге "Бегство от свободы", оценивая ситуацию в Германии в 30-е годы: "...Есть психологическое стремление немецкого народа обрести взамен разрушенных кайзеровских символов власти и авторитета новые – тоталитарные. В итоге не только нацисты дурачили определенные социальные слои и вели их к диктатуре. Те сами радостно стремились под ее гнет" (Фромм Э. Бегство от свободы).

Ложась в основу конкретных политических действий, ценность облекается в форму мотива. *Мотив* – это непосредственное побуждение к активности и деятельности субъекта. (Краткий словарь по социологии.– М., 1990.– С.167). Они формируются на основе ценностей, но всегда более подвижны, изменчивы, конкретны. Можно сказать, что мотив – это частный случай ценности, ее конкретное применение в конкретной ситуации. Мотив в политике всегда осознан человеком, более того - сформулирован им, облечен в словесную форму.

Мотивы в политике не только побуждают к действиям, но и придают им смысл. Формулируя мотив, человек понимает ради чего он совершает тот или иной политический поступок. Кроме того, с помощью мотива человек защищает себя, оправдывая свои политические действия перед собой и другими. И, наконец, мотив выполняет функцию контроля. В этом случае он предстает как критерий, по которому человек сверяет свои первоначальные намерения с реальным политическим поведением, корректируя его при необходимости.

В реальной политической практике конкретное многообразие мотивов огромно. Они могут носить не только собственно политический характер, но и

включать экономические, идеологические, нравственные компоненты. Не имея возможности развернуть всю богатую палитру мотивов участия в политике, мы сведем их к двум основам типам:

1. *социоцентрические мотивы*. Побуждаемый ими человек участвует в политике во имя процветания общества, во имя прогресса человечества, на благо людей. Социоцентристы – это альтруисты в политике. Обычно они очень редки и часто воспринимаются окружающими с недоверием, иногда с насмешкой. Социоцентристами в политике можно считать, например, Ганди, В. И. Ленина, А.Д. Сахарова;
2. *эгоцентрические мотивы* возникают тогда, когда человек участвует в политике во имя получения для себя определенных благ, желательных условий жизни и деятельности. Это может быть жажда власти во имя самой власти, жажда мести, желания компенсировать свои неудачи на другом поприще, желание играть и получать удовольствие от этой игры и, наконец, стремление к самоутверждению, к самореализации себя как личности.

Заметим, что содержание мотивов и объективные результаты деятельности человека далеко не всегда совпадают. Так, социоцентристы могут принести обществу неисчислимы беды, а эгоцентристы добиться его процветания. Кроме того, и те, и другие мотивы встречаются в "чистом виде" крайне редко. В реальной жизни в каждой политике обнаруживается то или иное их сочетание.

Политическую психологию интересуют также и мотивы неучастия в политической жизни. Ведь отторжение политики - это тоже политическое поведение, только особого типа. Эти мотивы также можно разделить на аналогичные группы:

1. *личностные*, т.е. связанные с особенностями характера, судьбы, темперамента человека. Не столь уже редки люди так называемого интравертного типа, для которых публичная деятельность в принципе неприемлема. Люди также могут не участвовать в политике, получив отрицательный политический опыт в прошлом;
2. *социальные*, которые отражают нежелание человека сотрудничать в данной власти, данным политическим режимом. Случается, что люди не принимают политику как, по их мнению, "грязное", аморальное занятие. Парадоксально, что среди тех, кто руководствуется мотивами неучастия в политике встречаются и люди, облеченные немалой властью.

Мотивы замыкают систему социальных факторов, а значит и всю систему факторов политического поведения человека.

Вершиной социальной структуры личности является *мировоззрение*. Оно является наиболее поздним продуктом формирования личности. Для его становления недостаточно воздействия внешних для человека факторов социализации, необходимо включение его собственной воли и труда.

Существует множество определений мировоззрения. Оно полностью подчиняет себе всю деятельность человека, включая проявления

биологических и психологических уровней личности (проявления характера, темперамента и пр.). С точки зрения содержания мировоззрение личности является системой ориентации, знаний, отношений, установок и чувств. Здесь важно подчеркнуть их связность, системность, взаимозависимость. Причем у каждой личности такая система будет иметь свою конфигурацию, свою логику. Системность мировоззрения обеспечивается идеологией, которая организует восприятия и переработку личностью информации.

Таким образом, "политический человек" представляет собой сложнейшую систему. Его политическое поведение опосредовано множеством различных факторов, которые и составляют тот фильтр, проходя через который оно приобретает особую, специфическую форму.

Политическое поведение каждого конкретного человека всегда неповторимо, как неповторим и он сам. Однако за великим множеством политических судеб политическая психология ищет и находит то общее, что позволяет предложить определенную *типологию политического поведения*. В настоящее время разработано немалое количество типологий, основанных на различных критериях.

Одна из них принадлежит польскому политологу Е. Вятру. Он берет за основу интенсивность участия в политике и делит всех граждан на следующие группы:

- *активисты* – это те люди, которые очень активны в политике, хорошо информированы о ней, ищут власти и не скрывают своих стремлений. Обычно из их рядов рекрутируются профессиональные политики;
- *компетентные наблюдатели* – также хорошо информированы и разбираются в политике и потому играют роль экспертов по политическим вопросам во властных структурах, выступают в средствах массовой информации, становятся советниками. При этом они не баллотировались на официальные политические посты и не стремятся их занять;
- *компетентные критики* – люди, желающие хорошо разбираться в политике и разбирающиеся в ней, обладающие способностью анализировать политический процесс, но направленные при этом на поиск негативного и открытую критику властей. Это оппозиционеры по призванию;
- *пассивные граждане* – это такие граждане, которые кое-что о политике знают, осведомлены в самых общих чертах о политической системе общества и его официальных руководителях, но относятся к политике равнодушно. В периоды стабильного политического развития такой тип граждан наиболее распространен;
- *аполитичные и отчужденные граждане* мотивирует свое неприятие политики сознательным нежеланием участвовать в этом, по их мнению, безнравственном деле. Такого рода люди неплохо разбираются в политике и именно поэтому ограждают себя от нее.

Разумеется, эта типология, как впрочем и всякая другая, в известной мере условна, т.к. "чистые" типы встречается редко, а переходных, как правило, великое множество. Вместе с тем, она позволяет увидеть в каждом субъекте политика некие доминирующие черты, а значит и продвинуться в понимании его политического поведения.

Другая типология классифицирует участников политики по отношению к существующей власти, что позволяет отразить направленность политического поведения. Она не имеет конкретного автора, поскольку оперирует общепризнанными понятиями. Это:

- *реакционеры (обскуранты)* – люди, для которых главной целью и мотивацией политического поведения является возврат к прошлым политическим структурам. Они обычно ратуют за ужесточение власти, а вектор их деятельности направлен в прошлое;
- *консерваторы* – люди, которые стоят за сохранение традиционных, но оправдавших себя структур власти, опираются на "вечные" ценности и стремятся к сохранению политической стабильности;
- *центристы* – люди, занимающие промежуточную позицию; стремящиеся, с одной стороны, к сохранению стабильности, а с другой - выступающие за реформирование общества. Многолетний опыт человечества свидетельствует о том, что это одна из самых желательных, но и самых трудных и неблагодарных позиций;
- *революционеры* – люди, выступающие за немедленные изменения в обществе, демонтаж имеющихся структур власти и замену их новыми, более, по их мнению, прогрессивными;
- *экстремисты* – люди, настроенные в политике крайне радикально, не чуждающиеся жестких политических действий с применением силы и не гнушающиеся даже терроризма;
- *конформисты* – люди, для которых главное – это адаптация, выживание в любых политических условиях, приспособление к любой власти. Беспринципность, соглашательство становятся образом политического действия таких людей. Конформисты всегда подчиняются: власти, сильному, господствующей идее.

В полнокровной политической жизни общества должны присутствовать все названные типы. Только в этом случае выдерживается тот баланс, который не позволяет обществу застыть в своем развитии, а также не дает ему попасть в ситуацию перманентного разрушения политической системы. Как невозможно представить себе общество, состоящее только из радикалов-революционеров, так и невозможно вообразить абсолютную политическую реакцию и обскурантизм.

Если применить данную типологию к анализу современного политического процесса в нашей стране, то можно, вероятно, заметить резкую поляризацию типов политического поведения. С одной стороны, заметна группа, требующая немедленных, пусть болезненных реформ, с другой –

группа реакционеров, которые, если и не рискуют высказываться открыто, то фактически выступают за возвращение к старым порядкам. В этой ситуации в обществе ощущается дефицит центризма и здорового консерватизма в классическом его понимании. Слово "консерватор" употребляется у нас, как правило, с негативным акцентом и является символом политического обскурантизма. Между тем, консерваторы, опираясь на вечные ценности семьи, религии, патриотизма, являются хранителями традиций, без чего невозможно нормальное развитие общества. Наиболее распространенным типом политического типа сегодня можно считать конформизм. Это не может не тревожить, т.к. конформизм – один из инструментов духовного управления. Как известно массы, выражающие и разделяющие выработанную государственным механизмом точку зрения, более податливы и послушны. "Противоядием" этому может считаться только подлинный плюрализм.

Следующая типология берет за основу политическое поведение личности в различных политических режимах. В ее рамках ведутся исследования модели личности, в которой собраны устойчивые, повторяющиеся черты и которая, в силу этого, описывает типичного, среднестатистического человека в тоталитарных, авторитарных, демократических и др. системах. Начало данной типологизации было положено в 30-е годы XX века в связи с исследованиями авторитарной личности, как основы диктаторских режимов. Их авторами были немецкие ученые:

Э. Фромм – "Бегство от свободы", Макс Хоркхаймер – "Штудии об авторитете и семье", Теодор Адорно – "Авторитарная личность".

Попытки создания подобных моделей предпринимались и предпринимаются до сих пор, поскольку несут в себе информацию о социальной почве, на которой возникает тот или иной тип, об отношении режима к человеку, а человека к власти и, наконец, о том потенциале, который заключен в каждом человеке данной политической системы. Таким образом, можно выделить следующие типы личности:

- *тоталитарный тип личности.* Он считается одним из наиболее изученных в политологии, поскольку обобщает печальный и богатый опыт многочисленных диктатур XX века. Они рождают тип человека-винтика огромной государственной машины. Его отличает привязанность к этой машине и удовлетворенность своим положением. Это тот самый "рядовой", "маленький" человек, который становится опорой тоталитарной системы, поддерживает и сохраняет ее. Вот почему ему свойственен слепой и радостный энтузиазм. Тоталитарная личность рукоплещет системе, приветствует казни, отдает власти все силы, а значит и право решать за себя. Отсюда – безответственность человека-винтика. Всесильность власти способствует ее мифологизации. При этом глобальная вера во власть рождает и тотальное недоверие к ближнему, поэтому еще одной чертой тоталитарной личности можно считать страх, который приводит к биполярности сознания. Человек делит людей на "своих" и "чужих", "наших"

и "врагов" и т.д. И, наконец, человек в тоталитарном режиме всегда скромнен. Стремление к власти вытеснено у него в подсознание, а любой карьеризм, в том числе и политический, осуждаем.

Казалось бы в такой системе и в таком образе человек не может существовать долго, однако бунт "винтиков" не наступает. Политический психолог Д. Ольшанский так определяет этот феномен: "Данный парадокс и являет собой главное свойство мегамашины тоталитаризма: ее отвратительную привлекательность. Система насилия устраняет и одновременно вызывает уважение, отвращает и притягивает. Бунт против нее невозможен и бессмысленен не только в силу ее "несокрушимого могущества", а и потому, что невозможно было представить себе по-другому упорядоченный социальный мир. "Иного не дано" - этот самозащитный постулат системы накрепко вбит в массовое сознание". (Ольшанский Д. Трансформация человеческого сознания (от мегамашины тоталитаризма к демократическому обществу) //Полис,1991. - № 3. – С. 59). В своем поведении личность тоталитарной системы послушна, держится в рамках дозволенного властью и живет по принципу: "Запрещено все, кроме того, что разрешено властью";

- *авторитарный тип личности.* Часто в политологической литературе авторитарный и тоталитарный режимы трактуются как синонимы. Отсюда и отождествление соответствующих типов личности. Именно в этом смысле Э. Фромм и Х. Адорно трактуют авторитарную личность. Однако в отечественной политологии различие между тоталитаризмом и авторитаризмом проводится. Оно заключается в том, что тотальный контроль со стороны власти в авторитарном режиме ослаблен и распространяется в основном на сферу политики, оставляя большие и маленькие анклавов свободного поведения (экономика, культура). Это создает и особый тип человека. Доминирующей чертой его политического сознания и поведения является уважение сильной власти, а не любовь и восхищение, как в предыдущем случае. При этом авторитарная личность не доверяет власти, поскольку не сливается с нею, а воспринимает ее как чуждую, иногда враждебную и грозную силу. Это рождает двоемыслие, когда человек думает одно, а говорит и делает совершенно другое. Авторитарный человек – это конформист, который легко усваивает "правила игры", определенные властью имущими. Такое раздвоение и приспособляемость рождает цинизм, неприязнь к слабым. Как пишет Э. Фромм, все люди делятся на два пола: имеющие власть и не имеющие ее. Первые вызывают уважение, а вторые презрение. Стена, воздвигнутая между личностью и политической системой в авторитарном режиме, определяет и пассивность ее политического поведения, сознательное неучастие в политике. Политическая жизнь рядового человека в таком обществе строится по принципу: "Разрешено все, кроме политики";
- *либеральный тип личности.* При либеральном режиме рушится стена отчуждения между личностью и властью. Власть вступает в диалог с

личностью, а личность получает возможность влиять на власть. В этих условиях преобладает тип активной личности, которая интересуется политикой, старается вникнуть в ход политических событий, обсуждает с другими полученную политическую информацию. При этом ее заметной чертой является критичность. Политическая активность реализуется чаще именно как критика и, в первую очередь, критика прошлого. Либеральная личность, как правило, переосмысливает историю, отказывается от прошлых ценностей и ведет активный поиск новых. Однако, при всей своей активности она безответственна, т.к. власть советуется, но не допускает ее в принятие решений. Личность действует в политике по принципу: "Разрешено все, кроме смены власти", принципиально новая политическая ситуация делает возможным процесс политического самопознания личности. Она начинает осознавать свои политические интересы, свою принадлежность к социальной группе, классу, нации. Таким образом, еще одной ее характерной чертой можно считать становление ее как политического субъекта;

- *демократический тип личности* формируется в условиях прямого участия в политическом процессе. Власть в этом случае не просто советуется с гражданином, но и допускает его в принятие решений. Поэтому для личности такого типа характерно раскрепощение, избавление от страха. Эта личность осознает свое и чужое достоинство, исповедует самоуважение и уважение к другим. В условиях демократии происходит осознание человеком равноправия как основы системы, поэтому демократическая личность неэгоистична. Политический плюрализм воспитывает в ней терпимость, способность слушать и воспринимать другую точку зрения. Она может не принимать другую позицию, но уважает ее право на существование, обладая культурой несогласия. Личность в демократическом режиме - это полноправный политический субъект, способный принимать политические решения, осознающий, что от его поступков, выбора, мнения зависит в конкретном счете политическая судьба общества, следовательно, еще одной ее чертой является ответственность. Ее политическое поведение строится по принципу: "Разрешено все, что не запрещено законом", поэтому демократическую личность невозможно представить себе без уважения к закону. Ее отличительная черта высокая правовая культура.

Указанные типы личности во многом абстрактные. Конкретные живые люди, живущие в разных политических системах, могут лишь в большей или меньшей степени совпадать с данными идеальными типами. Более того, при любом режиме всегда существовали и существуют люди противоположные указанным "среднестатистическим" типам. Даже в условиях сталинского режима существовали "островки несогласия", неподчинения режиму и даже протеста против него. Вместе с тем, разработка подобных моделей личности необходима, поскольку дает нам методологический ключ к анализу политического сознания и поведения людей в реальных конкретных ситуациях.

Так, пользуясь им, мы можем сконструировать модель доминирующего типа личности в нынешней политической ситуации. Закономерно, что переходное состояние общества рождает и переходный тип личности. Сегодня типичным представителем является человек, сочетающий в себе черты тоталитарного сознания (желание порядка в лице сильной власти, тоска по "железной руке") с ожиданием перемен; нежелание принимать участие в политике с активным интересом к ней; гиперкритичность и недоверие к власти с требовательностью к ней; эгоистичность и безответственность с отсутствием привычки к плюрализму. Груз прошлых режимов пока довлеет над человеком, в то время как черты демократического типа почти незаметны. Это и понятно, поскольку новый тип человека нельзя "ввести" указом или декретом. Он может быть сформирован постепенно в условиях реальной демократии.

Политический опыт человечества показывает, что существует устоявшийся набор различных форм, с помощью которых личность может заявить о себе в политике. Это:

- *реакция* – (позитивная или негативная) на импульсы, идущие от политической системы и ее институтов. Это форма не предполагает сколько-нибудь заметной активности и особых ритуалов. Человек реагирует на политические события постоянно в рамках привычных форм жизнедеятельности (дружеское общение, общение в семье, просмотр телепередач, стихийные диалоги в общественных местах и т.п.);
- *выборы*, (электоральное поведение). Эта форма связана с делегированием полномочий, когда граждане выбирают тех, кто будет от их имени осуществлять законодательную, исполнительную, а в некоторых случаях и судебную власть;
- *формы прямого действия* - митинги, демонстрации, пропагандистские акции, собрания, пикеты, забастовки, кампании гражданского неповиновения. Их смысл заключается в непосредственном требовании от власти тех или иных уступок, улучшения своего положения, а также в выражении политического протеста и защиты. Они всегда имеют конкретный повод и требуют от граждан разового всплеска политической активности.
- В рамках этих форм политического участия личность выступает, по известному определению Макса Вебера, как "политик по случаю". "Политиками по случаю", – уточняет он, – являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на "политическом" собрании, произносим "политическую" речь и т.д. У многих людей подобными действиями и ограничивается их отношение к политике" (Вебер М. Избранные произведения.– М.,1990.).
- *членство в партиях и движениях*. Эта форма связана с осознанием своих политических потребностей и интересов. Она требует от человека определенной активности и информированности о сущности политического

процесса. В многопартийных системах личность выбирает партию, наиболее соответствующую ее политической позиции; в однопартийных - заявляет через членство в партии о своей политической активности, о причастности к политической жизни. Людей, избирающих такого рода форму участия в политике, М. Вебер называл "политиками по совместительству", поскольку политиком не является для них первоочередным "делом жизни" и источником существования" (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990);

- *работа в политических институтах* - профессиональная деятельность в государственном аппарате, выборных государственных органах, руководящих партийных структурах. В этом случае, пользуясь определением М. Вебера, речь идет о политиках "по профессии". "Есть два способа сделать из политики свою профессию, - добавляет он, - либо жить "для" политики, либо жить "за счет" политики и "политикой". Данная противоположность отнюдь не исключительная. Напротив, обычно, по меньшей мере идеально, но чаще всего и материально, делают и то, и другое". (Вебер. Избранные произведения. - М., 1990. - С. 456).

Формы политического поведения можно классифицировать не только по характеру выполняемых действий, но и по другим признакам. Так, их делят на санкционированные (дозволенные властью) и несанкционированные (недозволенные), на институциональные (осуществляемые в рамках политических институтов) и внеинституциональные, организованные и стихийные. Любопытная классификация предложена американским политологом А. Маршем. Он делит все формы политического поведения на ортодоксальные, неортодоксальные и политические преступления. К ортодоксальным он отнес те, которые мы обычно называем нормальной политикой: выборы, голосование, создание групп формальных интересов. В число неортодоксальных попали: петиции, лозунги, законные демонстрации, бойкоты, неофициальные забастовки, незаконные демонстрации, захват помещений, повреждение собственности. Нетрудно заметить, что А. Марш расположил эти формы по степени их экстраординарности, необычности для нормального политического процесса. Наконец, к политическим преступлениям он отнес: саботаж, партизанские действия, захват заложников, убийства по политическим мотивам, войны, похищения, революции. Как видно, он использует понятие "преступление" в широком смысле, понимая под этим не только формально незаконные действия, но и то, что не укладывается в рамки юридических кодексов и может быть определено как преступление против человечества.

Эта классификация интересна еще и потому, что она иллюстрирует взгляд на политический процесс человека западного мира. Любая форма политического поведения, угрожающая политической стабильности даже в самой малой степени, выводится им за рамки ортодоксального. Он предпочитает устоявшиеся ритуалы вроде выборов и голосований, укладываемые в прочно установленные юридические и поведенческие рамки. За-

метим, что в нашем обыденном сознании мы связываем понимание демократии с дозволенностью митингов, забастовок, бойкотов и т.д. Разумеется, эти неортодоксальные формы политического поведения также необходимы для полноценной политической жизни, однако их безусловное преобладание едва ли может считаться признаком демократии.

Каждая политическая система сама определяет желательные формы политического участия граждан. Однако ее стабильность не зависит от количественных и качественных показателей такого участия. Так, массовые формы политического участия могут быть совершенно неэффективными ни с точки зрения развития политической системы, ни с точки зрения воспитания политического субъекта. Достаточно вспомнить массовые политические действия времен застоя и те "знаменитые" 99,9 % граждан, всегда подававших свои голоса за кандидата в депутаты. Впрочем и нынешняя эксплуатация массовых неортодоксальных форм политического поведения различными политическими силами пока не привела к появлению эффективной власти и динамичной политической системы.

Особое место в рамках проблемы политического поведения занимает, вопрос о его *неорганизованных формах*. Речь идет о незапланированных, нерегулируемых поступках, совершаемых отдельными участниками политического процесса: бунт, митинг, восстание, террористический акт и т.п. Повышенный интерес к ним политологов и психологов объясняется в первую очередь тем, что они, как правило, имеют значимые, иногда трагические, последствия, могут привести к панике и жертвам. Такие формы политического поведения нельзя оценивать однозначно положительно или отрицательно вне конкретно-исторического контекста, но они должны быть изучены и поняты. Между тем, в отечественной политологии до недавнего времени эта проблематика практически не изучалась, и только в последние годы вдогонку событиям в Чечне, республиках Закавказья и Средней Азии, других горячих точках - интерес к ней возрос. Неорганизованное политическое поведение - это реакция людей на политический кризис и нестабильность. В нем преобладают иррациональные, инстинктивные проявления человека. Причины и поводы таких политических действий чрезвычайно разнообразны: шокирующие, враждебные акции со стороны властей, слухи, падение курса валют, повышение цен и многое другое. При этом существует целый ряд провоцирующих факторов: усталость, алкогольное опьянение, состояние голода, массовое скопление людей на ограниченном пространстве и даже повышенная активность солнца, которая, по данным наблюдателей, коррелирует с возникновением массовых эпидемий, социальных волнений и политических процессов.

Неорганизованное политическое поведение часто трансформируется в *поведение толпы*. Феномен толпы чрезвычайно интересен с точки зрения политической психологии. Одним из первых к его изучению обратился французский социолог и социальный психолог Гюстав Лебон (1841-1931). В

своем труде "Психология толпы" (1895 г.) он утверждал, что в результате промышленной революции, роста городов, и средств массовой коммуникации жизнь все больше определяется поведением толпы, которая всегда представляет собой слепую разрушительную силу. В толпе индивиды утрачивают чувство ответственности и оказываются во власти иррациональных чувств догматизма, нетерпимости, всемогущества, т.к. ими управляет закон "духовного единства толпы". Вслед за Лебоном многие известные философы, социологи, психологи высказывали в отношении толпы резко отрицательные суждения. Так, немецкий философ Шопенгауэр повторял, что толпа – это сволочь и каналья. Английский социолог Дж. Стюарт Милль утверждал, что толпа – это сплоченная посредственность.

Подробное описание поведения толпы мы находим у австрийского психоаналитика З.Фрейда (См.: Психология масс и анализ человеческого "Я". З.Фрейд. психоаналитические этюды.– Мн., 1991.– С.422-481). Он утверждал, что сознание и поведение толпы не тождественно простой сумме сознаний и поведения, составляющих ее индивидов. У толпы всегда возникает некая "коллективная душа", заставляющая людей, входящих в толпу, думать и действовать совершенно иначе, чем они думали бы и действовали бы каждый в отдельности. Это происходит потому, считает З.Фрейд, что человек в толпе анонимен. Численность толпы дает ему ощущение непреодолимой силы, и это позволяет ему поддаться таким инстинктам, которым он никогда не дает волю в обычных ситуациях. Кроме того, толпа заразительна: всякое чувство, настроение в ней подобно эпидемии. Кто усугубляется тем, добавляет З.Фрейд, что люди по своей природе восприимчивы к внушению. А поэтому они действуют в толпе как бы под гипнозом: сознательное в человеке подавляется и он направляется чужой волей. Таким образом, культурный человек становится в толпе варваром, давая волю своим инстинктам. Далее З.Фрейд подробно описывает свойство толпы и ее поведение. Это:

- изменчивость, раздражительность. При этом порыву, импульсу в толпе может быть подчинено все, вплоть до чувства самосохранения;
- легковерие. Для толпы не существует невероятного, она может мыслит самыми фантастическими картинками, доводы разума в этом случае не помогают;
- решительность и аффективность. Толпа не знает ни сомнений, ни колебаний, легко переходит к крайним действиям и состояниям: от подозрения - к неопровержимой истине, от раздражения - к агрессивности и т.д.;
- нетерпимость к одним авторитетам и абсолютная доверчивость к другим. Толпа уважает силу и требует от своего героя, прежде всего силы, жаждет, чтобы ею владели;
- нетерпеливость: толпа не терпит отсрочки в исполнении своих желаний. Она не способна к "долгому хотению".

Анализ З. Фрейда убеждает нас в том, что человек толпы - это не свободный и даже не бунтующий индивид, это человек подчиняющийся, от-

казавшийся от свободного выбора, от самостоятельной духовной деятельности. Это человек, который предпочел думать и действовать как все.

Мы остановим свое внимание на этой проблеме еще и потому, что в нашей политической жизни феномен толпы наблюдается очень часто, при этом находятся различные политические силы, которые стремятся использовать эффект толпы в своих целях. Они апеллируют к определенным социальным слоям, которые в политологии принято называть маргинальными. Маргиналы утрачивают социальные ориентиры, духовно ущербны, антиинтеллектуальны, подвержены предрассудкам, легко творят мифы, поддаются эмоциям. Они и являются той почвой, на которой вырастает охлократия, т.е. власть толпы. Помимо своего разрушительного характера она опасна еще и тем, что на ей смену обычно приходит диктатура. Уроки прежних и нынешних революций показывают, сколь опасна апелляция к толпе как к высшему судье и палачу.

Итак, нами рассмотрены основные типы и формы политического поведения, в этом богатом спектре любой гражданин находит свое место, свою "политическую нишу", определяет уровень и направленность своей политической активности, избирает ее формы. Политическая жизнь предлагает человеку богатые возможности для самовыражения и самоутверждения. Воспользоваться ими - это его право. Право, но не обязанность. Однако в политике всегда существовала и существует группа людей, которые используют это право максимально, становясь профессиональными политиками, отдавая ей все свои силы и способности. Из их числа и выделяются *политические лидеры*.

Лидером обычно называют авторитетного члена организации или социальной группы, личностное влияние которого позволяет ему играть главную роль в социальных процессах и ситуациях, динамика отношений лидера с членами группы и образует социально-психологический процесс лидерства. Лидерство является необходимым компонентом всей общественной жизни, но именно политическое лидерство всегда выделялось из общего ряда, что связано с особой ролью самой политики. Становясь политическим лидером, человек вынужден решать не только собственно политические проблемы, но более или менее (в зависимости от политического режима) активно вторгается в экономику, культуру, социальную сферу и т.д. Его оценки, решения, действия имеют значение, иногда решающее, для всей общественной жизни. Вот почему политические лидеры, принимая на свои плечи бремя власти и бремя ответственности, всегда более известны, знамениты и часто остаются в памяти народов на долгие годы.

Для того чтобы глубже понять сущность политического лидерства нужно обратиться к причинам его возникновения. Важно выяснить вопрос, какие общественные потребности обусловили возникновение политического лидерства? Ответ на него можно найти в книге известного американского политолога Р. Такера "Политическая культура и лидерство в Советской России от Ленина до Горбачева", где он отмечает, что политическое лидерство

возникает: *во-первых*, в ответ на потребность в объединении людей. Для решения любой политической (т.е. групповой задачи всегда нужен человек, который сыграл бы роль магнита, помещенного в гору металлической стружки. Занимая особое место, лидер объединяет вокруг себя самых разных людей, направляя их действия. *Во-вторых*, в основе лидерства лежит, потребность в оценке ситуации. От лидера всегда ждут компетентной, мудрой и своевременной оценки, которая, в силу его авторитета, становится, как правило, доминирующей. *В-третьих*, лидерство является ответом на потребность в выработке плана действий. Именно он, в большей или меньшей степени, советуясь с другими определяет от имени группы линию ее поведения, направление ее действий. *В-четвертых*, в основе лидерства лежит потребность в совместных действиях. Иными словами лидер мобилизует группу, и, добившись ее поддержки, ведет за собой. Это именно тот человек, который в решающий момент говорит: "Надо действовать".

Суммируя сказанное, можно определить политического лидера как человека, который оценивает политическую ситуацию, вырабатывает линию совместных действий, объединяет и мобилизует людей на решение общественных проблем. В этом определении выражается сущность лидерства в системе "лидер-общество". Но не менее важен вопрос и о роли лидера в системе "лидер-ведомый". В этом случае мы обращаем внимание на то, какова роль лидера в судьбе отдельного человека, рядового участника политики. В этом отношении лидер может:

- вовлечь человека в политику, стать решающим фактором политической социализации;
- сформировать у человека определенное политическое ориентации. В этом случае заимствуется "пакет взглядов" лидера, иногда даже без соответствующей адаптации к собственной личности;
- способствовать осознанию человеком своего места в политике, собственных интересов, т.е. всему тому, что принято называть политической самоидентификацией человека.

Все это позволяет понять, что по сути своей политическое лидерство - это огромная, влиятельная, а иногда и грозная сила. Поэтому неудивительно, что в истории политической мысли этому феномену уделялось большое и постоянное внимание. (Подробный исторический обзор проблемы лидерства содержится в работе Ашина Г.Д. Лидерство: социально-политические и психологические аспекты // Политика проблемы теории и практики.– Ч. II.– М., 1990).

Часть мыслителей пыталась определять те черты человеческой природы, которые необходимы политическому лидеру (Платон, Аристотель, Н. Макиавелли). Другая часть рассматривала политических лидеров как выразителей воли народа (Дж. Локк, французские просветители). В XIX веке оформился взгляд на лидера как на выразителя общественной потребности (Гегель, К. Маркс). И, наконец, на рубеже XIX – XX веков возникли многочисленные теории, трактующие лидера как "героя", царящего над

"тупоумной толпой" (Т. Карлейль, Ф. Ницше, Г. Лебон, Г. Тард, З. Фрейд). Интерес к проблеме лидерства не угас и в современной политологии. При всем обилии западных, а в последнее время и отечественных работ по данной проблеме, можно выделить господствующие теории, в рамки которых укладываются многочисленные исследования лидерства.

1. *Теория черт*. Суть ее исходного постулата заключается в том, что лидер - это человек, имеющий от рождения определенный комплекс черт. Исследователи изучают конкретные проявления лидерства (от вожаков преступного лидера до предводителей бой-скаутов) и выделяют общие, повторяющиеся черты, которые, по их мнению, и составляют феномен лидерства. В последние годы в рамках этой теории осуществлялись попытки обобщения предложенных перечней, с тем, чтобы найти стабильный вариант, включающий общепризнанные качества. Однако они оказались неудачными. Как отмечает Г. Ашин, практически не осталось ни одной черты, с которой были бы согласны все исследователи. (Ашин Г. Лидерство: социально-политические и психологические аспекты // *Политика: проблемы теории и практики*. – Ч. II. – М., 1990. – С. 191). Даже такое казалось бы общепризнанное качество как ум, не обязательно включалось авторами в указанные перечни, поскольку, по мнению некоторых, люди не всегда хотят видеть лидером человека, который выше их по умственному развитию. (См.: *Диалог*, 1991. – № 13. – С. 110). Слабость теории черт заключается еще и в том, что она рассматривает лидера как "готовый продукт". Между тем, человек, становясь лидером, продолжает формировать у себя те качества, которые ему необходимы (властность, уверенность в себе, чувство ответственность) и то, что было социальной ролью, постепенно переходит в его "Я". Однако, теория черт - не тупиковый вариант исследования. В ее рамках разрабатываются модели лидерства, методики отбора лидеров, предлагаются психометрические и социометрические тесты.

2. *Теория определяющей роли последователей*. Ее исходный постулат сводится к тому, что лидер всегда существует в той или иной группе. Группа выбирает лидера и он становится ее инструментом. Следовательно, тайна лидера не в нем самом, а в психологии и запросах его последователей. В рамках этой теории лидер определяется как "функция от ожиданий ведомых, принимающих или отвергающих лидера" (*Современная западная социология*. - Словарь. М., 1990. – С. 159). Точно так же, как на театральной сцене короля играет свита, лидера "играет" его группа. Собственно, лидер и возникает потому, что группа ощущает необходимость в нем.

Эта теория имеет несомненные преимущества, поскольку акцентирует связь лидера с группой, т.е. представляет его как выразителя определенных политических интересов. Вместе с тем, она вызывает и определенные возражения: лидер в такой трактовке пассивен, он должен только угадывать настроение группы. По остроумному замечанию Ю. Дженнингса (США), такое лидерство можно назвать "атмосферным", т. е. лидер, как метеоролог вместе с

помощниками запускает шары-зонды в виде анкет и выявляет климат, который царит в обществе, после чего и выбирает стиль лидерства, определяет программу и цели.

3. *Ситуационная теория* во многом напоминает предыдущую, поскольку лидер в этом случае также предстает как функция, но на сей раз как функция ситуации. Эта теория строится на том, что каждая ситуация требует своего лидера. Так, поведение лидера оппозиции, будет отличаться от поведения лидера правящей партии, а то, что нужно для президента, может быть недостаточно для выполнения роли лидера местных органов самоуправления и т. д. Значит, человек, ставший лидером в одной ситуации попадая в другую перестает быть им. В этом случае лидер - это человек с рыночной ориентацией, которому надо себя "продать" самым выгодным образом, и поэтому он выработывает в себе качества, имеющие спрос. Явное преимущество такого подхода состоит в том, что лидер рассматривается в контексте конкретных условий. Он - не данный богом или судьбой вождь, а фигура крепко привязанная корнями к своей макро-микросреде. Однако, как и в предыдущем случае, имеет место отрицания самостоятельности, активности лидера. Тот же Ю. Дженнингс замечает: "Нет сомнения в том, что если ситуация созрела для Наполеона, то и Наполеон созрел для ситуации. Великие события - всегда свадьба между человеком и временем. Ситуации могут быть созданы силой великого лидера в той же степени, в какой слабый лидер может быть создан силой ситуации" (Цит. по: Ашин Г. Лидерство: социально-политические и психологические аспекты. Политика: проблемы теории и практики. Ч.П.М., 1990. – С. 195).

4. *Синтетическая, или реляционная теория* представляет собой попытку соединения трех предыдущих подходов и предлагает учитывать при исследовании лидеров как его черты и специфические условия, в которых он действует, так и характер группы и ее членов. Логика этого подхода такова: конкретная ситуация требует конкретного лидера с определенными набором черт, который приобретает свое лидирующее положение в том случае, если его поддерживает группа.

Рассмотренные теории оперируют общим понятием "лидер", абстрагируясь от его конкретных проявлений. Но наше представление о лидерстве будет неполным, если мы оставим без внимания вопрос и том, какими же бывают политические лидеры. Ведь Наполеон и Ганди, Сталин и А. Сахаров, В. И. Ленин и Тамерлан, Гитлер и Ж. П. Марат при всем их различии и даже шокирующем несовпадении могут претендовать на звание политического лидера. За великим множеством конкретных политических судеб политическая психология пытается искать то повторяющееся, что объединяет отдельных лидеров в определенные типологические группы. Подобные типологии чрезвычайно многочисленны, и различаются по тому, какой принцип положен в их основу. Разберем наиболее известные.

Одна из первых типологий принадлежит Максиму Веберу. Он классифицирует лидеров в зависимости от источника их власти и выделяет:

1. *традиционных лидеров*, чье лидерство основано на вере в святость традиции (наследственная монархическая власть, семейные партийные династии, продолжатели дела);

1. *рационально-легальных или бюрократических лидеров*, чье лидерство основано на вере в законность существующего порядка и его "разумность". Такой лидер - агент определенной государственной функции. Он становится таковым в результате законных бюрократических процедур;

2. *харизматических лидеров*, чье лидерство основано на вере в сверхъестественные качества лидера. Он наделяется как бы магической силой, которая и подчиняет себе обычных людей.

Ю. Дженнингс кладет в основу своей типологии направленность действий и мотивы лидерства и предлагает разделить политических лидеров на "суперменов", "героев" и "принцев":

1. супермены – это великие люди, ломающие старые порядки и создающие новые ценности, это реформаторы по природе;

2. герои – люди, посвятившие себя великим и благородным идеям. Герою важно не лидерство само по себе, а лидерство как средство для достижения великой цели;

3. принцы – люди, деятельность которых мотивирована стремлением господствовать над другими. Они прикрываются обычно великими лозунгами, хотят выглядеть как герои, но это псевдогерои, для которых единственной ценностью является власть.

Ю. Дженнингс считает, что наиболее желательны в политическом процессе супермены, но преобладают, к сожалению, принцы.

Несомненный интерес представляет также типология, предложенная классиком американской политологии Гарольдом Ласуэлом. В ее основу положен синтетический критерий. Главной его составляющей является стиль работы лидера. Г. Ласуэл выделяет три группы лидеров:

1. *лидеры-администраторы*, которые отличаются тем, что любая работа им кажется сложной, требующей создания специального аппарата. Они создают такой аппарат и удобно чувствуют себя в системе, предпочитают работать в группе.

2. *лидеры-агитаторы*, т.е. люди, нацеленные на провозглашение новых идей, на осуществление реформ. Они как бы призваны вести за собой, исполнять некую великую миссию. Г. Ласуэл отмечает, что в повседневной жизни таких людей отличает мягкость, сердечность, приветливость.

3. *лидеры-теоретики*, т.е. люди способные генерировать новые идеи и создавать вокруг себя группы единомышленников. Власть для них нежелательна, вызывает тревогу. Г. Ласуэл считает, что их теоретизирование как раз и представляет собой реакцию на эту тревогу.

Похожий подход мы встречаем и в типологии лидерства, предложенной американским политологом Маргарет Хэрманн. Она считает, что лидеры делятся на следующие группы:

1. *лидеры-знаменосцы* – это люди, одержимые некоей мечтой, в соответствии с которой они устанавливают цели и направления деятельности и ради которой могут менять политическую систему. Сторонники лидера этого типа всегда подчинены ему и действуют в соответствии с предначертанным. Лидер-знаменосец берет на себя ответственность за то, что происходит и как происходит. По мнению М. Хэрманн такой лидер обычно становится харизматическим;

2. *лидеры-служители* – это те, кто действует в соответствии с интересами своих сторонников, приверженцев, избирателей. Именно последователи формируют волю лидера и определяют те задачи, которые он осуществляет. Если лидер-служитель действует как полный агент группы, то он превращается в лидера-куклу, т.е. в марионетку, ставленника узкой группы, которая и направляет все его движения;

3. *лидеры-торговцы* – это люди, для которых важно убедить своих последователей в необходимости товара, который он предлагает в виде политических идей, позиций, программ. Лидера-торговца отличает умение понять, чего хотят люди, стремление соответствовать опросу, искусность в достижении компромиссов, лидер-торговец при определенных условиях может превратиться в популиста, желающего нравиться любой ценой и не скупящегося во имя этого на самые фантастические обещания;

4. *лидеры-пожарные* – это люди, которые быстро реагируют на проблемы, возникавшие в обществе, умеют работать в неблагоприятной обстановке, в ситуации кризиса, когда необходимы мобилизация сил, "мозговые атаки" и т.п. При этом они чувствуют психологический комфорт, в то время как в обычной, повседневной политике могут и не проявлять себя.

Многоаспектную типологию предлагает польский политолог Ежи Вятр. Он пользуется сразу множеством критериев и считает, что:

- по соотношению целей и средств в своей деятельности лидеры делятся на *политиков-оппортунистов* (отказываются от максимальных целей и учитывают лишь минимальные возможности ее осуществления), *реалистов-революционеров* (всегда максимизируют цель, но учитывают и реальные возможности для ее достижения) и *политиков-авантюристов* (идут на все ради иллюзорной цели);

- по отношению к идеологии собственного движения: *лидер-идеолог* (выдвигает новые идеи) и *лидер-прагматик* (нацелен только на реализацию ранее выдвинутых идей);

- по отношению к собственным сторонникам; *лидер-харизматик* (формирует волю последователей) и *лидер-представитель* (выражает волю тех, кто за ним стоит);

- по отношению к противникам: *лидер-соглашатель* (стремится к компромиссу) и *лидер-фанатик* (стремится к максимальному обострению конфликта) Мы рассмотрели лишь некоторые, наиболее известные типологии политического лидерства. Но даже этот далеко неполный обзор позволяет понять, что в современной политологии разработке подобных типологий уделяется повышенное внимание. Это связано с тем, что типологии лидерства, каждая в отдельности, а уж тем более взятые вместе, содержат богатейшую информацию о поведении лидеров. Относя конкретную политическую фигуру к тому или иному типу мы как бы переносим на нее весь блок накопленной информации о том, какова логика поступков надобных лидеров, каковы их потенциальные способности возможности. Мы не только продвигаемся в понимании его нынешнего политического поведения, но и можем предвидеть его будущие поступки, прогнозировать его взаимоотношения со сторонниками и противниками. Разумеется, не следует и преувеличивать возможности политической психологии в данном вопросе, поскольку речь идет о живых людях, поведение которых не всегда поддается моделированию и расчетам. Вместе с тем, без подобных типологий мы рискуем остаться в плену случайностей, упуская важные закономерности политического процесса.

Чтобы составить более полное представление о том или ином политическом лидере, можно применить методику создания политического портрета. Она представляет собой характеристику лидера с различных точек зрения. Политический портрет включает в себя следующие основные параметры:

- основные этапы биографии лидера и его первый политический опыт;
- способ выдвижения на руководящий пост, включая и мотивы к занятию поста;
- основные политические взгляды лидера;
- характеристика группы сторонников и отношение к ним лидера;
- отношение к оппозиции;
- стиль лидерства (т.е. совокупность приемов, методов, средств, с помощью которых осуществляется лидерство);
- способ принятия решений;
- индивидуальные психологические качества лидера: черты характера, эмоциональность, реакция на стресс, темперамент и т.п.;
- контекст лидерства, т.е. совокупность социальных условий, в которых осуществляется лидерство.

Располагая необходимой информацией, можно самостоятельно составить подробный портрет и тем самым глубже понять политическое поведение того или иного лидера.

Перечень этих объемных и отчасти противоречивых задач убеждает нас в том, что мы имеем дело с моделью-максимумом. Деятельность реальных политических лидеров может соответствовать ей лишь в большей или меньшей степени. При этом большее соответствие будет свидетельствовать и о большей эффективности лидерства.

Важным компонентом теории лидерства является проблема "харизматического лидерства" и культа личности. Этот термин уже упоминался в связи с типологией М. Вебера, который и ввел это понятие в современный политический лексикон. Слово "харизма", встречающееся в раннехристианских рукописях, в переводе на русский язык обозначает боговдохновенность, божественный дар. В политологии и социологии харизма понимается как исключительность человека, воспринимаемая окружающими как сверхъестественная сила постижения и действия, недоступная обычным людям. Носителями харизмы обычно являются великие герои, созидатели, реформаторы, полководцы, провидцы, вожди, основатели, мировых религий. Они могут различаться по политическим взглядам, позициям, результатам деятельности, но всех их объединяет сила воздействия на людей. Так, М. Вебер считал носителями харизмы Наполеона, Цезаря, Солона, Будду, Иисуса, Магомета. Он придерживался того мнения, что харизма не столько приобретается, сколько даруется богом и судьбой. Однако, политическая практика свидетельствует о том, что источником харизмы могут стать не только врожденные свойства (сила воли, пророческий дар, ораторские способности, выдающийся ум, гипнотизм), но и выдающаяся биография, создание новой системы взглядов, доктрины. Сущность харизмы невозможно понять без анализа ее отношений с последователями. Они всегда носят эмоционально-мистический характер, предполагают со стороны последователей полную самоотдачу, бездумное следование, безоговорочное и радостное подчинение. Сомнение в харизме или попытки ее логического объяснения воспринимаются как святотатство. При этом харизма для последователя всегда приобретает личностную окраску: это не отношения подчиненного и начальника, но отношения "неразумного дитяти" и отца. В свою очередь отношения самого харизматического лидера к последователям характеризуются большим социальным напряжением. Они всегда содержат в себе требования непрерывных свершений, подвигов, энтузиазма, героизма, самоотдачи.

Харизматическое лидерство обычно возникает на фоне социальных кризисов, в моменты резких поворотов в развитии общества, поэтому харизма носит обычно революционный характер, отвергая прошлое и предлагая некий новый путь развития.

Макс Вебер так описывает процедуру возникновения харизматического лидерства. Первоначально харизматик один с небольшим кружком последователей. Он непонимаем и гоним. Однако постепенно складывается стабильный круг учеников, их влияние растет, харизма обретает власть и начинает обрастать организационными структурами. Это, по М. Веберу, и знаменует конец харизмы, которая трансформируется в традиционное или рационально-легальное лидерство.

Макс Вебер, умерший, за 13 лет до прихода к власти фашистов в его родной Германии, пророчески описал грядущие политические потрясения,

связанные с деятельностью страшных харизм XX века. Мы же, опираясь на исторический опыт, можем продолжить внешние атрибуты харизматического лидерства, которые еще долго сохраняются и после исчезновения настоящей харизмы. Делается это с помощью системы *культ личности*.

Культ личности порождается, как известно, тоталитарным режимом. Его строгая иерархия и централизация приводят к тому, что объем власти по мере продвижения вверх возрастает, число же субъектов власти убывает. Таким образом, наверху остается одинокая фигура вождя, никем и ничем не ограниченная и не контролируемая. Его авторитет зиждется уже не только, а иногда и не столько, на харизме, сколько на объеме власти которой он обладает. По точному замечанию Желю Желева, "о политическом руководителе в тоталитарном государстве можно сказать, что он обладает властью не потому, что умен, а "умен" оттого, что обладает властью; он пришел к власти не потому, что честен, а "честен" оттого, что он – власть и так далее" (Ж. Желев. Авторитарный образ мышления и культ национального вождя // Диалог, 1991.– № 6.– С.58).

Народ поддерживает культ личности уже по той простой причине, что не может поступить иначе. В обществе нет оппозиционных партий, свободной прессы, общественного мнения, отличного от мнения власти, зато существует тотальный контроль за политическим поведением, в этих условиях человек привыкает подчиняться и даже начинает верить в добровольность свою поступков.

Существует и определенный механизм создания культа личности, который включает в себя: тиражирование портретов и других изображений вождя, изучение его трудов, посещение мест, связанных с его именем, участие вождя в общенациональных праздниках, торжествах, восхваление вождя в литературе, искусстве, средствах массовой коммуникации, создание и тщательное соблюдение всех ритуалов культа и т.п.

Таким образом, в тоталитарной системе культ личности определяется не столько харизмой, т.е. особыми сверхъестественными качествами, сколько самой системой, не допускающей политической конкуренции, критики и контроля.

4. ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ

4.1. ПСИХОЛОГИЯ ВЛАСТИ: ГЕНЕЗИС И ОСНОВНЫЕ ВИДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ

Феномен власти, как и любое явление реальной жизни, не является предметом монопольного анализа какой-либо одной науки. Проблема власти рассматривается в политологии, в юриспруденции, в истории и, конечно, в психологии. Предметом психологического анализа являются не властные отношения как таковые, а скорее их субъективные аспекты — восприятие институтов власти, установки по отношению к властным фигурам, адекватность осознания степени зависимости от носителей власти и т. д. Субъективный аспект власти — это готовность и непосредственно активное участие субъектов властных органов и структур в их функционировании. Но, пожалуй, самый интересный вопрос — это проблема психологических механизмов власти: почему люди готовы принимать одну власть, подчиняться одним людям или правилам, но решительно, иногда жертвуя жизнью, отвергают другую? Что дает одним людям власть над другими?

Психология политической власти — это закономерности, механизмы, условия и факторы образования, а также ее функционирования как института. Та или иная власть необходима в любом обществе, и общества без власти так же неизвестны этнографам, как и общества без семьи или без собственности. Властью обладают президент или монарх по отношению к гражданам страны, руководитель по отношению к подчиненным, родители по отношению к ребенку, влюбленные по отношению друг к другу.

Для выявления психологических характеристик политической власти целесообразно опираться на потенциал конструктивных подходов ее познания. Прежде всего на такие, как социобиологический подход, компенсаторная концепция власти и другие.

Социобиологический подход к проблеме власти. Одной из первых попыток найти источник стремления к доминированию стало предположение о его врожденном характере. Сначала эта мысль высказывалась в философско-умозрительной форме, в виде тех или иных представлений о природе человека. Так, Аристотель считал, что есть народы и люди, которые по своей природе призваны властвовать, а другие — им подчиняться. По мнению Т. Гоббса, "общей склонностью всего человеческого рода" является "вечное и беспрестанное желание все большей и большей власти, желание, прекращающееся лишь со смертью". Французский философ К.А. Гельвеций источник стремления к власти видел в любви к наслаждению и на этом основании также делал вывод, что оно "коренится в самой природе человека".

В наше время достаточно распространенными являются концепции, видящие истоки "воли к власти", если использовать выражение Ф. Ницше, в биологических структурах человека. Исследователи, придерживающиеся данной точки зрения апеллируют к данным, полученным при изучении об-

щественных животных. У последних наблюдаются явления, которые могут быть обозначены терминами социальной жизни человека (иерархия, господство и т. д.). Например, работа голландского этолога Ф. де Ваала называется "Политика у шимпанзе. Власть и секс среди обезьян". Соответственно, считается возможным говорить о наличии соответствующих инстинктов не только у предков человека, но и у него самого.

Говоря о социобиологическом подходе к проблеме власти, согласимся, что биологически детерминированные характеристики индивида могут быть весьма релевантными для достижения власти и лидерства. К ним относятся такие параметры, как состояние здоровья, внешность, тип нервной системы, психофизиологические особенности (согласно данным этологов, доминирование или подчинение среди обезьян позитивно связано с уровнем серотонина в крови).

Вместе с тем, необходимо сделать две принципиальные оговорки. Прежде всего, пока нет данных, позволяющих говорить о наличии "гена власти". Поэтому речь в данном случае должна идти не о стремлении к власти как таковом, а именно о предпосылках к достижению власти, и эти два аспекта проблемы не следует смешивать. Следует помнить, что значимость тех или иных особенностей человека не инвариантна. Сыграют ли они свою роль, зависит как от конкретных социокультурных условий, так и от личностного уровня психологической регуляции. Так, физическая сила или рост по-разному оцениваются в разных обществах, а личностные ценности могут определить совсем иную область для приложения потенциала человека (например, в религиозной, а не властной сферах).

Второй аспект также связан с культурной детерминацией деятельности человека. Безусловно, у людей, как и у животных, есть врожденные регуляторы поведения, в том числе и инстинкты. Однако их роль принципиально различна. Побуждения, производные от биологической природы, хотя и занимают у людей "подчиненное" положение, остаются фундаментом жизнедеятельности, но не составляют основы структуры человеческой мотивации. В данном аспекте интересной представляется точка зрения российского социобиолога Н.А. Монахова. Согласно его мнению, объяснить проявление у человека стремления к доминированию и честолюбию можно исходя из сохранения у него так называемого инстинкта "простазии" (стремления к превосходству). У животных он имеет прямое биологическое назначение и связан с процессом размножения, выбором полового партнера. В человеческом же обществе данный инстинкт утратил первоначальную функцию, но сохранил свою энергетическую значимость и может "включаться" под воздействием различных социально обусловленных "пусковых механизмов".

Своеобразным переходом от биологических к социальным теориям мотивации власти может служить теория американского психолога Р. Уайта. Им была высказана идея о том, что в основе человеческой активности лежит потребность в "действенности" (efficacy) во взаимодействии с окружающим

миром. Согласно У. Стоуну, предпринявшему попытку применить данный тезис к политике, многие побуждения личности, в том числе власть,— это результат социокультурного научения на основе присущей всем людям потребности в "действенности".

Компенсаторная концепция власти. Другим распространенным объяснением мотивации власти является компенсаторная концепция. Ее основоположником является А. Адлер, связавший стремление личности к доминированию, превосходству с попытками преодолеть реальную или воображаемую неполноценность. Данное положение было воспринято Г. Лассуэллом, разработавшим на её основе теорию мотивации политической деятельности, ставшую весьма влиятельной. "Люди стремятся к власти, преследуя эту ценность как средство компенсации какой-либо неполноценности...". При этом власть и все связанное с ней становятся средством повышения в собственных глазах собственной значимости, преодоления заниженной самооценки. Сходной точки зрения придерживалась видный представитель психоанализа К. Хорни. По ее мнению, многим людям присуща так называемая *базальная тревожность*, восприятие себя как "маленького", "униженного и оскорбленного" человека. Стремление к власти становится одним из путей для восстановления психического равновесия.

Теория компенсации была и остается весьма популярной, однако ряд проведенных в 1950—1970 гг. исследований политически активных людей, прежде всего членов законодательных органов штатов (работы Д. Барбера, В. Стоуна, Г. Бэрила и др.) не подтверждают тезиса о преимущественно компенсаторном характере участия в политике. Было доказано наличие среди законодателей (как и в обществе в целом) людей с различным уровнем самооценки, и в то же время не выявлено значимых различий в самооценке политиков и, например, студентов университетов. При этом обнаружился тот факт, что успех политической деятельности определяется не только типом самооценки, а ее сочетанием с другими личностными параметрами (например, сложностью Я-концепции).

Недостаточность объяснения мотивации политической власти на основе только принципа компенсации обусловлена рядом причин. Прежде всего, компенсация может происходить и другими путями, например, через достижение богатства. В общем случае на направление компенсаторного поиска мощное воздействие будет оказывать система значимых ценностей общества (святости, знания, воинской доблести и т.п.), достижение которых позволяет повысить самооценку. С другой стороны, даже если человек и стремится к власти, то проявлять ее он может не в политике, а с большим эффектом в других областях деятельности, например, в армии. По мнению самого Г. Лассуэлла, в детерминации того, будет ли потребность во власти реализовываться именно в политической сфере, важную роль играют когнитивные факторы. Выбор компенсации через власть происходит в двух случаях: когда, как ожидается, это

принесет больше выгоды, чем при использовании иного пути; когда есть позитивный опыт повышения самооценки с помощью власти.

Компенсаторный механизм, таким образом, следует рассматривать не как отдельный мотив, а, скорее, как психологическую основу для целого набора мотивирующих явлений, пронизывающую (при ее наличии) всю мотивационно-потребностную сферу личности. Необходимость развития концепции Г. Лассуэлла в данном направлении отразил его последователь, известный представитель психоаналитического направления в политической психологии А. Джордж. Соглашаясь с тем, что политическая деятельность носит во многом компенсаторный характер, он, однако, выдвинул ряд новых методологических положений. Так, в отличие от Г. Лассуэлла, А. Джордж говорит уже не о "политическом типе", а о личности, обладающей множеством ценностей ("multy-valued person").

Психологическое измерение власти. В нашей жизни мы постоянно сталкиваемся с различными формами такого явления, как власть, играющего роль важнейшего механизма организации общества. Не случайно видный английский философ Б. Рассел сравнил роль понятия "власть" в общественных науках со значением категории "энергия" в естественных. Существует множество подходов к пониманию сущности этого явления. Мы под властью будем понимать способность и возможность оказывать определяющее воздействие одних социальных субъектов на другие с помощью различных сил, средств и способов.

Власть всегда предполагает отношение между властным и подвластным. Политико-властные отношения общества представляют собой некоторую объективную реальность, "данную нам в ощущениях", проявляющуюся в правовых нормах, действиях органов управления и детерминируемую экономическими, социальными, собственно политическими факторами. Под таким углом зрения правомерным является рассмотрение власти в "безличных" терминах политического режима, разделения властей, уровней власти и т. д. Однако субъектом власти, в конечном счете, является конкретный человек, отношение которого к осуществлению властных полномочий может быть весьма неоднозначным. Будучи наделен самыми широкими возможностями для этого, он может или тяготиться властью или же, наоборот, прилагать все силы для еще большего расширения своего влияния. Именно психологические особенности, прежде всего мотивационные, определяют различия в использовании власти если ее ресурсы и возможности реализации одинаковы для двух различных людей, подчеркивает американский политолог Р. Даль. С другой стороны, даже будучи объектом власти, личность не теряет своей субъектности и подчиняется властной воле отнюдь не автоматически.

Хотя феномен власти может иметь место в семье, в организации и т. п., наверное, ни одна сфера человеческой жизни не связана с властью в такой степени как политика. Политика и власть издавна рассматриваются как своеобразный континуум. Выполнение основной функции политики —

согласования социальных интересов — невозможно без властных полномочий. Политическая власть предполагает подчинение наибольшего количества граждан и имеет наиболее масштабные средства как убеждения, так и принуждения.

Отражая эту связь, немецкий психолог Э. Шпрангер ввел понятие "политический тип", отождествив при этом собственно политическое и властное вообще. "Людей, ведущей ценностью которых является власть, — писал он, — мы будем называть политическими, пусть даже отношения, в которые они включены и не являются политическими в прямом смысле". От этого же факта оттолкнулся Г. Лассуэлл, попытавшийся ответить на вопрос: чем занимающиеся политикой отличаются от простых граждан? Сущностной чертой "политического человека" является, по мнению американского ученого, "акцентуация... на власти, предпочтение власти по отношению к другим ценностям". Предметом своей направленности он отличается, к примеру, от "ученого", ориентированного на знания, образование. В своих работах Г. Лассуэлл выделил черты, характеризующие идеальный тип *homo politicusa*:

- 1) ненасытное стремление к власти;
- 2) использование других ценностей и людей как средств достижения власти;
- 3) желание ее только для себя; владение технологиями власти .

Ориентируясь на отмеченные и другие подходы в анализе власти, представляется возможным проследить ее психологические особенности, в частности, рассматривать власть и как самоценность, в которой основным механизмом выступает мотивация, и в виде влияния власти на деформации личности, и в качестве инструмента достижения цели, и как систему властных отношений, и в целом, как самобытный феномен.

4.2. МОТИВАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Как отмечал М. Вебер, стремиться к власти можно и "ради нее самой", чтобы наслаждаться "чувством престижа, который она дает". Он подчеркивал, что это, в частности, может быть связано с ощущением того, что "держишь в руках нерв исторически важного процесса", принимаешь участие в принятии важных решений, касающихся жизнедеятельности всего общества.

При этом указанное мотивирующее основание в содержательном плане не совпадает с инструментальным стремлением к статусу, поскольку может проявляться и у политика, не претендующего на публичность. В поведенческом плане рассматриваемый вариант мотивации власти реализуется в двух основных тенденциях:

- 1) стремлении к приобретению и расширению ресурсов власти или потребности чувствовать себя сильным (Х. Хекхаузен) (своеобразный "статический" аспект);
- 2) желании использовать эти ресурсы на практике ("динамический" аспект).

Давно замечено, что отношение людей к власти весьма неоднозначно. На одном полюсе находится позиция "дай Бог не вляпаться во власть". На другом

— столь сильное стремление к ней, что от него, по выражению Н. Макиавелли, "не могут ограбить все достоинства ума и сердца...". При этом последний тип отношения к власти гораздо более социально заметен. Как отметил в этой связи Б. Рассел, у человека имеются две ненасыщаемые и бесконечные страсти — к славе и к власти. Не удивительно, что именно проблема мотивации власти, ее источника и проявлений постоянно находилась в центре внимания мировой социальной мысли.

Подводя итог изложенному выше, отметим, что выделенные основы стремления к власти отнюдь не исключают друг друга. В реальности все они в той или иной мере связаны и взаимодействуют друг друга. В свете этого весьма обоснованной представляется полипотребностная концепция мотивации власти, предложенная российским психологом С.Б. Кавериним. С его точки зрения, потребность власти — синдром пяти базовых потребностей: свободы (власть используется для достижения безопасности), гедонистической (власть — средство удовлетворения материальных потребностей), самоутверждения (через власть достигаются престиж, уважение, признание), самовыражения (власть как достижение значимых результатов, игра, соревнование), потребности быть личностью (через обладание властью реализуется стремление сделать что-либо для других, а не только для себя).

Сама по себе потребность во власти как интегративное личностное образование не является ни плохой ни хорошей. Ее проявление в поведении определяется как внешними условиями, так и соотношением указанных потребностей. "Суммарность и одновременность действия базовых потребностей побуждает считать, что каждый человек, осуществляющий власть, движим одновременно мотивацией и независимости, и господства, и выгоды, и служения людям", — пишет ученый. Исходя из этого, С.Б. Кавериним разработана оригинальная типология людей на основании того, какая из потребностей преобладает в структуре мотивации власти:

<i>Доминирующая потребность</i>	<i>Тип личности</i>
- Потребность в свободе	Нонконформист
- Гедонистическая потребность	Конформист
- Потребность в самоутверждении	Диктатор
- Потребность в самовыражении	Авантюрист
- Потребность быть личностью	Демократ

Отметим, что позиция С.Б. Каверина перекликается с точкой зрения ряда зарубежных ученых, также полагающих, что стремление к доминированию не следует рассматривать исключительно как признак психического нездоровья. Так, К. Хорни принципиально отделяла невротическую мотивацию власти, коренящуюся, по ее выражению, в слабости личности, от нормального желания

власти, вытекающего из силы человека, его объективного превосходства и детерминируемого особенностями социализации, культуры общества. Подобной точки зрения придерживался и Э. Фромм, отмечавший, что "в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Власть— это господство над кем-либо; сила— это способность к свершению, потенция".

Рассмотренная выше концепция позволяет охарактеризовать феномен мотивации власти как многомерное явление, не сводимое к какому-либо одному побуждению. Это тем более важно, что, как следует из проведенных в последние годы исследований, имеет место изменение иерархии мотивов в период достижения власти и собственно властвования.

С другой стороны, говоря о мотивации власти, следует также помнить, что поведение человека (в том числе и политическое) отнюдь не исчерпывается стремлением к господству над другими. Поэтому представляется весьма значимым положение А. Джорджа о том, что мотив власти может как усиливаться другими побуждениями личности, так и вступать в конфликт с ними.

Большое теоретическое и практическое значение имеет исследование мотивов власти политических лидеров. Личность политического лидера является сложнейшим многомерным образованием и состоит из множества различных взаимосвязанных структурных элементов. Не все они в одинаковой степени ответственны за политическое поведение, проявляются в нем. Однако, после многочисленных исследований, проведенных в американской политической психологии, удалось выделить наиболее влиятельные личностные характеристики, которые мы для удобства сгруппируем в шесть блоков:

- представления политического лидера о себе самом;
- потребности и мотивы, влияющие на политическое поведение;
- система важнейших политических убеждений;
- стиль принятия политических решений;
- стиль межличностных отношений;
- устойчивость к стрессу.

Я-концепция политического лидера. Проблема компенсации реальных или воображаемых дефектов личности была поставлена еще соратником З. Фрейда А. Адлером. Эта идея получила свое более полное развитие в работах Г. Лассуэлла. Согласно его концепции, человек для компенсации низкой самооценки стремится к власти как средству такой компенсации. Таким образом, самооценка, будучи неадекватной, может стимулировать поведение человека в отношении политически релевантных целей — власти, достижений, контроля и др.

Внимание Г. Лассуэлла было приковано к развитию представлений человека о самом себе, степени развития и качеству самооценки и их воплощению в политическом поведении. Его гипотеза состояла в том, что некоторые люди обладают необычайно сильной потребностью во власти или

других личностных ценностях, таких, как привязанность, уважение, как в средствах компенсации травмированной или неадекватной самооценки. Личные ценности или потребности такого рода могут быть рассмотрены как эго-мотивы, поскольку они часть эго-системы личности.

А. Джордж в одной из своих работ продолжил линию рассуждения Г. Лассуэлла о стремлении к власти как компенсации низкой самооценки. Он детально рассмотрел возможную структуру низкой самооценки и считает, что низкую самооценку могут составлять пять субъективных негативных чувств в отношении себя в различных их комбинациях:

- чувство собственной неважности, незначительности;
- чувство моральной неполноценности;
- чувство слабости;
- чувство посредственности;
- чувство интеллектуальной неадекватности.

После того как Г. Лассуэлл привлек внимание политологов и политических психологов к роли самооценки в политическом поведении лидера, появился целый ряд исследований, посвященных представлению политика о себе.

Политический лидер в любой ситуации за редким исключением ведет себя в соответствии с собственной Я-концепцией. Поведение его зависит от того, кем и как он себя осознает, как он сравнивает себя с теми, с кем он взаимодействует.

Я-концепция, то есть осознание человеком того, кто он, имеет несколько аспектов. Наиболее существенные из них это — образ "Я", самооценка и социальная ориентация политического лидера. У. Стоун приводит рассуждение классика психологии У. Джемса, что наша самооценка может быть выражена как отношение наших достижений к нашим претензиям. Но сам У. Стоун считает, что самооценка — это позитивное чувство в отношении себя, самоуважение.

Под социальной ориентацией подразумевается чувство автономности, в противоположность чувству зависимости от других людей в самоопределении. По мнению психолога Е.Т. Соколовой, "автономизация самооценки окончательно оформляется в подростковом возрасте, и преимущественная ориентация на оценку значимых других или на собственную самооценку становится показателем стойких индивидуальных различий, характеризующим целостный стиль личности".

Американские исследователи Д. Оффер и Ч. Строзаер рассматривают образ Я-политика, который соответствует "общей сумме восприятий, мыслей и чувств человека по отношению к себе"... "Эти восприятия, мысли и чувства могут быть более или менее ясно проговорены в образе Я, в котором Я разделено на шесть различных частей, тесно взаимодействующих". Эти шесть Я следующие: физическое Я, сексуальное Я, семейное Я, социальное Я, психологическое Я, преодолевающее конфликты Я. Как отмечает Е.Т. Со-

колова, "ценность и субъективная значимость качеств и их отражение в образе Я и самооценке могут маскироваться действием защитных механизмов".

Физическое Я представляет собой, с точки зрения этих ученых, представления политического лидера о состоянии своего здоровья и физической силе или слабости. Политический лидер должен быть достаточно здоровым, чтобы это не препятствовало его деятельности. В политологической и психологической литературе были описаны страдания, которые причиняло президентам США Рузвельту, Вильсону и Кеннеди их плохое здоровье.

По поводу сексуального Я, то есть представлений политика о своих претензиях и возможностях в этой сфере, ученые отмечают отсутствие статистических данных о том, как сексуальные предпочтения или сексуальное поведение связано с лидерскими способностями. Сомнительно, что президентом современного развитого государства может стать гомосексуалист или эксгибиционист. Прежде всего, такие наклонности закрыли бы ему путь в большую политику вне зависимости от лидерских качеств. В истории же известные тираны отличались патологией сексуальной сферы и нередко страдали различными извращениями.

Семейное Я является очень важным элементом личности политика. Хорошо известно, и прежде всего из психоанализа, какое огромное влияние оказывают отношения в родительской семье на поведение взрослого человека. Некоторые политические лидеры преодолевают ранние травмы и конфликты, другие — нет и, становясь лидерами, переносят фрустрации из своего детства на свое окружение в стране и в мире.

Для людей, находящихся на высших государственных постах, очень важно обладать способностью к совместной деятельности с другими. Представления политика об этом качестве отражены в социальном Я. Политический лидер должен научиться тому, как вести переговоры и как стимулировать своих коллег к проявлению их лучших качеств. Он должен быть способным использовать навыки межличностных отношений для эффективной работы с различными, порой враждебными группами людей, с лидерами других стран.

Психологическое Я составляют представления о своем внутреннем мире, фантазиях, мечтах, желаниях, иллюзиях, страхах, конфликтах — важнейшем аспекте жизни политического лидера. З. Фрейд говорил, что психопатология — участь обывательской жизни. Как и у обычных людей, у лидеров нет врожденного иммунитета от невротических конфликтов, психологических проблем, а иногда и более серьезных форм психопатологии, таких, как психоз. Страдает ли политик от осознания собственных страхов или относится к этому спокойно, или даже с юмором — проявляется в его поведении, особенно в период ослабления самоконтроля.

Преодолевающее конфликты Я — представления политического лидера о своей способности к творческому преодолению конфликтов и нахождению новых решений для старых проблем. Лидер должен обладать достаточными

знаниями и интеллектом, чтобы воспринять проблему. Он должен быть достаточно самоуверенным при принятии политических решений, чтобы суметь передать эту уверенность другим. Иной аспект преодолевающего конфликты Я — осознание лидером своей способности к преодолению стрессов, связанных с его ролью и деятельностью на посту, например, главы государства. Стресс может привести к тяжелым симптомам, которые самым серьезным образом ограничивают интеллектуальные и поведенческие возможности политического лидера. Он может увеличивать жесткость познавательных и мыслительных процессов в исторически сложные моменты, приводить к снижению гибкости и самообладания, в особенности тогда, когда они необходимы.

Сложность Я-концепции Р. Зиллер и его коллеги понимают как число аспектов Я, воспринимаемых политическим лидером, или как степень дифференциации Я-концепции. На ранних стадиях самосознания происходит отделение человеком себя от других. Далее, Я в его сознании разделяется на неограниченное число частей. Впоследствии у человека проявляется тенденция оценивать себя в сравнении с другими людьми. Этот процесс получил подробный анализ в теории социального сравнения Л. Фестингера. Главным положением этой теории является утверждение, что в основе стремления человека правильно оценить свое мнение и способности в сравнении с другими людьми лежит потребность иметь ясную и определенную Я-концепцию.

Через процесс социального сравнения у человека устанавливаются рамки социального рассматривания Я как точки отсчета. Р. Зиллер в другом своем исследовании, проведенном в 1973 г., обнаружил, что люди с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию стремиться к получению большей информации перед принятием решения, чем обладающие низкой сложностью Я-концепции. Поскольку сложность Я-концепции связана с восприятием сходства с другими людьми, то более вероятно, что политики с высокой сложностью Я-концепции воспримут информацию от других. Политические лидеры с высокой сложностью Я-концепции имеют тенденцию легче ассимилировать как позитивную, так и негативную информацию и, таким образом, реагировать на ситуацию на основе обратной связи, чем лидеры с низкой сложностью Я-концепции.

В то же время, чем выше самооценка у политиков, тем хуже они реагируют на ситуацию, тем ниже их реактивность. Лидеры с высокой самооценкой менее зависимы от внешних обстоятельств, они имеют более стабильные внутренние стандарты, на которых они основывают свою самооценку.

Политические деятели с низкой самооценкой оказываются более зависимыми от других людей и, таким образом, более реактивными. Они являются более чувствительными к обратной связи и изменяют свою самооценку в зависимости от одобрения или неодобрения других.

Р. Зиллер и его коллеги разработали типологию личности политических лидеров на основе исследования самооценки и сложности Я-концепции. Первый тип составляют лидеры с противоречивым, на первый лишь взгляд, названием аполитичные политики. Это деятели с высокой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, которые ассимилируют новую информацию, касающуюся их, без угрозы для их Я-концепции, но при этом для их реактивности существуют серьезные ограничения. Они чувствуют себя оторванными от других и поэтому с трудом реагируют на поведение своих последователей или населения государства в целом.

Другой тип, наиболее удачливый в политике, — прагматики. Это политические лидеры с низкой самооценкой и высокой сложностью Я-концепции, отвечающие на широкий круг социальных стимулов. Они прислушиваются к мнениям других людей и модифицируют свое политическое поведение на основе обратной связи.

Третий тип составляют *политические лидеры с высокой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, не реагирующие на мнения других*. Их познавательные процессы и поведение очень жестки, а самооценка чрезвычайно стабильна. Это — "идеологи", столь знакомые нам по Политбюро КПСС.

И, наконец, четвертый тип — это *деятели с низкой самооценкой и низкой сложностью Я-концепции, которые интенсивно реагируют на узкий круг социальных стимулов*. Их назвали "недетерминированные".

Самооценка политического лидера накладывает очень важный отпечаток на внутри- и внешнеполитический курс его страны или возглавляемой организации. Если у него в течение жизни сформировалась заниженная самооценка, то его постоянное недовольство собой могло быть той самой движущей силой, которая толкала его на взятие все новых и новых барьеров в сфере внутренней или внешней политики. Такими предстают президенты США Р. Никсон, Р. Рейган, российские политики И. Рыбкин, И. Лебедев, Жириновский-младший и др. Заниженная самооценка толкает политического лидера к различным шагам на международной или внутренней арене — крупномасштабным военным или миротворческим акциям, неожиданным для окружения экстравагантным поворотам, пассивному созерцанию и т. п.

Лидеры государств с завышенной самооценкой, переоценивая собственные качества политика и главнокомандующего, зачастую не замечают всеобщей и внешней, и внутренней реакции на свой курс на международной арене. Они упиваются собственным успехом (даже если он мифический) и относят критику к злобствующим завистникам. Здесь можно говорить о нарушении обратной связи между последствиями политического действия и субъектом. Почти никакие последствия не способны заставить такого лидера испугаться или содрогнуться от мысли о том, к чему могут привести его поступки.

Другой тип лидеров с завышенной самооценкой, сталкиваясь с недооцениванием их политики, как в стране, так и за рубежом, сильно страдает от аффекта неадекватности. Когда их политика строилась, с их собственной точки зрения, на принципах высокой морали или же казалась им продуманной и продуктивной, а воспринималась как безнравственная или же бессмысленная, такие политические лидеры шли на самые неожиданные шаги. И чем больше они обижались и переживали, тем чаще они повторяли аналогичные политические акции, еще больше вызывая неодобрение.

Лидеры с адекватной самооценкой представляют лучший образец партнеров на политической арене. Их внешняя и внутренняя политика не мотивирована стремлением к самоутверждению, обратная связь между последствиями акций и ними самими работает неукоснительно. Адекватно оценивающий свои политические способности лидер, как правило, уважительно и высоко оценивает других лидеров. Не боясь, что его унижат, обидят, обойдут, твердо зная собственную высокую цену, считая себя не хуже тех, с кем ему приходится взаимодействовать, такой лидер будет вести политику, которая позволила бы добиться поставленных целей и дала бы обоюдную выгоду. Отсутствие невротического компонента в самооценке приводит, как правило, к его отсутствию и в политическом поведении.

Невротическое стремление к политической власти. Поиск любви и привязанности является одним из путей, часто используемых в нашей культуре для получения успокоения от тревожности. Поиск власти — другой такой путь.

Завоевать любовь и расположение — значит получить успокоение путем усиления контакта с другими, в то время как стремление к власти означает получение успокоения через ослабление контакта с другими и через укрепление собственного положения.

Ощущение власти может возникать у нормального человека в результате реализации его превосходящей силы, будь то физическая сила или способность, или умственные способности, или зрелость и мудрость. Его стремление к власти может быть вызвано также некоторой особой причиной, связанной с семьей, политической или профессиональной группой, родиной или научной идеей. Однако невротическое стремление к политической власти рождается из тревожности, ненависти и чувства собственной неполноценности. Иначе говоря, *нормальное стремление к власти рождается из силы, невротическое — из слабости.*

То, что невротики в нашей культуре выбирают этот путь, происходит потому, что в нашей социальной структуре власть может дать чувство большей безопасности.

В поисках тех условий, которые порождают стремление к этой цели, становится очевидным, что такое стремление обычно развивается лишь тогда, когда оказывается невозможным найти средство для снятия подспудной тревожности с помощью любви и привязанности.

Невротическое стремление к власти служит не только защитой от тревожности, но также и каналом, по которому может выходить вытесненная враждебность.

Стремление к власти служит, во-первых, защитой от беспомощности, которая является одним из основных элементов тревожности. Невротик испытывает такое сильное отвращение к любому отдаленному намеку на беспомощность или на слабость в себе, что старается избегать ситуаций, которые нормальный человек считает вполне обычными, например, чье-либо руководство, совет или помощь, любой вид зависимости от людей или обстоятельств, любую уступку или согласие с другими. Этот протест против беспомощности вовсе не проявляется сразу во всей своей силе, а увеличивается постепенно: чем сильнее невротик чувствует подавленность своими внутренними запретами, тем менее он способен к самоутверждению. Чем более слабым он становится, тем с большей тревожностью ему приходится избегать всего, что хоть в малейшей степени может обнаружить его слабость.

Во-вторых, невротическое стремление к политической власти служит защитой от опасности чувствовать себя или выглядеть ничтожным. Невротик вырабатывает жесткий и иррациональный идеал силы, который заставляет его верить, что он способен справиться с любой ситуацией, какой бы сложной она ни была, и может справиться с ней немедленно. Этот идеал приобретает связь с гордостью, и, как следствие, невротик рассматривает слабость не только как опасность, но и как позор. Он делит людей на "сильных" и "слабых", восхищаясь первыми и презирая вторых. Он также доходит до крайности в том, что считает слабостью. Он испытывает большее или меньшее презрение ко всем людям, которые соглашаются с ним или уступают его желаниям, ко всем, кто имеет внутренние запреты или не контролирует свои эмоции столь тщательно, чтобы всегда иметь безмятежное выражение лица. Он также презирает все эти качества в себе.

Он чувствует унижение, если ему приходится признавать собственную тревожность или внутренний запрет, и тогда, презирая себя за свой невроз, вынужден сохранять этот факт в тайне. Он также презирает себя за то, что не в состоянии справиться с неврозом в одиночку.

Те особые формы, которые примет такое стремление к власти, зависят от того, лишения какой власти невротик больше всего боится или презирает.

Другой установкой, которая может характеризовать его стремление к власти, является его желание настаивать на своем. Постоянным источником острого раздражения для него может служить нежелание других делать то, чего он от них ожидает, и именно тогда, когда он этого хочет. Нетерпеливость тесно связана с этим аспектом стремления к власти. Любого рода отсрочка, любое вынужденное ожидание станет источником раздражения. Часто невротик сам не осознает существования управляющей им установки или, по крайней мере, силы ее действия. Конечно, в его интересах не осознавать и не изменять такое отношение, потому, что оно несет важные защитные функции.

Еще одно отношение, образующее стремление к политической власти, — это стремление никогда не уступать, не сдаваться. Согласие с чьим-либо мнением или принятие совета, даже если он считается правильным, воспринимается как слабость, и одна только мысль, чтобы так поступить, вызывает сопротивление. Люди, для которых такое отношение является важным, склонны ударяться в другую крайность и из одного только страха уступить упрямо принимают противоположную сторону.

Поиск власти является защитой от беспомощности и от чувства собственной незначительности. У невротика, принадлежащего к этой группе, развивается ярко выраженная потребность производить впечатление на других, быть объектом восхищения и уважения.

Стремление к обладанию, собственности также может служить в нашей культуре защитой от беспомощности и чувства собственной незначительности или унижения, поскольку богатство дает власть.

Доминирование, характерное для невротического стремления к власти, не обязательно открыто предстает как враждебность к другим. Оно может быть скрыто в социально значимых или дружеских формах, проявляясь, например, как склонность давать советы, стремление направлять дела других людей, в виде инициативности или лидерства. Но если за такими отношениями скрывается враждебность, другие люди — дети, супруги, подчиненные — будут ощущать ее и реагировать либо подчинением, либо сопротивлением. Сам невротик обычно не осознает привнесенной сюда враждебности. Даже если он приходит в состояние бешенства, когда дела идут не так, как он хочет, он все равно продолжает думать, что он по своей сути является нежной душой, впадающей в дурное расположение духа лишь потому, что люди ведут себя столь неблагоприятно, пытаясь противостоять ему.

Таким образом, психология политической власти понятие весьма многомерное, оно отражает субъект-объектные отношения в обществе. Упрощенно субъектно-объектные отношения сводятся к тому, что одни люди стремятся обладать властью, а другие ищут этой власти над собой. Однако удержаться на вершине власти первые могут только при условии, что вторые им доверяют, то есть при условии реальной легитимности власти.

Власть и деформация личности. Можно согласиться с мнением Я. Рудаша, что политика относится к тем видам профессиональной деятельности, в которых мотивация власти является ключевым профессионально важным качеством личности, а ее слабая выраженность может снизить эффективность. С этим положением перекликается и точка зрения, согласно которой политический деятель должен испытывать позитивные эмоции от доминирования над другими. Однако это не означает, что успешный политик должен проявлять сверхвыраженность данного мотива. Как следует из зарубежных исследований, политические деятели чаще имеют мотивацию власти, уровень которой лишь немного выше среднего. Более того, приближение данной черты личности к крайней отметке сказывается на

продуктивности деятельности так же негативно, как и ее недостаток. Чрезмерное стремление к власти, а тем более носящее невротический характер, мешает налаживанию равных межличностных отношений, отталкивает последователей от лидера. С другой стороны, затрудняется объективное восприятие реальности (проявляющееся в стремлении "всегда быть правым"). Это часто ведет к экстремизму, враждебности, негибкости и упрямству, непредсказуемости в поведении. Согласно исследованиям американских психологов, существует сильно выраженная связь между стремлением президента к власти и использованием силы в международных отношениях.

При этом следует отметить, что постоянное сосредоточение на достижении власти негативно влияет на личность политического деятеля или иного субъекта властных отношений. Данный факт был замечен давно. Власть, по оценке Платона, неизбежно делает его (тирана) завистливым, вероломным, несправедливым, недружелюбным и нечестным. В чем коренятся причины таких трансформаций?

Несомненно, важное влияние оказывают явления, сопряженные с исполнением властных полномочий — известность, почет, материальный статус, которые начинают восприниматься как атрибуты личности, а не должности. Нельзя отрицать и того, что определенные черты личности, оказавшиеся релевантными политической деятельности, могут получить в ее условиях чрезмерную выраженность, например, стремление к достижению цели, уверенность в себе.

Следует упомянуть и оригинальную концепцию "политической наркомании", выдвинутой российским психиатром и психоаналитиком А. Белкиным. Он исходит из того, что при выполнении любой деятельности, тем более значимой, в организме у человека вырабатываются гормоны, сходные по действию с наркотиками и дающие человеку позитивные эмоции.

Политика, в свою очередь, связана как с высокими затратами энергии, так и с огромными возможностями для удовлетворения потребностей власти, самореализации, статуса и соответствующими эмоциональными состояниями, продуцирующими соответствующие биохимические процессы. Став политиком, человек с определенными психическими особенностями может привыкнуть получать такую "подпитку" и после определенного момента "садится на политическую иглу". Соответственно, для получения удовлетворения требуются все большие доли власти, почитания, более грандиозные политические прожекты. Данному процессу сопутствуют изменения личности, сходные с клинической картиной, выявленной у людей с наркотической зависимостью: не критичность к происходящему, сверхценность собственных идей, подозрительность и т. п. В связи со сказанным можно привести мнение Г. Лассуэлла о том, что люди, которые "полностью отделились от других ценностей во время достижения и удержания власти — опасные члены общества".

Власть и инструмент. Понимание власти только в качестве средства компенсации является весьма узким. Обладание властью, тем более политической, дает обширные возможности для удовлетворения соответствующих потребностей. Как заметил еще Т. Гоббс, все страсти (желания власти, богатства, знаний или почестей) "могут быть сведены к первой..., ибо (они) суть различные виды власти". В связи с этим в качестве еще одного источника мотивации к власти выделяют ее инструментальную функцию.

При помощи власти облегчается достижение безопасности (в различных проявлениях — от возможности использовать силу для воздействия на других до депутатской неприкосновенности). По мнению видного американского психолога Д. Макклелланда, мотив власти подразумевает два вектора. Если первый можно обозначить как власть "для" (чтобы господствовать над другими), то второй — как власть "от" (обеспечить собственную свободу).

За желанием иметь власть могут скрываться материальные мотивы (от обеспечения повседневного существования до обогащения). Каждому человеку в норме присуща потребность, стремление к получению признания со стороны людей, рассмотрению себя как авторитетной, пользующейся популярностью личности. Нахождение на верхних этажах пирамиды власти также способствует получению статуса, известности, значимости. При этом, согласно Д. Макклелланду, мотивация власти может носить как эгоцентрический, так и социоцентрический характер. Поэтому стремление к власти может быть средством реализации социально-значимых мотивов (что, хотя и является сущностной задачей политики, встречается весьма нечасто).

В связи с этим следует отметить, что в настоящее время имеется неоднозначность самого термина "власть". Она, как социальный феномен, неразрывно связана с упомянутыми выше смысловыми следствиями — почетом, уровнем в иерархии, материальным уровнем и т. п. Поэтому внешне выраженное стремление к господству может иметь весьма различную психологическую основу. Более того, как заметил Г. Лассуэлл, люди чаще мыслят не в общих категориях "желания власти", а в более конкретных — "стать депутатом" и т. п.

Под обыденным выражением "стремление к власти" может скрываться и желание достичь высокого поста, и поиск социального статуса, и собственно власть. В последнем случае термин "мотив власти" может употребляться в его более узком смысле, как синоним доминирования — "стремление к первенству над другими людьми, к оказанию активного влияния на них и... социальную ситуацию.., тягу к самоутверждению в социуме собственной и не рядовой роли".

Как правило, в любом обществе экономически господствующая элита достигает того, что осуществляемая во всей стране государственная власть и государственная воля — это ее собственная воля, возведенная в государственный закон, во всеобщность. Навязывая обществу выгодные для

себя законы, экономически господствующий класс вынужден искать какую-либо общенациональную идею, которая прикрыла бы их своекорыстные цели и помогла удержать у власти обслуживающего их интересы лидера.

Чаще всего власть осуществляется в рамках определенных институтов — государства, армии, семьи, но может существовать и в рамках неформализованных сообществ. Почти каждый человек обладает властью по отношению к какому-то числу других людей, и, одновременно, для каждого из нас существует масса людей, которые могут заставить или убедить нас совершать те или иные поступки, т. е. обладают властью по отношению к нам. При этом власть, допустим, президента или председателя правительства для рядового человека предстает весьма опосредованной и может вообще не замечаться, в то время как власть непосредственного начальника, безусловно, осознается и является фактором, определяющим повседневную жизнь человека.

Власть как распорядительно исполнительские отношения. Власть по своей сути представляет одну из сторон неравенства в отношениях субъектов политики, в которых легитимно имеет место господство и подчинение, независимо от того, идет ли речь об отдельных индивидах, группах людей, классах, нациях или народах. Власть позволяет обладающим ею осуществлять свою волю, оказывать решающее воздействие на подчиненных и таким путем добиваться собственной цели.

Власть необходима в любом обществе. Власть — это право, которым наделен социальный субъект — человек, структура в обществе в силу своего социального статуса в обществе или в его институте.

Конечно, власть, исходящая сверху, распространяется на большее число людей, чем власть тех, кто находится внизу, но сами взаимоотношения между носителем власти и тем, кто ему подчиняется, не зависят непосредственно от места двух этих субъектов на социальной лестнице. Таким образом, было бы неверным считать, что власть сосредоточена на высших этажах общества или государства. Она распределена по всем уровням социальной иерархии. Одни и те же психологические закономерности могут быть обнаружены и в большой политике, и во взаимоотношениях рядовых граждан. При этом где-то обнаруживаются "сгущения" власти — в каких-то структурах кто-то обладает очень большой властью по отношению к другим людям, а где-то — своеобразные "разрежения" — власть будто вовсе не существует, никто не подчиняется никому. По крайней мере, носители власти и применяемые ими методы управления не видны ни стороннему наблюдателю, ни, иногда, даже и самим участникам взаимодействия.

Отношения господства и подчинения, т. е. властные отношения, или отношения власти, естественно присущи общественно-производственной, коллективистской природе человека. Парализовать или подчинить волю одних воле других можно разными средствами: через чувства и с помощью разума, любовью и страхом, подкармливающим богатством и требующей сострадания нищетой, убеждением и принуждением.

Государственная власть — не просто одна из разновидностей власти наряду с властью чувств, властью разума, властью предрассудков, отличающаяся тем, что она осуществляется с помощью насилия. Это важнейшее орудие принуждения граждан, причем единственное в своем роде, если иметь в виду могущество этого орудия, имеющего свои ответвления в любом районе, в любом населенном пункте страны, а также разноплановость его воздействия на граждан. Государственная власть — это не только его институты, призванные своими средствами защищать интересы и осуществлять волю, цели господствующей в стране общественно-политической силы, но и самые разнообразные экономические, идеологические, информационные структуры и их средства и методы.

4.3. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ВЛАСТИ: СУВЕРЕНИТЕТ, ЛЕГИТИМНОСТЬ

Важно отметить, что наиболее существенные признаки власти проявляются в суверенитете и легитимности. *Суверенитет* — право власти управлять именно этой территорией и именно в это время. Важность этого аспекта властных отношений видна при анализе сепаратистских движений, которые обычно не отрицают легитимности власти центра — они лишь не согласны с распространением его власти на их территорию, т. е. отрицают его суверенитет над данным пространством.

В некоторых случаях целесообразно говорить о временном суверенитете. Он возникает в особых, чрезвычайных ситуациях, возможно, в результате стихийного бедствия или какого-нибудь социального катаклизма. Естественно, ситуации возникновения временного суверенитета чреваты конфликтами и разночтениями. Одно должностное лицо может считать ситуацию уже достаточно чрезвычайной для того, чтобы он мог пользоваться особыми полномочиями, другие же должностные лица или рядовые граждане могут и не согласиться с подобной расширительной трактовкой положения дел.

Аналогичным образом конфликты могут возникать и по поводу определения момента прекращения временного суверенитета. Ни одна инструкция не может предусмотреть всего многообразия возможных жизненных ситуаций, поэтому и у чиновников, и у граждан остается простор для собственных интерпретаций того, можно ли уже возвращаться к обычному стилю правления или еще рано, и власть должна оставаться в руках структур чрезвычайного положения.

Легитимность и суверенитет тесно связаны друг с другом. Потеря легитимности неизбежно приводит и к отказу в суверенитете власти над данной территорией. Например, резкое снижение легитимности власти КПСС в конце восьмидесятых годов повлекло за собой и потерю суверенитета Москвы над союзными республиками, а затем и сомнения по поводу суверенитета центра и над некоторыми национальными регионами в самой России. Аналогичные процессы можно проследить и на Чехословакии, Югославии, Ливане и других

странах. Здесь очень важна роль психологического компонента — изменение отношения людей к государственным институтам ни в коей мере нельзя недооценивать. Люди не выступают против того, что считают справедливым и законным.

Политико-психологический подход к проблеме власти ставит вопрос о диагностике степени выраженности стремления к доминированию. Отметим, что решение данной проблемы сопряжено с достаточно большими трудностями. С одной стороны, это отсутствие инструментария для оценки собственно мотивации власти, хотя в составе тех или иных психодиагностических методик (например, тесты ММРІ, Кеттелла и др.) существуют соответствующие шкалы. Также возможно использование в этих целях (как это было сделано американскими исследователями Р. Браунингом и Г. Джекобом) проективной методики ТАТ. Однако (и в этом заключается второе затруднение) применение классических диагностических процедур, в первую очередь тестирования, к действующим и достаточно высокопоставленным политикам практически невозможно.

Вследствие этого при оценке мотивации политиков (в том числе и власти) наиболее часто применяются "дистантные" методы. К их числу относятся различные варианты психосемантических и психолингвистических методов исследования. Так, В.Ф. Петренко предложил психодиагностический семантический дифференциал, Р. Донли и Д. Винтер — систему индикаторов, позволяющую проводить психологический анализ различных сторон власти и политики. А. Джордж предложил систему показателей, отражающих компенсаторный характер стремления к власти: нежелание допускать других к разделению полномочий, отказ принимать советы, отказ от информирования других, отказ от делегирования задач, входящих в воспринимаемое "своим" поле власти и др.

Определенную значимость имеет психологическое измерение политико-властных процессов. Такая постановка вопроса заложена в классическом определении М. Вебера: "политика... означает стремление к участию во власти или к оказанию влияния на распределение власти...". Кто желает власти? Какие психологические особенности присущи этим людям? Что дает им власть? Какими мотивами они движимы? Почему люди подчиняются власти? — ответы на эти вопросы крайне важны для адекватного понимания как политики, так и психологии человека. Некоторые ученые видят в психологии власти сердцевину политической психологии. Так, по мнению К.К. Платонова, предмет этой науки заключается в "психическом отражении в индивидуальном и групповом сознании социальных явлений, связанных с завоеванием, удержанием и укреплением государственной власти".

В целом психологический анализ различных сторон власти дает возможность обеспечивать ее высокую легитимность. При этом во главу повышения ее эффективности ставится человеческий фактор, который наиболее

действенное влияние оказывает на субъектной основе, когда каждый проводник политической власти выступает ее активным и самобытным субъектом.

Психологические признаки легитимности власти. В числе основных закономерностей функционирования властных структур в качестве одной из ведущих признается легитимность власти. Понимание ее проявления позволяет успешно применить методологию познания и других закономерностей проявления власти. Поэтому проанализируем основные стороны легитимности власти. *Легитимность власти* — это степень согласия между управляющими и управляемыми социальными субъектами, то есть согласие граждан, чтобы ими управляли именно те и именно так, как нормативно определено.

Власть легитимна, если управляемые признают за управляющими право управлять вообще, и именно так, как они это делают, в частности. Это признание осознается как управляемыми, так и управляющими. Первым кажутся если не справедливыми и желательными, то, по крайней мере, естественными и сама власть, и связанные с ней институты и ритуалы. Вторые, ждут от управляемых подчинения, а так же одобрения их действий по подавлению и осуждению диссидентов, не желающих подчиняться и оказывающих вербальное или действенное сопротивление.

Легитимность — необходимое условие стабильности и эффективности власти. Легко видеть, что это в первую очередь психологическое понятие. Никакие ссылки на документы, целесообразность или традиции не сделают власть легитимной до тех пор, пока эти аргументы не станут убедительными для большинства или, хотя бы, значительного числа управляемых. Таким образом, легитимность власти — это факт сознания людей.

Индивид или институт обладают легитимной властью в том случае, если те, к кому они обращаются с определенным распоряжением, признают их право отдавать приказы. Если же носитель власти теряет легитимность, то рано или поздно он теряет и саму власть. (Современная политическая история дает тому немало примеров — это происходило с режимами Чаушеску, президента Филиппин Маркоса, последнего шаха Ирана и многими другими. Их падению предшествовала потеря согласия граждан подчиняться существующей власти. Система рушилась под ударами восстаний и массовых протестов, хотя к моменту гибели в ее распоряжении еще были вполне эффективные средства подавления и идеологического воздействия.

Характерно, что сначала легитимность теряется для управляемых — они перестают признавать право носителей власти на управление. Сами же властные фигуры еще не осознают того, что ситуация изменилась, продолжают ожидать подчинения и готовности к подчинению. При этом они опираются на традиции собственной легитимности, подкрепленной соответствующими институтами и ритуалами — помазанием на царство, выборами и т. д. Кроме того, существующие системы обратных связей ориентируются, в основном, на регистрацию объективных показателей, таких, например, как уровень преступности, размах забастовочного движения, активность

антиправительственных групп. Значительно меньше поддается фиксации динамика массового сознания — усталость граждан от тех или иных лидеров, разочарование в прежних лидерах, энтузиазм по поводу новых пророков или идей. И, наконец, осознание потери легитимности болезненно для носителей власти, и они стараются интерпретировать неизбежно амбивалентные результаты анализа положения дел в стране в более благоприятном для себя ключе.

Аналогичные процессы происходят и на микроуровне, например, в семье. Так, ребенок в какой-то момент перестает признавать легитимность власти родителей, он уже не считает, что они имеют право распоряжаться в том же объеме, что и раньше. Он, допустим, еще признает их право запрещать ему поздно возвращаться домой, но уже отказывается выполнять их предписания относительно того, как ему следует одеваться. Родители, однако, еще не осознают этого изменения отношений, что неизбежно приводит к конфликтам. Постепенно зона легитимности власти родителей сужается, затем сокращается, и сама власть и отношения между родителями и ребенком трансформируются и переходят на новый уровень.

Важным эмпирическим показателем степени легитимности власти является представленность в повседневной жизни средств принуждения. Например, если говорить о легитимности политической власти, то большое число хорошо вооруженных полицейских заставляет предположить, что граждане не считают свою власть легитимной, т. е. не готовы подчиняться ей добровольно. Или, другая возможность, сами носители власти осознают собственную нелегитимность, и поэтому ожидают сопротивления. Если же средства и институты принуждения не присутствуют ни на улицах, ни, что более важно, в сознании граждан, это свидетельствует о высоком уровне легитимности. Полярными в этом смысле примерами могут служить современная Россия, где вооруженные солдаты на улицах или бронетранспортеры на перекрестках стали привычным явлением, и Великобритания, где полицейские вообще не вооружены, рассчитывая не на силу, а на традиционное уважение к полиции.

Макс Вебер выделял три вида легитимности: легитимность, основанную на традиции, легитимность, основанную на праве, и легитимность, основанную на харизме. В первом случае в основе власти лежит обычай, властные отношения регулируются традиционно сложившимися установлениями.

Второй случай — господство закона — означает, что люди следуют определенным кодифицированным правилам, признавая именно такое поведение оптимальным для согласования интересов, для разрешения конфликтов и вообще для обеспечения социального взаимодействия.

Третий вид легитимности — харизматический — базируется на признании исключительного права именно этого человека или именно этой группы на управление людьми. Характерно, что поскольку легитимность харизматического типа предполагает приписывание носителе власти,

индивидуальному или, реже, коллективному, выдающихся свойств, то власть в этом случае крайне редко передается по наследству. Пожалуй, единственным примером успешной передачи власти от лидера харизматического типа его прямому наследнику является Северная Корея, где после смерти Ким Ир Сена все его посты занял его сын Ким Чен Ир. Аналогичные попытки в других странах неизменно заканчивались неудачей. Но и здесь следует иметь в виду, что Ким Ир Сен был не только харизматическим лидером, но и диктатором, и его власть основывалась не столько на личном авторитете, сколько на эффективной системе террора и тотальном контроле за гражданами.

Харизма не передается по наследству даже и в тех случаях, когда наследуется сама власть. Например, воцарение сына покойного монарха легитимизируется и законами, и обычаями (т. е. присутствует легитимность и первого, и второго типов), но харизма отца, если таковая существовала, не передается автоматически его сыну. Он должен еще доказать, что является не только законным, но и достойным преемником своего великого предшественника. Если ему этого не удастся, то его власть, оставаясь вполне законной, будет, тем не менее, меньше, чем у его отца.

Психологические основы легитимности власти. Общественные законы суть законы сотрудничества и взаимовлияния чувств, желаний и представлений людей, вступающих в общественное взаимодействие. Однако любое сотрудничество — это действие людей, имеющих определенную направленность и предполагающих некоторую силу, а именно власть. Власть рождается с самим общественным процессом, являясь одним из необходимых условий его функционирования. Власть есть сила направляющая, но в то же время сама порождается общественными силами, т. е. в известном смысле им подчинена и без их поддержки не может существовать. Власть неизбежна. Ее присутствие и последствия — принуждения — видны во всех отношениях между людьми.

Нередко власть и принуждение противопоставляют свободе. Свобода есть состояние независимости от внешних условий. Однако такое состояние не является внешне бездейственным, когда человек и не подчиняется никому сам и не подчиняет никого, не поддается на чужое влияние и сам его не оказывает. Трудно представить себе общество, состоящее из людей подобного типа. Такое общество, строго говоря, упраздняется. Живя в обществе, человек не может быть свободным от общества.

Нравственный интерес требует личной свободы как условия, без которого невозможны человеческое достоинство и высшее нравственное развитие. Но существование общества прежде всего зависит от безопасности всех живущих в нем. Любое общество не может существовать, если всякому желающему представляется беспрепятственно творить произвол. Как отмечает В. Соловьев: "Требование личной свободы, чтобы оно могло осуществиться, уже предполагает стеснение этой свободы в той мере, в какой она в данном состоянии человечества несовместима с существованием общества или общим

благом. Эти два интереса, противоположные для отвлеченной мысли, но одинаково обязательные нравственно, в действительности сходятся между собой. Из их встречи рождается право".

Власть вовсе не является непременно результатом насилия, подавления одной личности другой. Замечено, например, что в сложной натуре человека есть несомненное искание над собой власти, которой он мог бы подчиниться. Это своего рода потребность воздействия одного человека на другого, сила, соединяющая людей в общество. Искание над собой власти, свободное желание подчинения вовсе не есть выражение слабости. Подобно тому, как стремление к независимости может порождаться не только могучей силой, но также грубой необузданностью натуры, тщеславием, так и стремление к подчинению не всегда является результатом слабости.

Таким образом, *власть неизбежно оказывается следствием психической природы человека*. Однако как только проявление власти приобретает общественный характер, главной ее целью становится создание и поддержание порядка, важнейшим средством чего и выступает власть.

В связи с этим людям вовсе не нужно создавать власть. Им достаточно ее принять и подчиниться ей, тем самым устанавливая известный порядок. Искание порядка, как правило, сопровождается исканием власти. Несколько последних лет Республика Беларусь занята именно этим. Анализ общественного мнения показывает, что требование навести твердый порядок в стране, находится на одном из первых мест в системе ценностей. Вместе с тем в обществе все прочнее утверждается идея, что вряд ли можно достичь этого порядка, если в стране нет сильной власти. Совершенно отчетливо проглядывается ситуация, когда люди, обеспокоенные судьбой страны и своей собственной, ищут властного непререкаемого воздействия, которому бы подчинилось все население со всеми его разнообразными потребностями и интересами и в котором бы наше общество обрело порыв к деятельности. Возможно, этим объясняется феномен Лукашенко. Власть, занимающуюся призывами, народ поддерживает только на первых порах. Если же она свои обещания не реализует, то крах такой власти неизбежен. Народ требует от власти действий, пусть даже эти действия будут и ошибочны.

Да, власть требует подчинения. Но люди, подчиняясь ей, не жертвуют своей свободой. Они вместо подчинения стихийным силам, подчиняются сами себе, т. е. тому, что сами осознали необходимым. Люди лишь выходят из слепого подчинения внешним обстоятельствам и приобретают независимость как первое условие свободы.

Вопрос о психологических особенностях субъекта власти весьма важен. Но не менее значимым является применение психологического анализа к противоположному полюсу властного отношения. Без повиновения граждан власти нельзя вообще говорить о ее наличии, даже если бы у субъекта присутствовало весьма выраженное стремление употребить свою волю. Здесь можно вспомнить поговорку о том, что "танцевать танго можно только

вдвоем". Данное обстоятельство с неизбежностью ставит проблему психологических причин подчинения власти. Что заставляет людей повиноваться чужой воле и даже с энтузиазмом отвергать свои насущные интересы во имя ее? При каких условиях подчинение наиболее прочно, как воспринимается власть гражданами? Ответы на эти вопросы необходимы не только стороннему исследователю, но и субъекту власти, в том числе и политическим лидерам для эффективного осуществления последней.

Для того чтобы граждане, имеющие свои собственные интересы, не остались безразличными к властной воле, необходимо побудить личность следовать указаниям власти. Основываясь на положениях зарубежных и отечественных ученых, можно дать психологическое определение политико-властных отношений как взаимодействия мотиваций субъекта и объекта власти. Тогда психологическим механизмом осуществления власти является разнообразное воздействие на мотивы подвластных (стимулирующее имеющиеся побуждения или, наоборот, препятствующее их проявлению). Соответственно, субъекту власти необходимо обладать определенными ресурсами, которые будут значимы для других. В психологической и политологической литературе наиболее распространенной является классификация источников власти, принадлежащая Д. Френчу, Б. Рейвену и Д. Картрайту. Они выделяют:

- 1) власть вознаграждения (подразумевает, что поведение людей будет определяться ожиданием позитивного подкрепления их действий);
- 2) власть принуждения (сохранение мотивации, не соответствующей властной воле, ведет к санкциям различного вида);
- 3) власть эталона (referent power) (субъект власти является примером, с которым подвластные идентифицируют себя);
- 4) власть знатока (эксперта) (убеждение граждан в важности знаний субъекта власти для осуществления заданных целей).
- 5) информационная власть (владение информацией, заставляющей объект власти переосмысливать последствия реализации своей наличной мотивации);
- 6) нормативная власть (legitimate power) (убежденность в праве на осуществление власти).

Сходную типологию дает российский исследователь В.В. Крамник. Он пишет о легитимной, вознаграждающей и принудительной власти. Несмотря на меньшую детализацию, данный подход значим тем, что позволяет более отчетливо выделить два принципиально различных (прежде всего психологически) вида власти, которые можно обозначить как внешний и внутренний. К первому относятся власть вознаграждения и принуждения, поскольку и "пряник", и "кнут" зависят прежде всего от самой власти, определяющей, к кому какое средство применять. Вторым видом является легитимная власть, проистекающая от субъективных оценок граждан.

Если исходить из данного дихотомического подхода, то упомянутые выше власть эталона, знатока — это скорее не отдельные типы власти, а способы легитимации. Информационную власть можно рассматривать как определенный промежуточный вариант, сочетающий особенности обоих типов. Выделение двух основ власти Достаточно условно. В реальном политическом процессе ни один из них не может претендовать на абсолютную эффективность, и они используются одновременно в различных сочетаниях.

Наиболее прочной основой государства может быть только такое его взаимоотношение с обществом, при котором имеет место соответствие представлений граждан о "должной" и реальной власти. "Народ должен чувствовать, что его государственное устройство соответствует его праву... и его состоянию, — пишет в связи с этим Гегель, — в противном случае оно может ...быть внешне наличным, но не будет иметь ни значения, ни ценности" (т. е. будет носить формальный характер).

В этом контексте ключевое значение приобретает понятие "легитимность". В содержательном плане она означает признание гражданами правомочности власти, обоснованности ее претензий на господство над ними, внутреннее согласие подчиняться. В определенной степени можно сказать, что люди, которые подчиняются самим себе, интериоризируют и принимают, как свое, веление власти.

Люди могут повиноваться власти по многим причинам: надеясь получить некую выгоду; считая, что "другие еще хуже"; полагая, что выступать против власти "слишком дорого", и т. п. Но такая внешняя поддержка таит в себе возможность серьезного кризиса. Ведь возможности для принуждения и вознаграждения всегда ограничены в возможностях длительного применения. Ш. Талейран метко заметил, что единственный недостаток штыков состоит в том, что на них невозможно сидеть. То же самое можно сказать и о тенденции к "покупке" лояльности граждан. Речь идет не столько о собственно материальных ресурсах, сколько о психологических. С течением времени происходит своеобразное привыкание к репрессиям или поощрениям. Они начинают восприниматься как фоновое явление, а их субъективная значимость постепенно падает.

С этой точки зрения легитимность "выгодна", поскольку власть может позволить себе не растрачивать средства на то, чтобы добиться выполнения своих указаний. Более того, в определенных ситуациях факт легитимности может стать для нее своеобразным единственным ресурсом, когда другие уже исчерпаны (например, для проведения непопулярных мер в условиях экономического кризиса).

Весьма часто легитимность понимают как "законность" и отождествляют с "легальностью". По нашему мнению, легитимность и легальность не совпадают, поскольку имеют различную природу. Если легальность отражает формальный момент соответствия власти правовым нормам, то легитимность является по своей сущности именно психологической характеристикой.

Безусловно, легитимность и легальность взаимосвязаны, а правовой характер власти играет существенную роль при формировании легитимности. Однако легальность не является ни необходимым, ни достаточным ее условием. Люди могут признавать обоснованным господство власти, действующей с точки зрения "целесообразности" или даже установленной неправовыми средствами. Данный феномен также часто встречается в периоды социальных потрясений, таких, как революции. Противоположным может стать вариант, при котором граждане не доверяют в достаточной мере власти, которая, казалось бы, соответствует установленным нормам.

Типы легитимности и их предпосылки. Традиционно при рассмотрении легитимности ссылаются на взгляды зарубежных исследователей, прежде всего М. Вебера. Однако будет справедливым отметить, что еще раньше указанную проблему затронул в своей психологической теории права видный отечественный юрист Н.М. Коркунов (хотя сам термин "легитимность" он не использовал). Для российского ученого основополагающий момент властных отношений лежит не в объективности принуждения, не в наличии органов власти, а в субъективном принятии этой власти. "Для властвования требуется только сознание зависимости, а не реальность ее", — считает Н.М. Коркунов. При этом во власти имеет значение не столько институциональный, сколько аксиологический аспект. С точки зрения ученого, понимать власть как "только волевой" акт не следует. Люди подчиняются не столько конкретному представителю власти как таковому, сколько некоторому символу, представителю "чего-то, стоящего выше их личной воли" (например, царь — "помазанник божий").

В процессе трансляции социального опыта передается и представление о том, что этой власти необходимо подчиняться. "Государственная власть, — пишет Н.М. Коркунов, — не чья-либо воля, а сила, вытекающая из сознания гражданами их зависимости от государства". Вместе с тем, человек будет подчиняться власти в той мере, в какой она совпадает со сложившимся нормативным образом (или, по крайней мере, создает иллюзию такого совпадения). Весьма актуально звучит положение ученого о том, что власть для обеспечения опоры на граждан должна "находиться в известном соответствии с... сознанием подвластных, с теми представлениями, которые они имеют о государстве...". Любопытно, что более чем через полвека практически идентично сформулировал видный американский политолог Д. Истон. Раскрывая сущность легитимности, он отмечает, что "то правительство легитимно, которое соответствует сложившимся в народе представлениям о справедливости и социальном назначении этого института".

Исходя из указанных выше положений можно заключить, что добиться абсолютной власти над личностью невозможно. Предел власти ставится мерой осознания себя зависимым. Данный аспект проблемы весьма образно отмечен в сказке Ф. Искандера "Удавы и кролики" формулой: "их гипноз — это наш страх". Действительно, если гражданин внутренне убежден, что он не обязан

выполнять распоряжения власти в силу ее, то степень господства государства над ним будет меньше (в том числе при использовании насилия). Даже если человек и выполняет приказы, это скорее формальное повиновение. Указанная ситуация противоположна гегелевскому пониманию свободы как "осознанной необходимости": я свободен настолько, насколько принял власть над собой.

На каких же психологических основах базируется легитимность? Наибольшую известность получила классификация, основывающаяся на типах господства, выделенных М. Вебером. Чаще всего выделяют традиционную, харизматическую и легальную легитимность.

В основе традиционной легитимности лежит привычка, стремление к постоянству, консерватизм, отчасти конформизм, традиционное социальное действие (делать как все). Человек подчиняется власти, потому что "так было всегда", не рефлексируя отношения к ней. Так для многих жителей России Октябрьская революция 1917 г. означала только "смену царя". В то же время для людей, сформировавшихся в годы советской власти, вопрос о ее легитимности также не вставал во многом потому, что для них она была естественной данностью. При традиционной легитимизации новое приобретает значимость только через ссылку на авторитет прошлого. Примером такой власти является монархическая система правления. Однако и сегодня легитимизация через традицию используется достаточно широко. Вспомним апелляцию к отечественным традициям, образы Петра Первого, Владимира Ленина, Иосифа Сталина. В настоящее время очень ярко проявляется стремление к установлению связи современной государственности с дооктябрьской Россией, недооценивая 70-тилетний опыт новейшей истории СССР как великого государства современности. Психологически традиция может быть связана с патернализмом, восприятием отношений граждан — власть как семейных — старшего и младшего.

В современных условиях традиционный тип легитимизации власти поддержки может встречаться в Средней Азии, на Кавказе в форме поддержки членов "своих" групп (клановых, земляческих, семейных). С другой стороны, принципы традиционной легитимности могут использоваться при построении имиджа политиков как показатель преемственности национальных традиций). Так, президент Кыргызстана А. Акаев характеризовался в СМИ не только как политик-интеллектуал, академик, но и как потомок одного из киргизских царей. Н. Назарбаев, С. Ниязов как руководители государств постсоветского пространства практически конституционно закрепили за собой право на абсолютное властвование.

Харизматическая легитимность является по своей основе личностным типом правомочности. Такой власти подчиняются в силу того, что приписывают ее носителям внеобыденные качества: великого учителя героя, пророка и т. п. Как было отмечено Ф.М. Достоевским в "Легенде о великом инквизиторе", основой удержания власти наряду с "тайной" и "авторитетом" является "чудо".

Сам термин "харизма" был взят из религии, где обозначал своеобразную божественную избранность, "дар свыше". Возможно, в силу этого при анализе системы харизматической власти часто можно обнаружить психологические параллели со структурой религиозного культа: наличие "мессии", знающего, "как надо", его последователей — "апостолов", "мучеников", противников-еретиков, идеологию — "писание" и т. п. Неизбежным следствием, своеобразной оборотной стороной харизматического способа легитимизации является сочетание вождизма с массовым энтузиазмом, слепой верой в лидера.

Рассматриваемая легитимность по своей сути противоположна традиционной, поскольку ориентирована прежде всего на изменение существующего положения вещей. Однако по форме она может переплетаться с ней, особенно если несколько последовательных представителей власти рассматриваются как лидеры харизматического плана. Данный процесс особенно ярко проявляется тогда, когда харизма еще недостаточно выражена. Однако даже революционная харизма по истечении определенного срока становится историей, и происходит ее рутинизация. Так, Сталин на этапе восхождения к власти представлял себя продолжателем традиции, идущей от Ленина и революции, а в конце своего почти 30-летнего правления он уже сам был "традицией" для других.

При легальной (рациональной) легитимности власть проистекает из убеждения в том, что необходимо следовать указаниям людей и институтов, избранных в соответствии с рациональными правилами ("подчиняюсь, поскольку таковы установленные нормы"). Данный вид легитимности тесно связан с целерациональным типом социального действия (М. Вебер), следовательно, учитывает и то, как власть влияет на достижение человеком его целей. В данном аспекте весьма важно учитывать неоднозначное отношение между такими характеристиками власти, как легитимность и эффективность. Трудно отрицать (при прочих равных условиях), что демонстрация властью успешности в осуществлении своих полномочий и обещаний способствует росту ее авторитета. Высокая эффективность может даже стать предпосылкой повышения легитимности власти, а низкая — подрывать ее. Действительно, оценка того, насколько государство способствует удовлетворению их целей, — важнейшая предпосылка легитимности. Как заметил Гегель, "если гражданам нехорошо, если их субъективная цель не удовлетворена, если они не находят, что опосредованием этого интереса является государство как таковое, то прочность государства сомнительна".

Психологические факторы легитимности и делегитимности. Однако эффективность не отменяет необходимости собственно легитимности. Выше мы говорили о том, что власть принуждения и вознаграждения зависит от ресурсов. Кроме того, абсолютная и постоянная эффективность недостижима в принципе. В силу этого эффективность власти — желательное, но не основное условие легитимности. Так, к 1973 г. в Чили правительство С. Альенде не смогло решить важнейшие социально-экономические проблемы и в

значительной мере утратило доверие к способности эффективно управлять страной. Это ослабило его легитимность и облегчило военный переворот. Вместе с тем, режим А. Пиночета, казалось бы, добившись крупных экономических успехов, не смог обеспечить подлинной правомочности своего господства. В условиях экономического роста претензии на власть были до определенной степени оправданы. Однако последовавший спад стал важным фактором падения хунты, поскольку необходимой легитимности она не имела в силу способа прихода к власти и методов управления. Подобную ситуацию можно наблюдать в Южной Корее, где, несмотря на "экономическое чудо", военный режим пал, поскольку не обеспечивал прав человека, свободы и демократии.

Дилемма эффективности и легитимности имеет психологическое основание. Представляется, что эффективность может быть в определенной степени сопоставлена с инструментальными ценностями, а подлинная легитимность — с терминальными. Можно предположить, что при удовлетворении базовых потребностей за счет успешного экономического роста актуализируются более высокие устремления личности (в т. ч. стремление к осознанию себя как субъекта общественного развития). Эффективность не следует вводить только к экономике. Выше мы отмечали, что основа власти — взаимодействие мотивов. Помимо материальных, не менее (а часто и более) важным является удовлетворение таких потребностей граждан, как безопасность, эмоциональная поддержка, уважение и т.п.

Среди современных подходов к легитимности наиболее известна концепция Д. Истона. Он предложил выделять три типа правомочности: идеологический, структурный, личностный (персональный). *Идеологическая легитимность* вытекает из того, что гражданин разделяет ценности, которые выражает власть. Подчинение власти по существу оказывается реализацией собственных убеждений. Это может быть преданность "самой свободной стране", как США, самому передовому государству, как СССР, самому исламскому государству — Ирану.

Структурная легитимность сходна с легальной и отчасти традиционной в варианте Вебера и связана с одобрением принципов, норм, механизмов функционирования власти безотносительно к проводимой ею политике.

Персональная легитимность основывается на доверии к политическим лидерам, олицетворяющим власть, высокой оценке их личностных и политических качеств (т. е. фактически на авторитете). Еще Конфуций заметил, что "если в народе будет недостаток веры в правителя и его близких, то государство не может быть устойчивым". Данный тип легитимности близок харизматическому, но шире него, поскольку подразумевает позитивное отношение не только к "сверхспособностям", но и к "нормальным".

Примером персональной легитимности может служить отношение к В.В. Путину в начале его президентской деятельности (как принципиально отличающегося, даже внешне, от всех представителей правящей элиты России). К данному типу относится и достаточно высокая поддержка политического

руководства в США, во многом опиравшаяся на восприятие президента этой страны. Психологической особенностью личностной легитимности в ряде государств, среди которых не является исключением и Российская Федерация, может стать проецирование на такого политика положительных аспектов деятельности власти, а отрицательных — на его окружение: "царь хороший — бояре плохие".

Можно заметить, что типология Д. Истона не отрицает веберовскую и является ее модификацией. Поддержка гражданами власти выражается в определенном типе политического поведения. Поэтому представляется возможным соотнести упомянутые "выше типы легитимности и выделенные М. Вебером типы социального действия (как основы политической активности):

Тип социального действия	Тип легитимности
Традиционное	Традиционная
Аффективное	Харизматическая Персональная
Ценностно-рациональное	Идеологическая
Целерациональное	Структурная Легальная

Политическая власть включает в себя различные структуры и уровни, по отношению к которым граждане могут иметь несовпадающие установки. Следовательно, правомерно предположить, что легитимность включает в себя несколько подтипов. Так, можно говорить соответственно о легитимности политического деятеля, органа власти, ветви власти, формы государственного устройства, принципов и норм и легитимности как целостном показателе отношения общества и государства. С учетом сложности феномена легитимности, вполне понятно, что власть вряд ли может быть легитимной на 100 %. Вместе с тем, различие объектов легитимации имеет позитивное значение: гражданин может быть недоволен конкретным политиком или действиями орган власти, но не подвергает сомнению правомочность политической системы в целом.

Кроме того, следует учитывать, что рассмотренные виды легитимности — это своеобразные "идеальные типы" и в политической реальности конкретного общества все они в той или иной мере присутствуют.

Психологические факторы делегитимизации власти. Легитимность есть не столько состояние, сколько процесс и его мобильный результат. Он включает наряду с укрепляющими власть факторами также и те, которые

ослабляют легитимность. Ведущим фактором делегитимизации будет несоответствие тому принципу, на котором она базируется. Для традиционной власти смертельно опасны любые перемены, а сила и непоколебимость традиции превращается в мину замедленного действия. Любые действия власти, не соответствующие заданным рамкам, подрывают ее основы. Вспомним, что народ не удивлялся жестокости Ивана Грозного, но объявлял антихристом Петра I. Более близким примером может стать М.С. Горбачев. После трагедии с атомной подводной лодкой "Курск" легитимность президента В. Путина не только была снижена, но многими и поставлена под сомнение.

Проблема харизматической власти заключена в необходимости постоянно подтверждать харизму через демонстрацию чего-то "сверхъестественного" или, как минимум, эффективность. В противном случае в массовом сознании возникают сомнения по поводу подлинности качеств представителей власти ("тому ли подчиняемся") и системы в целом. Вспомним крик: "царь-то не настоящий!", с которой начались злоключения героев фильма "Иван Васильевич меняет профессию". Другой болевой точкой харизматической легитимности становится проблема преемственности власти. Если лидер — сверхчеловек (причем имплицитно подразумевается, что единственный), то могут ли его соратники претендовать на власть? Такая проблема достаточно остро стояла после смерти Сталина. Путем решения проблемы может стать "рутинизация" харизмы: переход к традиционной легитимизации через ссылку на преемственность власти; придание оттенка харизматичности посту (например, генерального секретаря), политической организации.

По мнению М. Вебера, рациональная легитимность является более слабой, поскольку любое правовое установление можно в принципе оспорить перед "судом разума". "Порядок, устойчивость которого основана только на целерациональных мотивах, в целом значительно лабильнее, чем тот порядок, организация которого основана только на обычае, привычке к определенному поведению...", — писал в связи с этим немецкий социолог.

Аналогичную мысль высказал русский правовед И.А. Покровский, увидевший еще в 1919 г. слабые места демократической политической системы. Он отметил, что благодаря значительной степени иррациональности, а также освященности традицией монархической власти "повинуются легче и проще". В то же время, основой демократии является прежде всего "Гражданское сознание необходимости порядка и власти вообще". Но рациональные мотивы "далеко не всегда оказываются равным и по силе прежним", вследствие чего условиях демократии возможно ослабление "психологического влияния власти и психологической силы закона".

Таким образом, в определенной психологической недостаточности "только легальной власти" коренится необходимость ее "делегиитимизации" со стороны других типов. Так, для прочности демократии необходимо не только ввести в действие самое совершенное законодательство, но и то, чтобы они

подкреплялись многовековой традицией и стали своеобразными ценностями большинства. Существенную роль играет и отождествление принципов демократии с авторитетными личностями, близкими по масштабу к харизматикам.

Среди других факторов, снижающих легитимность власти, можно отметить:

- 1) ценностный диссонанс (для традиционной и идеологической легитимности):
  - различие декларируемых и реально воплощаемых властью ценностей;
  - различие ценностных ориентации (в том числе менталитета) основной массы граждан и власти;
- 2) снижение легитимности правящей элиты (для персональной легитимности):
  - нарушение моральных норм представителями власти (по мнению Т. Гоббса, "репутация власти есть сама власть");
  - кризис правящей группы (как заметил Аристотель, "распри среди знатных приходится расхлебывать всему государству");
  - перенос недовольства лицом на представляемый им властный институт (примером может служить влияние скандалов вокруг личной жизни представителей британской королевской семьи на восприятие монархии гражданами Великобритании).
- 3) отчуждение граждан от власти, отсутствие возможности выразить свои интересы;
- 4) неэффективность власти, невыполнение ею своих обязанностей;
- 5) активизация противостояния и противодействия открытой и латентной оппозиции.

Степень легитимности определяется отношением граждан к власти. Но это не означает, что последней остается только пассивно созерцать, как растет или падает ее авторитет. Безусловно, в политическом процессе властные структуры стремятся сделать все, чтобы их господство было признанным большинством населения. Такую "технологическую" точку зрения выразил С.М. Липсет. По его мнению, легитимность — "способность системы создать и поддержать у людей убеждение в том, что существующие политические институты являются наилучшими из возможных для общества". Из данного тезиса вытекает одна из основных технологий самолегитимизации — создание с помощью пропаганды представления о соответствии реальности и ожиданий людей. Данный способ весьма широко использовался в современной России в отношении укрепления влияния СМИ в общественном сознании и практике как четвертой власти. В условиях монополизации информационных потоков гражданам приходилось воспринимать их содержание, а нередко признавать предлагаемые ценности, цели, оценки. Кроме пропагандистского воздействия важное значение имеет политическое воспитание в обществе, социально-психологическое воздействие.

Если обратиться к истории, то можно заметить, что еще одним средством повышения легитимности становится привлечение граждан к участию в

политическом процессе, например, через голосование или "наказы" депутатам. Вполне понятно, что если существует мнение о том, что решение власти является в определенной степени и "моим", то создается образ власти как учитывающей интересы людей, а выполнение такого решения будет опираться на иную мотивацию, чем в случае прямого навязывания воли властвующего. При этом речь может идти не столько о реальном объеме предоставляемой власти, сколько о создании у различных социальных групп субъективного представления о своей политической значимости.

В.П. Макаренко отмечает, что в качестве специфического способа взаимодействия гражданина и власти может выступать жалоба, ставшая элементом нашей политической культуры. По мнению ученого, жалоба "создает... чувство некоторой свободы по отношению к чиновникам низших уровней... и связана с убеждением: верхи всегда готовы реагировать на социальную несправедливость и бедствия народа", а количество жалоб — это показатель внедренности в массовую политическую психологию бюрократических стереотипов.

Фактором, в значительной степени влияющим на политические отношения, являются особенности восприятия власти массовым сознанием. При этом надо учитывать различные "измерения" такого отношения:

- восприятие конкретных лиц и органов власти, их действий;
- глубинное восприятие власти как социального института.

Оценка власти может осуществляться по различным ее параметрам. Однако, как показало исследование, проведенное под руководством Е.Б. Шестопаля, основными измерениями являются:

1. сила — слабость;
2. симпатия — антипатия.

Соответственно, в современных условиях власть воспринимается как:

1. слабая, неспособная государства обеспечить повседневную безопасность;
2. размытая, неопределенная (непоследовательная, нерешительная);
3. отчужденная (безразличная к положению людей, не проявляющая элементарного уважения и заботы, рассматривающая людей как "винтиков");
4. корыстолюбивая, эгоистичная.

Представляется, что хотя исследование проводилось в середине 90-х годов, такие особенности восприятия власти гражданами сохраняются и сегодня, продолжая влиять на их политическое поведение.

Анализ ряда исследований позволяет сделать вывод о том, что для российского менталитета характерно противоречивое отношение к власти — сочетание апелляции к ней по самым различным поводам с определенным недоверием. По мнению указанных авторов, власть и стремление к ней не являются в русском менталитете абсолютной ценностью. Так, на уровне коллективного бессознательного власть наделяется такими характеристиками, как:

- глобальность (вездесущность);

- единственность, связь с "темной" силой, колдовством;
- безликость, размытость.

Для понимания функционирования властных отношений также важно учитывать и то, что люди отличаются по своей ориентации на подчинение власти. Психологический анализ предпосылок нацизма, осуществленный Э. Фроммом, В. Райхом, Т. Адорно, позволил выделить особый тип личности, который характеризуется рядом особенностей. В аспекте рассматриваемой проблемы важным представляется то, что для человека с авторитарным характером характерно двойственное отношение к власти. С одной стороны он:

- "восхищается властью и хочет подчиняться";
- не критичен по отношению к официальной власти, часто смешивая "государство и "правительство";
- весьма "трепетно" относится к социальной иерархии, выступает за ее поддержание;
- нуждается в сильном лидере (которого идеализирует).

Кроме того, с точки зрения Э. Фромма, подчинение власти для "обладателя" авторитарного характера может субъективно означать причастность к некоей высшей силе и становится средством преодоления невротических переживаний, своеобразной психологической защитой.

На этом основано "бегство от свободы", получившее наиболее полное освещение в работах Э. Фромма. Вместе с тем следует отметить, что данный феномен был, по существу, отмечен русским политическим психологом Б.Н. Хатунцевым. Еще в 1925 г. он писал: "Человек по слабости своей натуры нередко не может устоять от желания найти и иметь властителя, которому можно было бы передать заботы о себе и все мучения свободы, как свободного выбора добра и зла в жизни".

Вполне понятно, что такие установки становятся весьма удобной почвой для установления авторитарной политической системы и ее стабильности. Но с другой стороны, авторитарная личность стремится господствовать над более слабым, по отношению к которому направляется агрессия. Особенность авторитарного характера в том, что "человек восхищается властью, хочет ей подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинялись ему".

Э. Фромм заметил парадокс: если существующая власть не отвечает представлению о "сильной власти", то вполне возможна ненависть и презрение к ней.

Завершая изложение, отметим, что все результаты проведенного анализа закономерных сторон власти позволяют уточнить сущность, механизмы и условия феномена власти, то есть поставить проблему психологии власти как одну из ключевых в политической психологии. Даже самые общие положения в данном контексте позволяют выделить основные аспекты, на которые важно обращать внимание, чтобы совершенствовать систему власти. Они помогут выработать достаточно полное и целостное понимание психологии власти как в политике, так и в обществе в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абашкина.Е., Егорова-Гартман Е., Косолапова Ю. и др. Политиками не рождаются. Как стать и остаться политическим лидером.– М.,1993.
1. Абашкина Е.Б., Косолапова Ю.Н. О теориях лидерства в современной психологии США // США. Экономика, политика, идеология.– 1995.– № 1.
2. Автономова Н.С. Власть в психоанализе и психоанализ власти // Очерки современной политической философии Запада.— М., 1989.
3. Адорно Т. Типы и синдромы. Методологический подход: Главы из книги "Авторитарная личность" // Социологические исследования.– 1993.
4. Андреев С.С. Политическое сознание и политическое поведение // Социально-политический журнал.– 1992.– № 8.
5. Андреева Г.М. Социальная психология.– М.,1994.
6. Анцупов А.Я., Шипалов А.И. Конфликтология: Учебник для вузов.– М., 1999.
7. Арндт Х. Массы и тоталитаризм // Вопросы социологии.– 1992.– Т. 1, вып. 1.
8. Арон Р. Демократия и тоталитаризм.– М., 1993.
9. Ашин Г. К. Элитология.– М., 1999.
10. Бердяев Н. А. Самопознание.– М., 1991.
11. Бехтерев В. М. Внушение и его роль в общественной жизни.– СПб., 1908.
12. Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу.– М., 1992.
13. Бодалев А.А., Руткевич Л.А. Как становятся великими или выдающимися.– М., 1997.
14. Болл Г. Власть // Политические исследования.– 1993.– № 5.
15. Бурдые П. Социология политики.– М.,1993.
16. Бурлацкий Ф., Галкин А. Современный Левиафан.– М.: Наука, 1985.
17. Вебер М. О буржуазной демократии в России // Социологические исследования.– 1992.– № 36.
18. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования.– 1988.
19. Вебер М. Избранные произведения.– М., 1990.
20. Выдрин Д.И. Технология популизма // Диалог.– 1990.– № 3.
21. Вятр Е. Социология политических отношений.– М., 1979.
22. Герасимов Б.М, Деркач А.А., Косопкин А.С., Нефедова Т.И. Психология парламентаризма.– М., 1999.
23. Гозман Л.Я. Психология в политике – от объяснения к воздействию // Вопросы психологии.– 1992.– № 1.
24. Гозман Л.Я., Шестопап Е.Б. Политическая психология.– Р-н/Д., 1996.
25. Голдмен С. Как создается имидж в американской политике // США: экономика, политика, идеология.– 1990.– № 10.
26. Гоулд Ф. Стратегическое планирование избирательной кампании // Политические исследования.– 1993.– № 4.

27. Грачев Г.В., Мельник И.К. Манипулирование личностью: организация, способы и технология.– М., 1999.
28. Грушин Б.А. Массовое сознание.– М., 1987.
29. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология.– М., 1996
30. Дубов И.Г., Пантелеев С.Р. Восприятие личности политического деятеля // Психологический журнал.– 1992.– № 5.
31. Егорова-Гантман Е.В. и др. Политиками не рождаются: Как стать и остаться эффективным политическим лидером.– М., 1993.
32. Желев Ж. Авторитарный образ мышления и культ национального вождя // Диалог.– 1991.– № 6.
33. Жмырков А.Н. Психология политического лидерства в современной России.– Н.Новгород, 1996.
34. Зазыкин В.Г., Хрустачев АЛ. Политический конфликт: Психологический взгляд на проблему.– М., 1999.
35. Зайцевский П.Г. Избирательные технологии.– М., 1999.
36. Залысин И.Ю. Политическое насилие в системе власти // Социально-политический журнал.– 1995.– № 3.
37. Зимичев А.М. Психология политической борьбы.– СПб., 1995.
38. Иванов В.А. Политическая психология.– М., 1990.
39. Иосефович Н.В. Политика власти. Ты – босс!– М., 1995.
40. Ирхин Ю.В., Акбергенов А.Д. Диалектика психологии, политики и социологии в современном мире.– М., 1991.
41. Ирхин Ю.В. Психология и политика.– М., 1993.
42. Каверин С.Б. Потребности власти.– М., 1991.
43. Кайтуков В.А. Эволюция диктата. Опыт психофизиологического исследования.– М., 1992.
43. Канашевич Н.М. Политическое сознание переходного общества.– Могилев, 1995.
44. Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием.– М., 2000.
45. Ковалевский П. Психиатрические этюды из истории // Диалог.– 1991-1993 гг.
46. Косолапов Н.А. Политико-психологический анализ социально-территориальных систем.– М., 1994.
47. Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти.– Л., 1991.
48. Краткий психологический словарь.– М., 1985.
49. Краткий словарь по социологии.– М., 1990.
50. Лебон Г. Психология народов и масс.– СПб., 1995.
51. Макиавелли Н. Государь.– М., 1990.
52. Михайловский Н.К. Герои и толпа.– СПб., 1882.
53. Московичи С. Машина, творящая богов.– М., 1998.
54. Мэрфи Р. Технология избирательных кампаний в США // Политические исследования.– 1991.– № 30.– С. 125—137.

55. Назаретян А.П. Политическая психология: предмет, концептуальные основания, задачи // *Общественные науки и современность*.– 1998.– № 1.
56. Ольшанский Д. Трансформация человеческого сознания (от мегамашины тоталитаризма к демократическому обществу) // *Полис*.– 1991.– № 3.
57. Петренко В.Ф., Митина О.В. Семантическое пространство политических патрий // *Психологический журнал*.– 1991.– № 6.
58. Политическая теория и политическая практика. Словарь-справочник.– М., 1994.
59. Политология. Краткий энц. сл.-спр.– Р-н/Д, М., 1997.
60. Почепцов Г. Г. Психологические войны.– М., 2000.
61. Пугачев В.А., Соловьев А.И. Введение в политологию.– М., 1995.
62. Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти: Хрестоматия: В 2-х т.– М., 1999.
63. Сигеле С. Преступная толпа.– СПб., 1896.
64. Современная западная социология. Словарь.– М., 1990.
65. Соловьев А.И. Политическое сознание и политическая культура.– М., 1991.
66. Стефаненко Т. Этнопсихология.– М.: Академический Проект, 1999.
67. Такер Р.С. Сталин: Путь к власти. 1879 – 1929. История личности.– М., 1990.
68. Теплов Б.М. Ум полководца // *Проблемы индивидуальных различий*.– М., 1961
69. Трусов В. Современные психологические теории личности.– Л., 1990.
70. Уледов А.К. и др. Теоретическая и прикладная социальная психология.– М., 1988.
71. Фрейд З., Буллит У. Томас Вудро Вильсон, 28-й президент США. Психологическое исследование.– М., 1992.
72. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого "я".– Минск, 1991.
73. Фромм Э. Иметь или быть?– М., 1989.
74. Херманн М. Стили лидерства в формирований внешней политики // *Политические исследования*.– 1991.
75. Чаффинс С., Форбс М. и др. "Стеклянный потолок": занимают ли женщины в США должное положение в обществе // *Лидерство: психологические проблемы лидерства в бизнесе*.– Ростов-н/Д., 1997.
76. Чернявская А.Г. Психология господства и подчинения.– Харвест, 1998.
77. Чулков Г. Императоры. Психологические портреты.– М., 1991.
78. Шестопал Е. Личность и политика.– М., 1988.
79. Шестопал Е.Б. Очерки политической психологии.– М., 1990.
80. Шестопал Е.Б. Восприятие образов власти: политико-психологический анализ // *Политические исследования*.– 1995.– № 4.
81. Шиллер Герберт. Манипуляторы сознания.– М., 1980.
82. Шмелев А.Г. Психология политического противостояния, тест социального мировоззрения // *Психологический журнал*.– 1992.– Т. 13.– № 5.
83. Шостром Э. Анти-Карнеги, или Человек-манипулятор.– Минск, 1992.

84. Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности.– М., 1982.
85. Эткинд А. Эрос невозможного. История психоанализа в России.– М., 1993.
86. Юрьев А.И. Введение в политическую психологию.– СПб., 1992.
87. Adorno T. The Authoritarian Personality.– N.Y., 1950.
88. Atkinson J. W. Anintroduhtion to Motivation.– Prinston.- N.-Jersi, 1994.
89. Collins B.E., Raven B.H. Group structure // The Handbook of social psychology. V.4. Reading, Maas.– 1969.
90. Cottel R.B. Handbook of multiivariate expermental psychology. — Chicago: M. Nally, 1966.
91. Denmark F.L. Styles of leadership // Psychology of women quarterly.– V.Z., 1977.
92. Denning D.E. Informazion Warfare and Securite.– Rezdng, Mass., ets., 1999.
93. Deutsch M. What is political psychology? // International Social Science Journal. Vol. 35.– 1983.
94. Deutch M. Distributive justice. A Social-psychological perspective.– New Heaven-London: Yale Univ. Press, 1985.
95. Dowse R. E. Political Sociology.– G. B. 1986.
96. EdelsteinA. Total Propaganda. Form Mass Culture to Popular Cultur.– Mahway, N.J.-London, 1997.
97. Enciciopedia of Psychology / Ed. H J. Eyzenk, W. Arnold and R. Meili.– N.Y.: Herder&Herder, 1972.
98. FiedlerF.E. The contingency model and the dynamics of leadership process // Advances in experimental social psychology. V.I 1.– N.Y., 1978.
99. FreserL Propaganda.– London, 1997.
100. Hollander E.R. Women and Leadership // Small groups and social interaction.V. 1.–London, 1983.
101. Hunt S.t Hilton J. Individual development and social experience.– London, 1975.
102. Lask C. M. and Judd C. M. Political Expertise and the Structural Mediators of Candidate Evaluations // Journal of Experimental Social Psycholody.– 1988.
103. Laswell H.D. The Theory of Political Propaganda // Public Opinion.– 1996.
104. Lipset S. and Bendix R. Social mobility in Industrial Society.– University of California Press, 1967.
105. MaslowA.H. Motivation and personality.– N.Y., 1968.
106. McAdoms D.P. Power, Intimacy and the Life Story.– N.Y.- L, 1988.
107. McClelland D. C. The achieving society.– Princeton-N.Y., 1998.
108. Milgram S. Obedience to Authority: An Experimental View.– N. Y., 1974.
109. Miller J.B, Women and power // Women's growth in connection.– N.Y.-L, 1991.
110. Ollport G.W. Attitudes // Handbook of Social Psychologi, 1935.
111. Raven B. Power and influence: Construct andappications.– N.Y.-L, 1991.

112. Renson S. Psychological Needs and Political Behavior.– N. Y.: Free Press, 1974.
113. Silva Sanisteban S. Fundaments de cencia politica.– L. 1986.
114. Stogdill R.M. Handbook of leadership.– N.Y., 1974.
115. Stone W. The psychology of politik.– N.Y.: The Free Press, 1974.
116. Surrey J.L. The "Self-in-relation": A Theory of wowed's development // Womens growth Lodge et all. An Impression-Driven Model of Candidate Evaluation // American Political Science Review.– 1989.– June.
117. in connection.– N.Y.-L, 1991.
118. Tversky A., Kaheman. The Framing of Decisions and the Psychology of Choice // Science.– 1981.
119. Watts D. Political Communication Today.– Manchester, 1997.
120. Winter D., Herman M., Vaintraub W., Walker S. The Leader as a Projective Scene // Political Psychology.– 1991.– V. 12.– № 2.

СОДЕРЖАНИЕ

1. Политическая психология как наука.....	3
1.1. Предмет политической психологии.....	3
1.2. Связь политической психологии с другими науками.....	5
1.3. Методы, категории и функции политической психологии.	6
2. Становление и развитие политической психологии.....	10
2.1 Позитивистская концепция политической психологии.....	13
2.2. Антипозитивистские концепции политической психологии...	23
3. Политическая психология личности.....	33
3.1. Политическая социализация личности.....	33
3.2. Политическое поведение личности.....	36
4. Психология власти.....	65
4.1. Психология власти: генезис и основные виды проявления.....	65
4.2. Мотивация политической власти.....	69
4.3. Психологические признаки власти: суверенитет, легитимность.....	82
Литература.....	99

Учебное издание

Симановский Сергей Иванович

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

учебное пособие

В авторской редакции

Налоговая льгота – Общегосударственный классификатор
Республика Беларусь ОКР007-98, ч.1; 22.11.20.600.

Подписано в печать "___" __.200__ г. Формат 60x84/16. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 6,92. Тираж ___ экз. Зак. ___.

Белорусский государственный университет
Лицензия ЛВ. № 315 от 14.07.98.
220 050, Минск, пр. Ф. Скорины, 4

Отпечатано на копировально-множительной технике
Научно-практического центра "Комментарий"
Факультета управления и социальных технологий БГУ
220 037, Минск, ул. Ботаническая, 15. Тел. 284-66-44.